"Чатос" идут в атаку

Сергей Исидорович Шингарев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга рассказывает о выполнении интернационального долга советскими летчиками-добровольцами, сражавшимися с фашистами в небе Испании в 1936–1939 годах, о боевой дружбе наших летчиков с авиаторами Испанской Республики и добровольцами других стран. Настоящее издание приурочено к 50-летию со дня начала национально-революционной войны в Испании.

- Россия с нами
- Хроника одного дня
- Пароль — Испания
- Обманчивая тишина
- «Чатос» идут в атаку
- Внизу — Мадрид
- Над Брунетским выступом
- Патруль уходит в ночь
- К дальним берегам
- Конец «Черного дракона»
- Первые встречи
- Испытание боем
- Крылья Астурии
- Всем в воздух!
- На встречных курсах
- Волонтеры свободы
- Прерванный разговор
- Товарищи по оружию
- «Ход конем»
- Последний день Гарапинильоса
- Огнем и тараном
- Пусть земля ему будет небом
- Минуты жизни
- Крылом к крылу
- Над огненным кольцом
- Под нами снега и горы
- За горизонтом времени… (Вместо послесловия)
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32

Россия с нами

Человечество! Человечество! Зову тебя! Зову вас, люди Европы и Америки, на помощь Испании! На помощь нам! На помощь вам самим! Не дайте погибнуть этим женщинам, детям, этим мировым сокровищам! Если вы будете молчать, завтра ваши дети, ваши жены, все, что вы любите, все, что делает жизнь прекрасной и священной, погибнет в свою очередь.

Ромен Роллан

На рассвете тягучий вой сирен возвестил о подходе к Мадриду фашистских самолетов. С запада к парку Каса-дель-Кампо и мосту Сан-Исидоро приближались немецкие бомбардировщики «Юнкерс-52». Над ними растянутым клином летели эскадрильи итальянских истребителей «фиат». Раздались редкие выстрелы зенитных орудий. В облачном осеннем небе повисли лохматые шапки снарядных разрывов…

Трагические дни переживал Мадрид, сдерживавший Яростные атаки фашистских легионов.

Генерал Франко, его немецкие и итальянские пособники спешили. Датой взятия Мадрида было определено 7 ноября — день 19-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции. Для триумфального въезда в столицу Испании диктатору приготовили белого кони. Из Севильского собора к Мадриду доставили мраморную статую девы Марии. Ее предполагалось пронести впереди ударных фашистских частей — иностранного легиона и марокканских таборов [1] — при вступлении их в город.

Но все честные люди Испании, народ Мадрида, испанские коммунисты сказали: «Но пасаран!» — «Они не пройдут!»

«Мадрид станет могилой фашизма», «То, что показал народ Петрограда белым в 1919 году, покажет Мадрид мятежнику Франко в 1936-м» — под такими лозунгами сражались защитники Мадрида.

Все, кто был способен носить оружие, заняли место в боевом строю. На улицах воздвигались баррикады. Дома превращались в крепости. Обороняя Мадрид, неувядаемой славой покрыл себя

сформированный коммунистической партией Испании знаменитый 5-й полк, который впоследствии стал ядром регулярной Народной армии республики. Героически сражались 1-я бригада Народной армии под командованием Энрике Листера и батальоны народной милиции «Астурия», «Мадрид», «Ленинград», «Парижская коммуна» и многие другие.

В эти дни фашисты объявили всему миру: «Мы уничтожим треть населения Испании». «Юнкерсы», «капрони», «хейнкели», «фиаты», пилотируемые немецкими и итальянскими летчиками, день за днем жгли и разрушали города и села Испании. Бомбы рвались в палатах госпиталей, переполненных ранеными. Сраженные осколками, падали у станков рабочие. Люди гибли в трамваях, в очередях за продуктами. Превращались в развалины древнейшие памятники национальной культуры…

Так было и в это утро 4 ноября 1936 года.

Выйдя на траверз реки Мансанарес, бомбовозы повернули к центру Мадрида. Казалось, ничто не может воспрепятствовать им сбросить смертоносный груз. Но случилось непредвиденное: прижимаясь к застывшим над городом облакам, в плотном строю подошли незнакомые испанцам темно-зеленые истребители. Ведущий качнул крыльями. Разделившись на звенья, самолеты с ходу вошли в отвесное пике. Тогда стали отчетливо видны их тупые носы и трехцветные республиканские опознавательные знаки.

Оборвался вой сирен. Смолкли выстрелы зениток. Только надсадный звук моторов стоял над городом.

Сверкнули огненные трассы — очереди бортовых пулеметов. Едва не врезавшись в «юнкерсов», истребители легли в боевой разворот. Переворот через крыло. Атака…

Внезапный, точно рассчитанный удар ошеломил фашистов. Бомбовозы стали расползаться в разные стороны, но было поздно. Один за другим рухнули вниз два объятых пламенем «юнкерса».

Прозевавшие первую атаку «фиаты» бросились навыручку бомбардировщикам. Над крышами Мадрида закрутилась огненная карусель.

Такого еще не видело небо Испании. На глазах изумленных мадридцев, несмотря на опасность покинувших укрытия и высыпавших на улицы, на балконы и даже на крыши домов, республиканские истребители колотили асов из немецкого легиона «Кондор» и итальянских воздушных «рыцарей».

Взорвался и рухнул на площадь перед собором Альмудена еще один «юнкерс». Вне себя от радости люди аплодировали пилотам тупоносых истребителей. Кто-то крикнул:

— Лос чатос![2]

— Лос чатос! Браво! Ура! — неслось над Мадридом.

Женщины размахивали шарфами. Незнакомые люди обнимали друг друга. Многие плакали.

Словно слыша ликующие крики с земли, республиканские истребители теснили противника за реку Мансанагрес.

Метались в небе «фиаты». Огрызались огнем «юнкерсы». Но уйти от возмездия удалось далеко не всем. Еще один фашист, перечеркнув дымным зигзагом небо, рухнул у Королевского моста.

— Виктория! Победа!

Вдруг стихли ликующие возгласы. С остановившимся двигателем низко над крышами города шел подбитый республиканский истребитель. Казалось, вот-вот он врежется в один из домов. Но летчик решился на отчаянный шаг. Видя, что ему не дотянуть до стадиона, видневшегося в конце проспекта Кастельяна, он пронесся над серединой проспекта и нырнул под протянутые между домами красные полотнища. Ударившись колесами о брусчатку, истребитель вильнул в сторону и правым крылом зацепил за стоявшую на углу бетонную тумбу для афиш. Его занесло и с силой швырнуло на росшие у края тротуара серебристые ели. Раздался треск ломающегося дерева и рвущегося полотна.

К самолету бросились десятки людей. Чудом уцелевши и летчика буквально вырвали из кабины полуразрушенной машины. Его хлопали по плечам, предлагали сигареты. У кого-то оказалась бутылка мансанильи. Миловидная испанка надушенным платком вытерла пилотус разбитого лба кровь. А он, оглушенный боем, еще не веривший, что стоит на земле, только растерянно улыбался.

— Камарада русо? — спросил его пожилой рабочий.

— Салут, камарадас! — видимо, исчерпав этим весь запас известных ему испанских слов, проговорил, наконец, пилот.

— Конечно, в небе русские, — уверенно повторил тот же рабочий, который спрашивал летчика, русский ли он.

Эта уверенность моментально овладела всеми, кто оказался в этот час на проспекте Кастельяна. Ведь жители Мадрида знали о недавнем бое советских танков с фашистами под Сесиньей.

Мадридцы не ошиблись. Незадолго до этого, в конце октября, в Испанию прибыли советские корабли, на которых вместе с другим вооружением, продовольствием и боеприпасами были доставлены самолеты — истребители И-15 и И-16. В течение нескольких суток машины были собраны. Они и вступили в бой с фашистами в эти критические дни обороны Мадрида. Эскадрильей истребителей И-15[3], которые отныне испанцы

стали ласково звать «чатос» — «курносые», командовал советский летчик-доброволец Павел Рычагов, сражавшийся в Испании под именем Пабло Паланкар…

Подняв летчика на плечи, мадридцы понесли его по проспекту.

— Русия кон носотрос! Русия кон носотрос! Россия с нами! Россия с нами! — гремело над домами.

Над проспектом Кастельяна зазвучала величественная мелодия «Интернационала».

Подняв над головой сжатые в кулак руки, пели люди, заполнившие тротуары и проезжую часть проспекта. Пели те, кто стоял на балконах и крышах домов. Пел одетый в кожаную куртку сероглазый пилот, поднятый над людским морем мускулистыми руками тружеников.

Над Мадридом в сомкнутом строю, покачивая крыльями, пронеслись республиканские истребители.

В этот день они еще несколько раз прогоняли от испанской столицы фашистских стервятников, доведя счет сбитых «юнкерсов» и «фиатов» до девяти…

Вместе с жителями Мадрида и бойцами, оборонявшими подступы к столице Испании, за воздушным боем над городом с волнением наблюдал командующий авиации республики Игнасио Идальго де Сиснерос. Через несколько лет в своей правдивой книге «Меняю курс» он напишет об этих трагических днях: «Постоянно участвуя в боях против численно превосходящего нас противника, мы несли большие потери в людях и технике. Оставшиеся в живых летчики были сильно переутомлены. Настал деньь, когда я отдал приказ: «Поднять в воздух истребитель» — мы располагали лишь одним самолетом!» И еще: «Но протяжении всей войны я постоянно общался с советскими людьми и наблюдал их героические действия не только в воздухе, но и на земле. Со всей ответственностью могу утверждать, что оказанная нам Советским Союзом помощь была совершенно бескорыстной и стойле ему многих жертв, в числе которых немало летчиков, погибших, защищая свободу испанского народа. Их могилы навсегда остались в нашей стране».

6–7 ноября, когда передовые части мятежников подошли к Университетскому городку и парку Каса-дель-Кампо, над столицей Испании вновь разгорелись ожесточенные воздушные бои.

Теперь «чатос» — истребители И-15 — прикрывали Мадрид вместе со скоростными короткокрылыми истребителями И-16[4]. «Москас» — «мушки» — метко прозвали новые советские машины испанцы. Эскадрильей И-16 командовал летчик-доброволец

Сергей Тархов (Антонио).

В середине дня 7 ноября около ста фашистских самолетов попытались совершить «звездный» налет на Мадрид. Их встретили «чатос» и «москас». В ожесточенном бою «фиатам» удалось зажечь истребитель командира эскадрильи «чатос» Павла Рычагова.

Оставив пылающий истребитель, советский летчик выбросился с парашютом над центром Мадрида. Приземлиться ему пришлось на руки мадридцев. Пылкие испанки в порыве восторга покрыли поцелуями пилота, на их глазах сбившего два фашистских самолета. Когда к месту его приземления примчалась санитарная машина, врачи не на шутку перепугались: все лицо летчика былов красных и оранжевых пятнах. К счастью, это была не кровь, а следы губной помады, оставленные восхищенными сеньоритами на память «камарада русо».

В эти дни центральный орган Коммунистической партии Испании газета «Мундо обреро» писала: «Слава героям воздуха! Фашистские самолеты, сбитые летчиками свободы, свидетельствуют перед миром, что фашизм будет побежден у ворот Мадрида! Да здравствуют пилоты республики!»

Хроника одного дня

18 июня 1937 года…

Северная Испания…

Рваные облака медленно плывут по серому рассвет ному небу. С глухим ревом на скалистый берег Бискайского залива накатываются белопенные волны. Тревожно кричат чайки.

Вторые сутки по дорогам и горным тропам к Сантандеру нескончаемым потоком идут беженцы из Бильбао. Над ними, устилая землю трупами, носятся фашистские истребители.

Бильбао горит. Волна за волной подходят к городу эскадры фашистских бомбардировщиков, расчищая путь дивизиям итальянского экспедиционного корпуса и бригадам мятежников «Наварра». Оставшиеся без боеприпасов республиканские батальоны упорно отстаивают последние оборонительные рубежи на подступах к столице страны басков…

Северный пригород Бильбао Лас Аренас, превращенный в груды обгоревших камней, вторые сутки удерживал поредевший в июньских боях батальон астурийских горняков.

Одна за другой накатывались на Лас Аренас атаки итальянской дивизии «Черные перья». С рассветом противник ввел в бой огнеметные танки «ансальдо». Выжигая все на своем пути, приземистые машины устремились на позиции горняков. За ними бежали густые цепи чернорубашечников. Со стороны Бискайского залива и Лас Аренасу приближалась большая группа «юнкерсов».

Очереди пулеметов из развалин ветряной мельницы и разрывы динамитных шашек отбросили фашистов в исходное положение. Два танка были подбиты.

Подтянув на прямую наводку несколько гаубиц, чернорубашечники засыпали район мельницы снарядами. И снова пошли в атаку.

Все реже и реже раздавались из развалин ответные выстрелы. Фашисты осмелели.

— Сдавайтесь, красные собаки! — кричали они.

В ответ полетели динамитные шашки.

Командир дивизии «Черные перья» ввел в бой свой резерв — батальон «Тосканские волки». Но и на этот раз тех юры динамитными шашками отбросили врага.

Наконец огонь с мельницы прекратился. Чернорубашечники рванулись вперед. И в этот момент под ногами фашистов

колыхнулась земля. К небу взметнулся ревущий всплеск пламени. Поднялись столбы воды. Словно надломившись, в реку Нервьон рухнули пролеты моста, соединявшего Лас Аренас с другой частью города. В рядах фашистов произошло замешательство.

И тут из развалин поднялись два горняка. Отбросив в строну ненужные теперь, оставшиеся без патронов ручные пулеметы, они двинулись навстречу солдатам противника. Они молча сошлись: головорезы из батальона «Тосканские волки» и два оставшихся в живых защитника Лас Аренаса. Фашисты не подозревали, что под брезентовыми куртками шахтеров лежат динамитные пакеты и догорают зажженные от последней сигареты бикфордовы шнуры.

— Взять их! — махнул пистолетом подъехавший на Твике майор.

К горнякам бросились чернорубашечники.

— Руки вверх! — прокричал офицер в черном берете с золотистым изображением бегущего волка.

На закопченных, небритых лицах шахтеров появилась презрительная усмешка. Они шагнули ближе к танку.

— Шахтеры не сдаются! Да здравствует республика! Майор вскинул пистолет. Горняки обнялись. Вместе с пистолетным выстрелом раздался оглушительный взрыв. Вспыхнул танк. На земле в предсмертных судорогах корчились чернорубашечники…

В это утро с узкого, зажатого между заводскими зданиями аэродрома Ламиако, находящегося вблизи Бильбао, взлетела эскадрилья «чатос». Круто набрав высоту, истребители скрылись в темной дымке, стоявшей над Бильбао. На подходе к Лас Аренасу республиканские летчики увидели появившихся со стороны залива «юнкерсов».

Командир эскадрильи капитан Бакедано, его заместитель Леопольд Моркиляс и командир звена Сан Хосе ударили по флагманскому бомбардировщику. И тут же сверху на них бросились «мессершмитты»[5].

Разгорелся воздушный бой. В расцвеченном пулеметными трассами воздухе стоял надрывный рев моторов. Часть бомбовозов прорвалась к Бильбао, и бой шел уже над центром города. Вспыхнул «чато» Панадеро. На горящей машине летчик атаковал «мессершмитта» и сбил его. Набрав высоту, Панадеро скольжением сорвал пламя и вновь устремился в атаку.

Трудно было республиканцам сдерживать десятки «юнкерсов» и «мессершмиттов», а на горизонте затемнела новая волна фашистских самолетов.

Леопольд Моркиляс и Сан Хосе, вдвоем оставшиеся над устьем реки Нервьон, атаковали «юнкерсов». Но, разорвав строй фашистских машин, они на выходе из атаки попали под удар

«фиатов». Очереди крупнокалиберных пулеметов стеганули по республиканским истребителям. Переворотом Моркиляс выскользнул из-под трасс. В крыльях истребителя зияли рваные отверстия., Поток воздуха срывал куски перкалевой обшивки. Оглянувшись по сторонам, Моркиляс встревожился: «Где же Сан Хосе?»

Пройдя над горящими развалинами Лас Аренаса, летчик развернул «чато» к Бильбао. Над зеленым массивом городского парка он едва не столкнулся с «юнкерсом». С ходу Леопольд открыл огонь. В ответ кормовой стрелок бомбовоза дал длинную очередь. Рядом пронеслись два «чато» и преследующие их «мессеры». «Юнкерс» бросился вниз. «Уйти хочешь?» Моркиляс довернул истребитель. В прицел вошла кабина кормового стрелка. «Юнкерс» метнулся в сторону, но Моркиляс не выпускал, кабину из прицела. Трассы вошли в бомбовоз. Пулемет смолк. Тогда Леопольд подвел истребитель вплотную к «юнкерсу» и дал очередь по его правому мотору. Командир фашистской машины резко развернул бомбардировщик, но «чато» заградительным огнем отрезал ему путь. Выводя «юнкерса» из крена, фашистский пилот не рассчитал. Рубя винтами остовы горящих зданий, бомбовоз рухнул на землю…

На остатках горючего «чатос» выходили из боя. Последними к аэродрому Ламиако подошли Сан Хосе и Леопольд Моркиляс. Не успел Леопольд подрулить к стоянке и выключить двигатель, как над аэродромом появились «фиаты». Войдя в пике, они открыли огонь, Вспыхнул самолет Флореса. Буквально вывалившись из кабины, Моркиляс едва успел добежать до укрытия.

А «фиаты» пошли на второй заход.

На аэродроме Ламиако не было зенитного прикрытия. Вернувшиеся из боя И-15 не имели ни боеприпасов, ни горючего. Они не могли взлететь с блокированного фашистскими истребителями аэродрома, узкая взлетная полоса которого позволяла уйти в воздух только одному самолету.

Но, увлекшись атакой, пилоты «фиатов», очевидно, забыли о наблюдении за воздухом. И вдруг со стороны залива показался «чато». Он шел совсем низко над землей и с ходу атаковал один из вошедших в пике «фиатов», Окутанный пламенем фашистский истребитель взорвался над гвоздильным заводом.

А И-15 отчаянно ринулся на вторую фашистскую машину. «Фиат» рванулся вверх. Пулеметы республиканского истребителя полоснули фашиста. Тот перевернулся через крыло и ударился о землю. Увидя гибель второй машины, фашисты бросились прочь от Ламиако.

«Чато» зашел на посадку. Навстречу рулившему истребителю

бежали из укрытий летчики. Бакедано с радостью увидел на борту самолета опознавательный знак своей эскадрильи.

— Да ведь это Магринья! — воскликнул комэск. Два дня назад Рафаэль Магринья был направлен в Сиитандер, на аэродром Альберисия, чтобы перегнать на Ламиако вышедший из ремонта истребитель. Его неожиданное появление над своим аэродромом в такой момент и смелая атака вызвали восхищение товарищей. Ведь истребители, находившиеся на Ламиако, были последние, оставшиеся у республиканцев на всем Северном фронте!

— Считай, Рафаэль, меня братом навеки, — сказал, обнимая летчика, Бакедано.

Магринья жадно закурил предложенную сигарету. Лицо его было бледно.

— Как это ты догадался вовремя появиться над Ламиако? — хлопнув Рафаэля по плечу, спросил Моркиляс.

Он и Магринья были родом из Таррагоны, и Леопольд гордился смелым поступком земляка.

Магринья устало сел на землю и сделал глубокую затяжку.

— За эти сутки столько всего было! Я еще вчера на рассвете собирался вылетать к вам. Едва взошло солнце, как к Альберисии подошла целая стая «юнкерсов». Бомбить не стали — ведь на аэродроме стояли только мой «чато» да два неисправных «Бреге-19». Бомбардировщики развернулись над заливом и пошли к Бильбао. А на Альберисию спикировали «фиаты». Один «бреге» сожгли. Моему истребителю изрешетили элерон верхнего крыла. Думаю: что делать? К счастью, в мастерских оказался запасной элерон…

Магринья встал с земли и бросил окурок. Лицо его оживилось:

— Только подтащили к машине стремянки и начали работать, как на аэродром приехали Мартин ЛунаПодполковник [6], камарада Федорио[7]и с ними сеньорита Ляля.

Приложив к губам сжатые пальцы, Рафаэль поцеловал их:

— Уж на что наша Таррагона славится красавицами, но такую, как сеньорита Ляля, трудно сыскать.

Слушатели заулыбались. Вся эскадрилья знала, что отчаянный, веселый Магринья был неравнодушен к советской переводчице Ляле Константиновской.

— Что же дальше было? — поторопил рассказчика Бакедано.

— Дальше? — переспросил Рафаэль. — Дальше, мой капитан, случилось почти невероятное. Из-за гор выскочила новая группа самолетов. Проклиная фашистов, мы уже подумывали, где бы укрыться. Но, к нашему удивлению, Луна, Федорио и Ляля

спокойно продолжали разговаривать. И тут мы увидели… Это были не фашисты! Впереди шла «катюша»[8], а за ней в плотном строю восьмерка «москас»!

Рафаэль обвел всех ликующим взглядом:

— Вы бы видели, камарадас, что творилось на аэродроме! Мы чуть с ума не посходили. Только камарада Федорио был спокоен. А Мартин Луна… — тут Рафаэль запнулся.

— Ну?

— Луна поцеловал Лялю, — со вздохом закончил Магрянья. — Сели «москас», как на своем аэродроме. Трудно было поверить, что они прошли на высоте шесть-семь тысяч метров без кислородных приборов маршрут в триста пятьдесят километров!

— Кто же прилетел? — заинтересованно спросил Бакедано.

— Русос пилотос, мой капитан[9]. Вы знаете, какие это ребята? После посадки истребители быстро заправили. В это время ракета — к Сантандеру идут фашистские самолеты. Прямо со стоянок «москас» рванулись в воздух. Над портом свалили три «савойи» и двух «фиатов». Весь Сантандер им аплодировал. Зазвонил телефон.

— Командира! — крикнул со стоянки инженер эскадрильи.

Бакедано взял трубку. Лицо его сразу помрачнело. Окончив разговор, командир эскадрильи тяжело вздохнул и медленно направился к летчикам.

— Через десять минут готовность номер один. Взлет по зеленой ракете. После боя садимся на Альберисию. — Бакедано не спеша застегнул замок летной куртки, перекинул через плечо ремешок планшета. — Наш аэродром эвакуируется. Фашисты ворвались в Бильбао.

В полдень 18 июня над Леридой со свистом пронеслась эскадрилья скоростных бомбардировщиков. Круто снижаясь, СБ подходили к покрытой бурой травой посадочной полосе. Оканчивался второй с рассвета боевой вылет на север Испании. Пройдя над территорией занятых мятежниками провинций Арагон и Наварра, «катюши» в районе Бильбао сбросили бомбовый груз на фашистские войска, атаковавшие высоты Санто Доминго и Санто Марино.

Последним садился СБ командира эскадрильи Александра Сенаторова. На самолет быстро наплывала посадочная полоса, с которой отруливал только что севший бомбардировщик. И тут раздался возглас стрелка-радиста чеха Александра Мирека:

— «Фиаты»!

В следующее мгновение по бомбардировщику ударил свинцовый град. В атаку на него шли три вражеских истребителя.

Несмотря на малую высоту и потерю скорости на

планировании, Сенаторов, дав двигателям полный газ, развернул машину навстречу фашистам. Теперь все зависело от четких, согласованных действий экипажа.

Не ожидавшие такого маневра истребители метнулись от «катюши». Стрелок-радист полоснул очередью по кабине ближайшего «фиата». Пятнистый от камуфляжа истребитель с нарисованной на борту оскалившей пасть пантерой пошел к земле. Но два других продолжали атаковать бомбардировщик. И тогда Сенаторов повел машину в лобовую атаку. Штурман Душкин вел огонь из носового пулемета, стрелок-радист Мирек — из задней кабины.

Неожиданно для экипажа бомбардировщика и летчиков эскадрильи, с земли тревожно наблюдавших за неравным поединком своего командира, «фиаты», пустив в сторону СБ Сенаторова по последней длинной очереди, повернули и ушли на запад.

Пройдя над догоравшим на краю аэродрома «фиатом», Сенаторов подвел СБ к посадочной полосе.

Когда они подруливали к стоянке, наблюдательный Душкин, увидев прижавшийся к аэродромным постройкам Р-зет[10], проговорил:

— Кажется, у нас гость.

Выйдя из кабины на крыло «катюши», Сенаторов среди столпившихся летчиков увидел офицера штаба авиации Кутюрье.

— Ну и задали вы взбучку «фиатам», — довольно рассмеялся, здороваясь с экипажем, Кутюрье. И, помолчав, добавил: — А у меня срочный приказ. Вам предстоит вылет на Мальорку.

Сенаторов, которого еще не покинуло напряжение Только что проведенного боя и двух тяжелых вылетов к Бильбао, никак не прореагировал на сообщение.

— Дай отдышаться! — пожимая руку Кутюрье, устало проговорил он.

Они присели на накаленную полуденным солнцем землю невдалеке от самолетов, у которых уже хлопотали Механики и оружейники. Стояла тридцатиградусная жира, и слабый сухой ветерок не мог освежить разгоряченные боем лица. К командиру эскадрильи, штурману и стрелку-радисту протянулись руки с раскрытыми пачками папирос и бутылками охлажденного на льду сидра. Сенаторов закурил и повернулся к Кутюрье:

— Так что же нас ожидает?

— Удар по аэродрому Инка. Всей эскадрильей. Вылет через час.

— Знакомый маршрут, — проговорил штурман Душкин.

Аэродромы Инка и Пальма были хорошо известны экипажам

«катюш». С 18 июля 1936 года — начала фашистского мятежа в Испании — остров Мальорка, где находились эти аэродромы, был фактически оккупирован итальянцами и немцами и стал основной базой для кораблей их военно-морского флота и авиации, действовавших в Средиземном море у восточного побережья республиканской Испании…

Чей-то громкий предостерегающий возглас заставил авиаторов оторваться от карт. Повиснув на одном из держателей, под крылом СБ качалась бомба. Все оцепенели. В следующую секунду бомба глухо шлепнулась о каменистую землю. Не успел никто и пошевельнуться, как к упавшей бомбе бросился оружейник Марселино и накрыл ее своим телом.

Когда прошло первое замешательство, к испанцу подбежали Сенаторов и Кутюрье. С большим трудом они оторвали Марселино от бомбы. Его бледное лицо было покрыто мелкими бисеринками пота.

Командир эскадрильи отвел оружейника в сторону:

— Успокойся, Марселино. Зачем ты лег на бомбу?

Испанец, сжав руками виски, молчал. В его широко раскрытых глазах отражалось все, что он пережил за эти мгновения.

— Мой командир! Когда она, проклятая, сорвалась с держателя, у меня свет в глазах померк. А лег я на нее, чтобы не погибли вы и ваши товарищи.

— Спасибо, друг. Но ты еще не успел ввернуть в бомбу взрыватель, — улыбнулся комэск.

— Только когда меня оттащили от нее, я вспомнил об этом.

Летчики окружили Марселино, все улыбались ему, дружески хлопали его по плечу. Эти люди знали цену настоящему мужеству.

И вот, шипя и брызгая огнем, в небо рванулась белая ракета.

— По машинам! Душкин надел парашют.

— Марселино! — позвал он.

— Да, мой штурман.

— А теперь она, проклятая, взорвется? — хитро улыбаясь, спросил штурман.

— Непременно! Все теперь зависит от вас, Иванио. Нужно попасть точно в цель. Тогда бомба докажет, что я не зря сегодня около нее за секунду пережил всю свою жизнь…

Эскадрилья прошла над серыми Каталонскими горами. Впереди в жарком мареве полуденного солнца лежало лазурное Средиземное море. Высоко в небе виднелись редкие белые мазки перистых облаков. Над Таррагоной бомбардировщики пересекли береговую черту с пенистой линией прибоя.

— До Мальорки сто девяносто километров. Мирек, внимательнее смотри за воздухом, — предупредил Душкин.

С пятикилометровой высоты отчетливо была видна вся цепь Балеарских островов. Эскадрилья приближалась к обрамленной коричневыми горами Мальорке.

— Через девять минут будем над целью, — доложил штурман.

Сенаторов посмотрел на бортовые часы. И тут в ровный гул двигателей ворвалась дробная скороговорка пулемета стрелка-радиста.

— Фашисты! Атакуют со стороны солнца, — взволнованно проговорил в переговорное устройство Мирек.

— Справа группа истребителей, — глухо добавил Душкин.

Бомбардировщик увеличил скорость.

«Откуда им тут быть?» — с недоумением подумал командир эскадрильи. На такой высоте ему еще не доводилось встречать истребители противника.

Густой сноп пулеметных трасс рассыпался в воздухе. В стороне мелькнул и пропал внизу среди незнакомых очертаний остроносый самолет.

— Машины у фашистов какие-то новые, — встревожился штурман.

— Внимание! Атака снизу-сзади! — крикнул Мирек.

Тупые удары качнули СБ. Задымил левый мотор. Плеснув остеклением кабины, впереди выскочил истребитель противника. Самолеты разделяло расстояние не более ста метров. Сенаторов успел рассмотреть перечеркнутый крест-накрест черными полосами белый руль поворота, короткие, как бы обрубленные крылья.

Поймав в кольцо пулеметного прицела фашистскую машину, Душкин вонзил в нее длинную очередь. Волоча за собой клубящийся шлейф дыма, самолет пошел к воде.

Из пробитого двигателя на левое крыло летело горячее масло. Сенаторов ввел в действие бортовой огнетушитель. Краем глаза он увидел внизу кусок голубой бухты и облитый солнцем город.

Как только «катюши» пересекли береговую черту острова, в небе над Мальоркой заметались разрывы зенитных снарядов.

— Командир, подходим к цели. Снижайся до трех тысяч, — спокойно проговорил штурман.

Где-то внизу притаился фашистский аэродром Инка. Но сильно перегревшийся левый мотор уже совсем не тянул.

— Выключаю двигатель. Дойдем на одном, — объявил экипажу Сенаторов.

— Под нами цель! На боевом!

Боевой курс! Несколько секунд летчик должен вести машину по прямой. Он не имеет права отвернуть самолет даже на десятую долю градуса. Скорость и высота полета должны быть неизменны — только тогда штурман метко сбросит бомбы. В эти секунды бомбардировщик — отличная цель для истребителей и зенитных батарей противника.

Сенаторов направил свою машину прямо на взметнувшуюся в небо, узкую, как игла, вершину горы. Он мысленно представил, как медленно к перекрестию бомбоприцела ползет цель и Иван Душкин вносит необходимые поправки.

— Бросаю! — Душкин утопил пальцем боевую кнопку.

Облегченная машина взмыла вверх.

— Разворот вправо. На отходе сбросим остальные, — скороговоркой сказал штурман.

Сенаторов положил СБ на обратный курс. Растянувшаяся в воздухе эскадрилья четко повторила маневр.

— Разрыв в центре цели! Еще… Еще! — радостно восклицал стрелок-радист.

На развороте экипаж увидел опадающие к земле темные султаны взрывов и языки огня над аэродромом Инка.

— Мирек, как остальные? — спросил комэск.

— Муй бьен! Очень хорошо!

Сенаторов усмехнулся. Раз чех ответил по-испански, значит, дела действительно неплохи.

Когда вновь показался горящий аэродром, Душкин сбросил остаток бомб. Теперь — домой.

Но это было еще далеко не все. Вырвавшись из зоны зенитного огня, республиканские бомбардировщики вновь были атакованы истребителями. Основной удар фашисты направили на подбитый самолет Сенаторова. Тогда, снизив скорость, «катюши» Александра Тихомирова, Федора Полушко, Григория Стародумова плотным кольцом окружили израненную машину. Огневая завеса бортовых пулеметов оградила флагмана от вражеских атак. С тыла их прикрыли остальные. Впереди уже виднелся берег республиканской Испании. Здесь истребители прекратили преследование и ушли на юг.

— К острову Ивиса пошли. Есть там у них аэродром Сан Хуан, — проговорил облегченно штурман.

На Арагонском фронте к исходу дня 18 июня 150-я интернациональная бригада имени Домбровского овладела восточной частью поселка Чимильяс. Рядом была Уэска. Фашисты при поддержке танков и авиации нанесли встречный удар.

В развалинах каменного здания у разбитого пулемета

солдаты иностранного легиона захватили в бессознательном состоянии раненого пулеметчика. Его привезли в Уэску. В приземистом, обвитом диким виноградником доме пленного допрашивал майор с багровым шрамом через все лицо.

— Фамилия? — смотря немигающим взглядом на невысокого, с тонким, нервным лицом пленного, спросил он.

Пулеметчик не ответил фашисту. Даже в его роте, где он воевал с ноября тридцать шестого года, никто не знал его настоящего имени. Товарищи звали пулеметчика просто Казик. Он был застенчив и неразговорчив. Военную форму носил небрежно, зато отлично знал оружие и был храбр. Главный предмет его забот — ручной пулемет — всегда сверкал чистотой и никогда не отказывал в бою.

— Молчишь? А это что? — и офицер протянул пленному найденную у него в кармане при обыске газетную и вырезку: на сцене у рояля стоял с букетом цветов очень похожий на пленного пианист.

Бледное лицо Казика покрылось слабым румянцем.

— Это ты?

— Мой последний концерт в Кракове. Весь сбор переведен в фонд помощи детям Испанской Республики.

— Что же ты здесь, скотина, делаешь? Концерты красным даешь?

— Нет. Сейчас не до музыки. У меня теперь специальность другая — я пулеметчик.

— А ты знаешь, что тебя ждет? Лозунг нашего легиона «Вива муэрте!» — «Да здравствует смерть!» Ради тебя мы не намерены его менять!

Пулеметчик усмехнулся:

— Другого от вас не ждал.

Сильный удар в подбородок сшиб его с ног. Пленного избивали прикладами карабинов, топтали ногами, пока он не лишился чувств.

Холодная вода привела его в сознание.

Из здания, где проходил допрос, Казика. отвели в Небольшой ресторанчик, заполненный пьяными легионерамии марокканцами. На эстраде в сопровождении трио музыкантов пела раскрашенная певичка.

Казик шел по заплеванному, скользкому от апельсиновых корок полу. «Уж не собираются ли фашисты угостить меня рюмкой коньяку перед смертью?» — невесело подумал он.

Офицер кивнул на стоящее в углу эстрады пианино:

— Сыграй, если хочешь, последний раз в жизни. Мы добрые. Сыграй теперь нам. — Глаза майора сверкнули. — Возьмем

Мадрид — на всех фонарных столбах города мы повесим твоих друзей. Но ты эту потрясающую картину не увидишь. Играй!

Пулеметчика мучила жажда. Невыносимо ныла раненая ступня. Ни фашистов, ни смерти поляк не боялся. Он мог отказаться играть в этом заплеванном, прокуренном зале, зная, что все равно ему не жить. Но он решил играть.

Припадая на раненую ногу, Казик поднялся на эстраду. Взглянул в сизый от табачного дыма зал. Тонкими, успевшими изрядно огрубеть пальцами тронул клавиатуру. Прислушался. Инструмент отозвался знакомыми звуками. Так Казик делал всегда перед началом своих концертов. Но тогда в притихших, погруженных в полумрак концертных залах пианист видел нарядно одетых женщин, мужчин в вечерних костюмах, направленные на сцену бинокли. В верхних ярусах волновалась молодежь, студенты. Казик любил эти мгновения, когда между ним и залом протягивалась невидимая нить понимания.

Сейчас он видел перед собой пьяные небритые лица, заставленные бутылками столы. Никто из кутивших в этом грязном ресторане не собирался, конечно, слушать музыку. И если им интересовались, то только с той точки зрения, скоро ли офицер пристрелит этого коротышку, своим появлением помешавшего певичке допеть «Черные глаза».

В спину поляка уткнулся ствол маузера. К нему наклонился офицер:

— Играй! Или тебе ноты доставить?

— Играй! Какого черта! — кричали из зала. Казик пожал плечами. Зачем ему ноты? То, что приходилось исполнять, он помнит наизусть. Он еще раз провел пальцами по клавиатуре. Резко выпрямился. Под сводами зала раздались громкие вступительные аккорды «Поэмы экстаза» Скрябина. Полуприкрыв глаза, пианист играл, рассказывая языком звуков о борьбе человечества за счастье. О вере в это счастье, о человеческом разуме, воле, любви…

О чем он думал в эти последние минуты?

Может быть, об оставшейся в Варшаве матери, который он единственный раз в жизни солгал. Сказал, что уезжает с концертами в Латинскую Америку, а сам отправился в Испанию.

Может быть, он вспоминал своих товарищей по оружию, сражавшихся сейчас у стен Уэски? Почему-то он никогда не рассказывал им о своем прошлом, стеснялся При жаться этим пропахшим пороховой гарью людям, что он окончил Варшавскую консерваторию.

Может быть, он вспомнил тот ноябрьский день тридцать шестого года, когда их тогда еще батальон имени Домбровского,

входивший в 11-ю интернациональную бригаду, чеканным шагом, под ликующие возгласы горожан, прошел по опаленным огнем улицам Мадрида и с Ходу атаковал марокканцев в Университетском городке.

Как клятву, произносили интербригадовцы обращение к жителям осажденного фашистскими войсками город: «Жители Мадрида, мы пришли сюда для того, чтобы помогать вам защищать вашу столицу с таким же воодушевлением, как если бы это была столица каждого из них. Ваша честь — это наша честь, ваша борьба — это Ниша борьба».

Потом батальон, выведенный из боя, был передан в состав 12-й интернациональной бригады, которой командовал легендарный генерал Пауль Лукач[11]. С Лукачем они защищали Мадрид, сражались на реке Хараме, громили итальянцев под Гвадалахарой, пришли под Уэску.

Генерал погиб здесь, под Уэской, неделю назад — одиннадцатого июня. Казик, находившийся с пулеметным расчетом в засаде у моста, видел мчавшуюся по дорого автомашину, слышал залп фашистских батарей. Когда они подбежали к месту катастрофы, то увидели окровавленных Лукача и его спутников. Генерал умер, не приходя в сознание. На всем пути до Валенсии, куда везли тело Лукача, стояли в печали люди. Под колеса Мишины падали живые цветы…

Поляк никогда не играл по принуждению. Если те, кто приставил к его спине пистолет, полагают, что онигрaет из-за страха, они ошибаются. Он играл потому, что хотел зажечь в сердцах этих погрязших в крови и преступлениях людей хотя бы искру человечности.

Величественные аккорды накатывались с эстрады в зал. Казик играл. Ему хотелось, чтобы обманутые фашистами люди вспомнили своих отцов и матерей, детей и жен, оставленных далеко от Пиренейского полуострова. Он словно спрашивал тех, кто притих сейчас за столиками ресторана: во имя чего вы воюете? Зачем разоряете древнюю прекрасную Испанию, зачем глумитесь над ее мужественным народом? Он говорил марокканцам: вернитесь к себе домой! Там, на своей родине, боритесь за свободу и независимость Марокко. За кого вы отдаете свои жизни? Зачем помогаете Франко и его приспешникам душить испанскую революцию?

Сделав переход, он заиграл «Траурный марш» Шопена. Видно, игра стоила ему больших усилий. Звуки фортепьяно, громкие и чистые вначале, постепенно стали затухать. В изнеможении Казик откинулся на спинку стула. Из забытья его вывел глухой шум в зале. На поляка сочувственно смотрели музыканты, до его

прихода аккомпанировавшие певичке. И сама она глазами, полными сострадания, смотрела на пианиста.

Еле державшийся на ногах пьяный марокканец в темном бурнусе подошел к эстраде и протянул Казику стакан вина.

— Пей!

Майор ударом ноги выбил стакан из рук наемника. Скрючившись от боли, марокканец отлетел к заставленным бутылками столам. Раздался звон разбитого стекла.

Офицер грубо схватил за плечо пианиста.

— Что ты такое играл, отчего, этот сброд перестал лакать вино, а марокканцы молятся всем своим святым? — прошипел он в лицо поляку.

— Вначале «Поэма экстаза» Скрябина, потом «Траурный марш» Шопена.

— Что? — лицо офицера перекосилось. — Повтори!

— Шопен, «Траурный марш». В Мадрид вам никогда не войти. — Казик спокойно смотрел в лицо врагу.

— Больше тебе не придется играть, скотина! — в бешенстве закричал майор.

В руке офицера блеснул кривой марокканский нож. Схватив пленного, наемники повалили его на пол. Кованыесапоги прижали кисти рук пианиста к краю эстрады. вскочившие из-за столиков офицеры пьяно заревели:

— Вива муэрте! Да здравствует смерть! Зал огласился душераздирающим криком…

Солнце ушло за темную гряду Иберийских гор. На землю ложились лиловые тени. Над линией боевого соприкосновения республиканских и фашистских войск подымалось багряное зарево пожаров. День 18 июня 1937 года был на исходе…

Пароль — Испания

Разрывая протяжными гудками рассветную тишину, Мчался экспресс «Красная стрела». За окнами вагонов Мелькали зеленые луга, подступившие к самой насыпи дороги кудрявые березовые рощи. Все ближе и ближе Москва…

Лейтенанту Евгению Степанову не спалось. Рассвет он встретил у открытого окна в коридоре вагона, освещенного восходящим солнцем.

Срочный вызов в Москву не удивил Евгения. Почти целый год он ждал если не вызова, то хотя бы какого-то ответа на свои рапорты и просьбы.

— Кажется, ты, Евгений, добился своего, — сказал ему на прощание командир эскадрильи Илья Ларюшкин.

Видимо, комэск что-то знал.

В вагоне «Красной стрелы» у Евгения произошла неожиданная встреча с бригадным комиссаром Федором Усатым. Давно, почти четыре года, они не виделись. Степанов вздрогнул, когда перед отходом экспресса из Ленинграда за его спиной раздался голос:

— Здравствуй, истребитель!

Так его называл только один человек. Евгений обернулся.

— Товарищ комиссар!

— Всему вагону выдал тайну, — укоризненно покачав Головой, засмеялся Усатый.

Он был одет в светлый костюм, под пиджаком белела вышитая яркими узорами косоворотка. Рядом с ним, с аппетитом уплетая мороженое, стоял очень похожий на комиссара мальчишка.

Перехватив взгляд Евгения, Усатый доверительно сообщил:

— Мы в отпуск. Сашку мать отпустила, меня — начальство.

Проводник принес чай. Усатый развернул домашние припасы. Давно заснул Сашка. Они долго сидели, под стук колес вспоминая совместную службу, товарищей по бригаде.

Комиссар Усатый в жизни Евгения оставил заметный след. Хотя не все воспоминания, связанные с их знакомством, были Евгению приятны.

В 1933 году, после окончания военной школы пилотов, Степанов служил в бригаде особого назначения младшим летчиком. В то время бригада была единственным в Красной Армии воздушно-десантным соединением. Ни одно государство в

мире не имело тогда подобных формирований. Служить было интересно. Но что поделаешь — Евгения не привлекали тяжелые самолеты-транспортники; его тянуло к вертким, стремительным истребителям. Несколько раз он обращался к командованию с просьбой о переводе в истребительную авиацию, но его не отпускали. Молодой летчик начал нарушать дисциплину. Однажды в разговоре с командиром эскадрильи он заявил, что лучше уйти из армии, чем летать на транспортниках. Возмущенный комэск доложил обо всем только что назначенному в бригаду комиссару Усатому.

И вот в один из дней, когда проводились полеты на десантирование, к самолету, в экипаже которого вторым пилотом был Степанов, подъехала машина комиссара.

— Возьмете меня за штурмана полетать сегодня? — поздоровавшись с летчиками, спросил Усатый.

В течение нескольких часов он находился с экипажем в воздухе. Когда окончились полеты, комиссар, усадив в легковую машину командира корабля, штурмана и бортмеханика, махнул рукой:

— Поезжайте. Вас жены заждались. А мы со Степановым пройдем до города пешком. Не возражаешь?

Некоторое время шли молча. Сняв с головы шлем, Усатый подставил ветру темные густые волосы. Заговорил:

— Между прочим, в молодости я о полетах и не думал. Увлекался экономикой. Мечтал диссертацию написать. Но партия послала в армию. И, видимо, надолго. Пришлось другие науки изучать. Почему так рветесь в истребители? — вдруг спросил комиссар.

— Мечта у меня такая. Скучно на тяжелых машинах, — признался Евгений.

— Скучно? — Усатый удивленно пожал плечами. — Да вы понимаете, где служите?

— Конечно!

— Что-то сомневаюсь. Воздушно-десантные войска — войска будущего. Бригада создана для первого опыта. Пройдет время, подобных соединений в нашей армии будут десятки. Представьте себе: где-то в глубоком тылу Прага, за сотни километров от линии фронта, на противника обрушатся с неба целые дивизии, а с ними лавина артиллерии, танков, бронеавтомобилей… Это правильно, что вас не отпускают.

— Все понимаю, но хочу летать на истребителях, — упрямо стоял на своем Евгений.

— В этом деле не следует проявлять своеволия, — строго сказал тогда Усатый. — Нужно убедить не только себя, но и

других, что вы будете полезны в истребительной авиации. Летайте. К осени, возможно, решим вопрос… Между прочим, когда пишете рапорты командованию, помните, что это документ, в первую очередь характеризующий вас. Грозить в них старшим не стоит.

На партийном собрании Усатый пробрал Евгения за неправильные взгляды на службу в бригаде. И все-таки не кто иной, как комиссар, добился перевода Степанова в отдельную истребительную эскадрилью. Их пути разошлись. вот теперь, спустя несколько лет, летом 1937 года, новая встреча…

В этот час оба еще не знали, что пройдет немного времени, и они снова встретятся. Но это произойдет далеко от Москвы, от Родины, от родных берез…

Стучат колеса поезда. За окном вагона — знакомый подмосковный пейзаж. В синем утреннем небе освещенный солнцем прошел краснозвездный самолет. Евгений Степанов провожает его взглядом. Сердце Евгения сильно бьется. Через несколько часов Москва. Что ждет его там, куда его вызывают? Неужели опять, как и тогда, когда он добивался перевода в истребительную авиацию, он стоит на пороге осуществления своей мечты? Испания! Сколько его друзей уже там — помогают испанскому народу в его борьбе против фашизма.

И перед мысленным взором Евгения Степанова проходит все, что он знает о событиях в Испании, вот уже несколько лет приковавших к себе внимание всего мира.

1930 год. 12 декабря в небольшом испанском пограничном городке Хака гарнизон крепости восстал против королевской власти. Руководили восстанием офицеры Фермин Галан и Анхель Гарсиа Эрнандес. Коммунистическая партия Испании призвала рабочих и крестьян поддержать выступление армии всеобщей забастовкой. Социалистические лидеры, как это уже не раз было, остались глухи к боевому призыву. Королевское правительство жестоко расправилось с восставшим гарнизоном. Галан и Эрнандес казнены…

1931 год. 12 апреля состоялись муниципальные выборы. В Испании еще живы трагические воспоминания о Хака, но народ смело говорит «нет» королевской власти. На выборах победили республиканцы. 14 апреля в стране провозглашается республика. Король Альфонс XIII бежит из страны. Но реакционеры не сдаются…

1932 год. 10 августа генерал Санхурхо делает попытку поднять в Севилье мятеж против республиканского правительства. Его поддерживает военщина в Мадриде. Но народ начеку. Мятеж подавлен. В этом же году реакционеры создают

партию СЭДА (Испанская конфедерация автономных правых) во главе с Хилем Роблесом, которая вскоре становится главной партией контрреволюции.

1933 год. В октябре в стране возникает фашистская партия «Испанская фаланга» во главе с Хосе-Антонио Примо де Ривера, сыном бывшего диктатора Испании. В ноябре на парламентских выборах одерживает победу реакция. В стране наступил период «черного двухлетия».

1934 год. Начавшаяся в провинции Астурия в октябре всеобщая забастовка переросла в вооруженное восстание. Против восставших брошены войска. Считая регулярную армию недостаточно благонадежной, правительство использует для борьбы с революцией иностранный легион и марокканские части. Восстание шахтеров потоплено в крови.

1935 год. Летом по инициативе Коммунистической партии Испании создается Народный фронт, в который вошел ряд республиканских партий. Влияние Народного фронта непрерывно растет.

1936 год. На выборах в кортесы, проходивших в феврале, побеждает Народный фронт.

В фашистском подполье, в недрах Военного союза — Организации реакционной военщины, возглавляемой генераламиФранко, Мола, Фангулом, — готовится мятеж прочив республики и установление фашистской диктатуры. Саботаж, диверсии, провокации были предвестниками готовящегося удара в спину испанского народа.

15 июля генеральный секретарь Коммунистической партии Испании Хосе Диас заявил в постоянной комиссии кортесов: «Вы не можете отрицать, что подготавливаете заговор. Вы ведете приготовления к государственному перевороту. Но берегитесь! Мы начеку и сделаем все, чтобы вы не могли увлечь Испанию на путь террора, голода и позора».

17 июля в испанском Марокко вспыхнул фашистский мятеж. Наемники иностранного легиона в казармах Мелильи выступили против законного республиканского правительства Испании. Их поддержали марокканские войска. Мятежники захватили еще два города — Тетуан И Сеуту.

18 июля радиостанция Сеуты, небольшого городка на севере испанского Марокко, передала в эфир пять слов:

«Над всей Испанией безоблачное небо». Это был сигнал — приказ к началу фашистского мятежа в гарнизонах континентальной Испании. Испанский народ вступил в борьбу с фашизмом…

Рано утром Евгений Степанов поднимался по широкой

лестнице одного из старинных зданий, расположенных в центре Москвы.

В кабинете с зашторенными окнами, куда его провел дежурный, стоял приятный запах медового табака. Матовый свет настольной лампы мягко освещал два кресла и ковер на полу.

Навстречу Евгению поднялся коренастый дивизионный комиссар. Черная окладистая борода красиво обрамляла его лицо.

— Садитесь, — обратился он к Степанову. — Меня зовут Виктор Яковлевич.

Грузно ступая по мягкому ковру, Виктор Яковлевич подошел к столу, взял из лежавшей на нем коробки щепоть табаку и набил трубку. Присел рядом с Евгением.

— Вам не предлагаю, — кивнул он на коробку. — Знаю, трубка у летчиков не в почете.

Они виделись впервые. Но, как оказалось, ВикторЯковлевич немало знал о командире истребительного звена Евгении Степанове.

— На кузнеца вы не похожи. Я ожидал, что в кабинет войдет этакий здоровяк, а вы фигурой больше на гимнаста смахиваете, — проговорил комиссар.

— Разве по фигуре можно определить профессию человека? — подбодренный дружеским тоном, улыбнулся Евгений.

— Конечно, нет. Но в вашем личном деле есть запись: учился в железнодорожном училище на кузнеца. А вот я до службы в царском флоте ходил несколько лет в подмастерьях у портного. Есть такое местечко в Белоруссии с довольно странным названием — Пропойск. Вот там и орудовал иглой. По виду мне, конечно, полагалось бы молотобойцем быть. — Виктор Яковлевич помолчал. — Теперь о вас. Все четыре рапорта плюс письмо с настойчивыми требованиями послать в Испанию у меня. Не передумали? Ведь это дело добровольное. Прямо скажу — связанное с большим риском.

Волнение, охватившее Евгения в первые минуты, прошло. Он встал и твердо сказал:

— Прошу удовлетворить мою просьбу. Мягким прикосновением руки Виктор Яковлевич усадил летчика обратно.

— В Испании сложная военно-политическая обстановка. Внутри республики не все ладно. Там нелегко, за Пиренеями.

Виктор Яковлевич поднялся с дивана. Остановившись у висевшей на стене карты, подозвал Евгения.

— Видите, какая широкая полоса территории, занятой мятежниками и интервентами, отделяет север Испании от центра

страны? Самая узкая часть — между Уэской и Бильбао — составляет на сегодняшний день 240 километров. Северному фронту очень трудно. Республиканские войска, чтобы оттянуть на себя часть сил противника с севера, вторую неделю атакуют Уэску. Впрочем, об этом вы сами в газетах читали. А вот этого вы еще не знаете.

Взяв со стола лист бумаги, Виктор Яковлевич прочитал:

— «Над республиканскими позициями почти постоянно находится около ста германских и итальянских самолетов, бомбардируя беспрерывно окрестности Бильбао. Несмотря на это, республиканские войска отбрасываютпротивника, переходя часто врукопашную». Это из сводки о положении на Северном фронте к исходу семнадцатого июня.

Помолчали.

— Разрешат мне уехать в Испанию? — тихо спросил Степанов.

— Ваша просьба удовлетворена!

— Когда выезжать?

— Какой быстрый, — улыбнулся Виктор Яковлевич — Вам придется встретиться с товарищами, у которого получите детальные указания. Не забывайте и о том, правительство Испанской Республики должно дать июне на ваш въезд в страну. На все это необходимо время.

Он разжег потухшую трубку.

— Прошу вас помнить об одном: помогая Испании, Советский Союз выполняет свой интернациональный долг не только перед испанским народом, но и перед трудящимися всего мира. Это нам завещал Ленин. По поведению и боевым делам наших людей испанцы и добровольцы из других стран судят о первой в мире стране социализма. В любой ситуации не забывайте, что вы советский человек!

— Понимаю, товарищ комиссар!

— Испания — страна, народ которой первым принял удар фашистских легионов, — продолжил Виктор Яковлевич. — Сейчас для всех, кто понимает, какую страшную угрозу человечеству несет фашизм, Испания — пароль свободы.

Комиссар прошелся по кабинету.

— Поедете не один. Думаю, когда узнаете, кто ваши попутчики, останетесь довольны. Завтра в девять утра встретитесь с ними у начальника Военно-Воздушных Сил. А пока можете быть свободны.

Евгений поднялся.

— Есть какие-нибудь просьбы? — остановил его Виктор Яковлевич.

— Нет.

— Постойте, у вас ведь мать в Москве?

— Да, я москвич.

— Если мать будет в чем нуждаться, пусть позвонит.

— Он записал на листке номер телефона. — Желаю успеха!

К матери на Брестскую улицу Евгений приехал ужевечером. Он не знал, как объяснить ей свой скорый отъезд. Ведь о том, куда он направляется, не должен знать никто. Даже она…

— Я, мама, в Москве ненадолго. Через два-три дня уеду, — сразу выложил он. Елена Петровна вздохнула.

— Вот и Костя так — заехал на часок и укатил на Дальний Восток, только его и видела.

— Что поделаешь, — Евгений обнял мать. — Ведь служба у нас военная. В командировку меня посылают.

— Надолго…

Он пил чай, смотрел на хлопотавшую у стола мать и думал о том, какая нелегкая доля выпала ей.

В 1917 году, после смерти отца, она осталась с пятью ребятишками. Днем работала на производстве, ночью шила. Как ни тяжело было, а детей вырастила и выучила. И вот теперь разлетелись все в разные стороны.

— Мама, — сказал он. — Если писем долго не будет, ты не волнуйся. В тех местах, куда еду, почтовых отделений, возможно, нет. Но вести к тебе приходить будут.

— Писать вы с Костей не мастаки, — с грустью сказала Елена Петровна. — Думаете, пять строчек напишете — и хватит матери?

— Брат хоть женат, ему есть о чем рассказывать. А что я тебе напишу? О полетах? Или как на танцы хожу? Разве тебе интересно?

— Матери все интересно. Помню, как твой отец в солдатах был, так каждую неделю письма присылал. Прав да, писал не он, а писарь их ротный. Но хорошие письма приходили, — улыбнулась воспоминаниям мать.

— И от меня будут хорошие, — пообещал Евгений.

Предстоящая встреча с начальником Военно-Воздушных Сил командармом второго ранга Алкснисом волновала Евгения Степанова. Всего полгода назад, в январе тридцать седьмого года, Степанову и другим летчикам его бригады пришлось держать своего рода экзамен перед командармом.

В тот морозный день на аэродроме под Ленинградом шли полеты. В полдень из-за верхушек мачтовых сосен вырваласьтройка истребителей. С разворота они зашли на посадку.

— Алкснис! — пронеслось по стоянкам. Яков Иванович

Алкснис пользовался среди авиаторов большой любовью и непререкаемым авторитетом. Сын латвийского батрака, ставший красным командиром, Алкснис пришел в 1926 году в Военно-Воздушные Силы, не имея летной подготовки. Обладая огромной работоспособностью и настойчивостью, он сумел за короткое время овладеть профессиями штурмана и летчика. И теперь не было в ВВС страны ни одного типа самолета, на котором не умел бы летать командарм.

Узнав, какие задачи стоят перед летным составом, Алкснис сказал командиру бригады Иванову:

— Прекрасно. Пока двигатель не остыл, слетаю и проверю, как стреляют ваши пилоты. Потом на земле вместе подсчитаем пробоины.

В воздух ушли командир отряда Иван Девотченко, Евгений Степанов и самый молодой летчик их эскадрильи Михаил Котыхов. Вместе с ними взлетел и Алкснис. Над полигоном они в порядке очередности атаковали мишень-конус, которую на буксире тащил бомбардировщик. Результаты стрельб оказались высокие. Все три летчика получили за них благодарность.

«Помнит ли Алкснис наш совместный полет?» — подходя теперь к массивному зданию управления ВВС, думал Степанов.

Углубившийся в свои мысли Евгений вздрогнул, когда вдруг кто-то обхватил его сзади за плечи. «Такие бицепсы могут быть разве у Миши Котыхова или Никиты Сюсюкалова. Но Котыхов только вернулся из отпуска. Зачем ему быть в Москве? Никиту позавчера я видел — он гулял со своими дочерьми в военном городке. Тогда кто?». Евгений с трудом высвободился из цепких объятий и обернулся. На него смотрели добрые глаза Никиты Сюсюкалова. Поодаль, рядом с невысоким плотным Мишей Котыховым, стоял стройный голубоглазый Семен Евтихов. Из-за их спин выглядывало круглое, добродушное лицо Ивана Девотченко. А вон Виктор Кустов, Григорий Попов, Алексей Горохов. Все это были его сослуживцы по бригаде.

— Вы? — только и мог выговорить Степанов.

— Ну як? — довольный произведенным эффектом, улыбнулся Девотченко.

В просторном, с настежь открытыми окнами кабинете начальника ВВС было прохладно. С улицы доносились отдаленный звон трамваев и прерывистые сигналы автомобилей. Подтянутый, с безупречной военной выправкой, командарм Алкснис широкими шагами направился навстречу вошедшим.

— О, старый знакомый, — произнес он своим характерным выговором, задерживаясь возле Котыхова.

Михаил улыбнулся в ответ на ласковое приветствие, Алкснис

неожиданно провел рукой по русой голове юноши. Михаил смутился и покраснел. А Алкснис уже обратился к Ивану Девотченко:

— Это правда, что вас запорожским казаком зовут?

Грузноватый, бритоголовый командир отряда и впрямь смахивал на лихого запорожца.

— Да мало ли что придумать могут, товарищ командарм! Был случай перед Новым годом — в стенгазете меня в папахе и с саблей нарисовали. Но я ведь не казак — добродушно проговорил Девотченко.

— Еще один знакомый, — останавливаясь рядом с Евгением, произнес Алкснис. — Вы что, сговорились в Испанию ехать?

— Здесь только встретились.

— Вот как? — улыбнулся командарм.

Алкснис пригласил всех сесть. Прошелся по кабинету.

Не первый раз беседовал он с летчиками, уезжавшими за Пиренеи. И каждый раз, когда командарм Напутствовал этих молодых сильных ребят, отправлявшихся встречу смертельной опасности, глубокое волнение охватывало его. Он знал: в Испании немецкие и итальянские интервенты получили немалый опыт ведения воздушных боев, превратив небо и землю этой страны в полигон, они проверяют свою военную технику, отрабатывают тактические и оперативные боевые приемы. Противник силен и коварен. И нелегко придется там на первых порах нашим пилотам…

— Если говорить общие фразы, наша беседа не достигнет цели, — сказал Алкснис. — Все вы, конечно, знаете о недавнем поражении под Гвадалахарой итальянского экспедиционного корпуса. Какую роль в разгроме итальянцев сыграла республиканская авиация, тоже известно Но мало кто знает, что выдвижение крупных сил противника из района Сигуэнсы было своевременно установленоблагодаря умелому ведению воздушной разведки. Прошу к карте.

Взяв измеритель, Алкснис отмерил расстояние между Мадридом и Сигуэнсой.

— Как видите, для моторизованного корпуса, усиленного танками, артиллерией и авиацией, расстояние не такое уж большое. И фашисты рассчитывали с ходу захватить Мадрид. Что же получилось на деле? Командующий сделал паузу.

— Используя нелетную погоду, — продолжал он, — Противник скрытно перебросил из-под Малаги и сосредоточил в районе Сигуэнсы итальянский экспедиционный корпус. К сожалению, это фашистам удалось. Утром восьмого марта передовые части корпуса атаковали малочисленные

республиканские войска, удерживавшие фронт Протяженностью около восьмидесяти километров. Тем Временем главные силы фашистов начали выдвижение по Французскому шоссе и параллельным дорогам.

Алкснис вынул из кармана записную книжку, перелистал страницы.

— Командир итальянского корпуса, — продолжал он, — был настолько уверен в успехе, что в своем боевом приказе писал: «Завтра в Гвадалахаре. Послезавтра в Алькала-де-Энарес и через два дня в Мадриде». Темп наступления планировался двадцать пять километров в сутки, не меньше.

Алкснис усмехнулся.

— Как вы знаете, ничего из этого не вышло. В середине дня восьмого марта с аэродрома Сото, — командующий показал на карте точку несколько севернее Мадрида, — в разведывательный полет ушло звено И-15. Между прочим, испанцы называют эти истребители «чатос» — «курносые». Звено вел Георгий Захаров. Вместе с ним в полете находились Владимир Пузейкин и испанец Андрес Лаккалье.

При этих словах летчики переглянулись. Это заметил Алкснис.

— В чем дело, товарищ Девотченко? Почему улыбки?

— Владимир Пузейкин из нашей бригады.

— Прекрасно! А Захаров — один из первых советских добровольцев в Испании. Участвовал в знаменитом бою республиканских истребителей с фашистской авиацией над Мадридом четвертого ноября прошлого года. Лаккалье тоже считался одним из лучших республиканскихлетчиков-истребителей. Ну так вот, погода в тот день по обычным понятиям была нелетная — мокрый снег вперемешку с дождем. Многие аэродромы раскисли. Высота облачности не превышала двухсот метров. В таких условиях они ушли в полет. Когда истребители, миновав линию фронта, развернулись на северо-восток, Пузейкин увидел идущую по Французскому шоссе колонну мотопехоты с танками и артиллерией. Он подал сигнал ведушему. В свою очередь, Лаккалье сигналом предложил Захарову атаковать противника.

Алкснис замолчал. Бросил быстрый взгляд на внимательно слушавших его летчиков и неожиданно обратился к Котыхову:

— Как бы вы поступили на месте ведущего?

Вопрос застал Михаила врасплох.

— Смелее! Вы в полете. Принимайте решение, — подбодрил его Алкснис.

Котыхов неуверенно ответил:

— Можно согласиться с Лаккалье. Противник ведь к переднему краю подходил.

Алкснис сделал протестующий жест.

— А вот Захаров поступил иначе. Он решил, не ввязываясь в бой, продолжить полет и разведать глубин расположения противника. И сделал правильно, — с ударением проговорил командарм. — Когда истребители появились над забитой войсками Сигуэнсой, летчики убедились, что противник не по одной, а по трем дорогам выводит к переднему краю свои главные силы. Тогда Захаре решил не возвращаться на Сото, а сесть на один из ближайших к Мадриду аэродромов и как можно скорее доложить об увиденном. На максимальной скорости он повел звено к Алькала-де-Энарес.

Командарм на карте показал точку, где расположен этот аэродром.

— Результаты разведки Георгий Захаров тут же доложил командиру истребительной авиагруппы Копцу. Копец позвонил находившемуся в штабе Центрального фронта главному советнику командующего республиканской авиацией Якову Смушкевичу. Нужно сказать, что к донесению Захарова командование фронта отнеслось сначала с некоторым недоверием. Откуда, мол, у фашистов в этом районе могли появиться такие крупные силы?

— Неужели не поверили? — не сдержавшись, воскликнул Девотченко.

— Видимо, так. В воздух было поднято еще одно звено И-15 — Валентина Хомякова — и направлено в район Сигуэнсы. На Алькалу тем временем приехали Смушкевич и его заместитель Пумпур. Они решили сами слетать к Сигуэнсе. Доклад Хомякова, полет Смушкевича и Пумпура убедили командование Центрального фронта в правильности донесения Захарова. К району прорыва фашистских войск были спешно брошены все резервы. Дальнейшее вы знаете — фашисты не прошли. Алкснис помолчал.

— Хочу отметить действия республиканских истребителей. Они первые на бреющем полете атаковали войска противника. По мере улучшения погоды в бой были введены штурмовики и бомбардировщики. Четко спланированные, массированные действия республиканской авиации крепко помогли наземным войскам.

Командующий, положив на стол измеритель, отошел от карты.

— Как видите, настойчивость и решительность командира воздушных разведчиков сыграли здесь едва ли не решающую

роль. Пленные и захваченные документы подтвердили, что восьмого марта по Французскому шоссе и другим дорогам двигались четыре дивизии итальянского корпуса: «Литторио», «Черное пламя», «Черные стрелы» и «Божья воля».

Евтихов наклонился к Степанову и шепнул:

— Одни названия чего стоят!

В этот момент дверь отворилась, и в кабинет вошел дежурный по управлению.

— Товарищ командарм, с борта АНТ-25, — протягивая розовый бланк, доложил он.

Движение прошло по рядам летчиков, находившихся в кабинете командарма. Вся страна уже знала, что в эти часы советский самолет АНТ-25, пилотируемый экипажем в составе Чкалова, Байдукова и Белякова, совершает немалый в истории беспосадочный перелет из Москвы в Америку через Северный полюс.

— Отличные вести! — сказал Алкснис. — Послушайте, что докладывает экипаж Чкалова: «10 часов 25 минут. Все в порядке. Высота четыре тысячи метров. Нахожусь приблизительно широта восемьдесят четыре градуса. Сто десять градусов западной долготы.

Москва, Кремль, Сталину.

Полюс позади. Идем над полюсом неприступности.

Полны желанием выполнить Ваше задание. Экипаж чувствует себя хорошо, Чкалов, Байдуков, Беляков».?

— Идем над полюсом неприступности, — повторил Алкснис, и в голосе его зазвучала нескрываемая гордость. Он шагнул к карте, на которой красной нитью был протянут маршрут АНТ-25. — Здесь не пролетал еще ни один самолет. Первыми над неизведанным белым пятном прошли наши, советские летчики.

Алкснис отошел от карты, взглянул на часы.

— Ну, что ж, товарищи, вам пора. И меня тоже ждут. Летчики встали. Они понимали: начальнику ВВС сегодня предстоит трудный день. Но Алкснис задержал их движением руки.

— Мне очень хочется напомнить вам перед отъездом еще одну вещь. — Он раскрыл лежавшую на столе книгу. — Это слова Владимира Ильича Ленина, которые а говорил солдатам Варшавского революционного полка отправлявшимся на фронт. Послушайте. «Теперь осуществляется союз революционеров различных наций… Вам выпала великая честь с оружием в руках защищать святые идеи и… на деле осуществлять интернациональное братство народов». До встречи, друзья.

Обманчивая тишина

Весь день на Центральном и Арагонском фронтах стояла удивительная тишина. Казалось, что противоборствующие стороны, затаив дыхание, прислушиваются к последним аккордам битвы за Бильбао. Но тишина эта была обманчива.

В то время как мятежники и интервенты спешили быстро овладеть севером и вновь ринуться на Мадрид, республиканцы накапливали силы и готовили удар на Центральном фронте, в районе Брунете. Этим они рассчитывали отвлечь силы противника от Астурии, помочь Северному фронту.

Два истребителя низко шли над Кастильским плоскогорьем. И-16 летели к Мадриду. Внизу расстилался серый однообразный ландшафт. Только слева поблескивала колея железной дороги Мадрид — Аликанте. Одну из машин вел комбриг Евгений Саввич Птухин, другую — СергейПлыгунов. Они возвращались с побережья Средиземного моря, где на тыловых аэродромах готовились к Брунетской операции истребительные эскадрильи советских летчиков-добровольцев.

Птухин был доволен. Побывав в эскадрильях Александра Минаева и Ивана Еременко, основу которых состовляли недавно прибывшие из Советского Союза летчики, он убедился, что времени те даром не теряли. Над аэордромами непрерывно шли учебные воздушные бои.

Перед самым отлетом с аэродрома Лос-Алькасарес Птухни стал свидетелем такого упорного воздушного поединка и невольно залюбовался мастерством высшего пилотажа, которое продемонстрировали «противники».

— Анатолий Серов и Леонид Рыбкин, оба командуют звеньями, — коротко доложил командир эскадрильи Иван Еременко.

В его голосе Птухин уловил довольные нотки. С Сергеем Евгений Саввич был знаком. В начале июня он направил только что прибывшего в Испанию летчика эскадрилью Еременко. А Рыбкина, невысокого, светловолосого крепыша, Птухин видел впервые.

Летчики Еременко Птухину вообще понравились. А вот с боевой работой этой эскадрильи получилась непредвиденная заминка.

После прибытия в Испанию, в начале июня, эскадрилья Еременко на истребителях И-16 несла боевое дежурство над

Картахеной, Эльче и Аликанте, прикрывая республиканские боевые корабли и транспорты в Средиземном море. Но командованию республиканской авиации срочно потребовались истребители И-16 для переброски их на север, в Сантандер, где было всего труднее. На помощь северу летели специально отобранные, обстрелянные в боях летчики. Самолеты же пришлось взять у Еременко. Взамен эскадрилья получила истребители И-15 — «чатос». Вот и пришлось летчикам в спешном порядке осваивать новый для них самолет.

Иван Еременко, Леонид Рыбкин, Михаил Якушин, Сергей Шелыганов, Иван Карпов, Михаил Петров быстро овладевали И-15. Для Анатолия Серова это была знакомая машина. В эскадрилью влилось новое пополнение: югослав Божко Петрович, австрийцы Вальтер Короуз и Том Добиаш, испанцы Хозе Редонта и Луис Сардино, американец Альберт Баумлер. Из прежнего состава эскадрильи Птухин временно оставил заместителя комэскаВиктора Кузнецова и командира звена Владимира Сорокина — летчиков, имевших боевой опыт и хорошо знавших Мадридский участок фронта, где предстояло сражаться эскадрилье.

Сам Евгений Саввич Птухин прибыл в Испанию сравнительно недавно, в мае. Вместе со своим бывшим сослуживцем Сергеем Плыгуновым он ехал через столицу фашистской Германии Берлин. В ожидании отхода парижского экспресса они наблюдали из окна вагона, как в стоящий на соседнем пути поезд с громкими песнями и криками садились молодчики, одетые в форму немецкого «люфтваффе». Неожиданно дверь в купе, где ехали советские летчики, с шумом растворилась.

— Хайль! Документы! — рявкнул офицер-эсэсовец. Птухин не спеша повернулся. Вынув из бокового кармана бумажник, протянул эсэсовцу паспорт.

— Цель вашей поездки?

— Мы с коллегой едем по торговым делам в Париж, — кивнув на спокойно рассматривавшего газету Плыгунова, ответил Птухин.

На перроне опять раздались пьяные крики. Птухин слышал, как кто-то довольным голосом проговорил в коридоре:

— Наши едут в Испанию добивать красных.

— Из вагона не выходить! — резко проговорил офицер и с силой захлопнул дверь купе.

— Спокойно, Сережа, — мягко сказал Птухин Плыгунову.

Им предстояло еще немало подобных проверок: позади были советско-польская и польско-германская границы, впереди — франко-германская и испано-французская. Чем грозила осечка с

документами на территории фашистской Германии, знали оба. Ведь они ехали не под своими именами. Но это был самый быстрый и короткий путь в Испанию. Там их ждали.

На третий день своего пребывания в Испании Птухи ушел в небо войны. В первый боевой вылет его повел командир истребительной авиагруппы Иван Копец, на смену которому прибыл Евгений Саввич.

За те недолгие дни, что они пробыли вместе, Птухив сумел по достоинству оценить замечательные человече ские и боевые качества Конца. Зная, что в ближайшие дни ему предстоит отъезд на Родину, Копец ни на минуту не расставался со своим латаным-перелатаным И-16.

Удивленный тем, что командир группы летает на такой и изношенной машине, Евгений Саввич спросил его об этом. Тот ответил: «Она счастливая, эта «моска», через все прошла. А потом учти, мы в Испании. Где здесь набрать новых истребителей? Тысячи глаз на тебя смотрят. Лучше новую машину молодому пилоту отдать. Увереннее чувствовать себя будет, больше фашистов наколотит».

Иван Копец прибыл под Мадрид еще осенью тридцать шестого года, начав летать на «гробах» — старых самолетах, сохранившихся в испанской авиации с двадцатых годов. Все горькое и страшное той поры пережил он вместе с испанским народом. Копец был одним из первых Героев Советского Союза, удостоенных этого высокого звания за бои с фашистами над Пиренейским полуостровом. С грустью говорил он Птухину:

— Мне уезжать скоро. А жалко. Не сполна рассчитался я с фашистами за тех, кому уже не доведется вернуться домой. За то, что они с Испанией делают…

— Ты свое отработал, — пытался успокоить его Птухин.

Копец в ответ качал головой:

— Понимаешь, полюбил я испанцев. Остался бы здесь рядовым летчиком.

Вскоре Иван Копец уехал, оставив Птухину свое испанское имя Хозе. Республиканское правительство Испании присвоило Птухину звание генерала.

… Истребители набрали высоту и, срезав Харамский выступ фронта, вышли к реке Мансанарес. Впереди лежал Мадрид. К западу остались занятые фашистами Вильяверде, Карабанчель, парк Каса-дель-Кампо, разрушенный Университетский городок. Обогнув Мадрид с севера, И-16 подошли к аэродрому Алькала-де-Энарес.

Подруливая к ангару, Птухин увидел несколько легковых машин и среди летчиков высокую, чуть сутуловатую фигуру

командующего военно-воздушными силами республиканской Испании подполковника Игнасио ильго де Сиснероса.

Как и все, Птухин знал необычную историю этого человека. Выходец из знатной, аристократической семьи, внук вице-короля Аргентины, офицер королевской армии, Сиснейрос стал одним из первых летчиков в Испании. Перед ним открывалась блестящая карьера. Но в тяжелые, полные драматизма дни июля 1936 года Игнасио Сиснерос стал на сторону народа. Он нашел в себе силы порватьс той средой, где родился и вырос. После гибели командовавшего республиканской авиацией Нуньеса де Прадо, зверски замученного фашистами в Сарагосе, Сиснерос был назначен на его место. Осенью тридцать шестого года, когда фашисты стояли у стен Мадрида, Сиснерос вступил в ряды Коммунистической партии Испании, а затем стал членом ее Центрального комитета.

Едва Евгений Саввич вышел из кабины истребителе и расстегнул лямки парашюта, как обычно спокойный сдержанный Сиснерос быстро и взволнованно заговорил. Птухин развел руками — он не понимал по-испански. Подошла переводчица и стала переводить, с трудом поспевая за Сиснеросом:

— Мой генерал, я вас поздравляю. Сеньоры Чкалов, Байдуков и Беляков благополучно совершили посадку в Ванкувере. Америка должна быть счастлива, что увидит советских героев.

Сиснерос попросил перевести текст телеграммы, которую он посылает командарму Алкснису: «От имени подчиненных мне частей и от моего собственного горячо поздравляю вас с блестящим воздушным рейдом, толы что совершенным летчиками Чкаловым, Байдуковым, Бляковым. Я прошу передать им поздравления от республиканской авиации, которая борется в Испании за свободу и с волнением следит за все большими и большими достижениями героических товарищей в СССР».

Как только переводчица закончила читать, Птухина окружили испанские летчики. Евгений Саввич только и мог разобрать: камарада Чкалов, камарада Байдуков, камарада Беляков…

Когда улеглось волнение, Сиснерос отвел Птухина в сторону.

— Мой генерал! Хочу вам сообщить, что наши летчики, окончившие летную школу в Советском Союзе, при были в Испанию. После кратковременного отпуска они начинают съезжаться в Эль-Кармоли. Их нужно вводить в строй. Напоминаю: вы обещали дать хорошего инструктора.

Птухин согласно кивнул головой. Этот вопрос уже был им решен в Лос-Алькасаресе с Плыгуновым. Сначала Сергей не хотел уходить с боевой работы на тыловой аэродром. Но Птухин сумел убедить его, что подготовка молодых испанских летчиков, из

которых будут сформированы республиканские эскадрильи, дело крайне важнои ответственное. Выбор Плыгунова для этой трудной работы был не случаен. Когда в начале тридцатых годов Птухин командовал авиабригадой, Сергей Плыгунов был там инспектором по технике пилотирования. Он свободно пилотировал самолеты самых разных типов и назначений, много прыгал с парашютом.

Сейчас на Алькале Птухин и представил Сергея Сиснеросу. Невдалеке от ангара они втроем обсуждали предстоящую работу Плыгунова в Эль-Кармоли.

— Внимание! — громко крикнул вдруг один из офицеров, сопровождавших Сиснероса.

На фоне освещенных солнцем гор к аэродрому, сильно дымя мотором, приближался Р-зет. Сразу было видно, что с самолетом что-то неладно. На развороте он резко скользнул вниз. Выровнялся. Раскачиваясь в стороны, стал круто снижаться. Казалось, катастрофа неминуема. Но в последний момент нос Р-зета как бы нехотя задрался вверх. Самолет с треском ударился о землю. Пробежав с десяток метров машина развернулась и, накренившись, остановилась.

Взвыв сиренами, к самолету рванулись санитарная и пожарная машины. Вслед за ними бросились летчики.

Вот что они увидели. Обхватив руками пулемет, накрай левого борта кабины навалился мертвый стрелок-бомбардир. В передней кабине, прижавшись лицом к приборной доске, неподвижно сидел летчик.

Подъехавший раньше всех на санитарной машине Кутюрье, стоя на крыле самолета, быстро расстегивал привязные ремни.

— Шмидт! Шмидт! — повторял он. Пилот медленно открыл глаза.

— Кутюрье, — с трудом произнес он. — Кутюрье! Колонна танков из Саламанки… Идут на север… Орудия… пехота… машины. Много машин. — Глаза летчика широко раскрылись. — Над Сеговией сильный огонь… зенитки… Сбили два «фиата»… Их было пять. Хуан…

Он сделал попытку повернуться к кабине стрелка-бомбардира, но силы оставили его. Голова летчика дернулась и медленно склонилась к плечу.

— А стрелок совсем еще мальчик, — сняв фуражку, тихо проговорил Сиснерос.

Над Алькалой по-прежнему стояла неподвижная тишина.

Вечером в номер мадридской гостиницы «Гайлорд», где жило большинство военных советников, к генералу Хозе зашел Кутюрье. Он положил на стол удостоверение на имя Курта

Шмидта и любительскую фотографию, на которой был снят экипаж Р-зета.

— Стрелка звали Хуан Гонсалес. Ему еще семнадцати не было.

Птухин молча рассматривал фотографию. Потом встал, выключил свет и поднял маскировочную штору. В западной части Мадрида, у моста Фернандес и парка Каса-дель-Кампо, слышалась ружейно-пулеметная перестрелка. В фиолетовом небе, выхватывая из темноты контуры домов, вспыхивали ракеты.

— Тихо, — со вздохом проговорил Птухин. — Сейчас они все на север бросили. Спешат. Радио Бургоса передавало, что взятие Сантандера и Хихона — вопрос двух трех недель. Затем удар по Мадриду.

Евгений Саввич положил руку на плечо Кутюрье и сказал:

— Ты, Олег Владимирович, хорошо знал экипаж Р-зета?

— Пять месяцев, что называется, крыло к крылу летали. Ведь я в эскадрилье капитана Мигеля Алонсо советником был.

…Немец Курт Шмидт, в прошлом офицер кайзеровской армии, участвовал в восстании гамбургского пролетариата 23–25 октября 1923 года, которым руководил Эрнст Тельман. Шмидт был беспартийный, но с глубокой симпатией относился к коммунистам. Восстание было подавлено. Шмидта арестовали и приговорили к восьми годам тюрьмы. От более тяжелого наказания его спасли боевые награды.

Выйдя в 1931 году на свободу, летчик не нашел у себя на родине работы и уехал в Латинскую Америку. По найму летал пилотом в одной фирме. После прихода Гитлера к власти Шмидт перестал мечтать о возвращении в Германию.

Когда в Испании вспыхнул фашистский мятеж, Курт, расторгнув контракт с фирмой, приехал на Пиренейский полуостров — помогать испанскому народу защищать республику. В то время у республики было очень мало самолетов. Шмидту пришлось сначала работать механиком. Он обслуживал старые «ньюпоры», «фарманы», «потезы», состоявшие на вооружении республиканской авиацииi. После сформирования эскадрильи Р-зетов Шмидт стал в ней командиром звена.

Курту было за сорок, но семьи он не имел. Почти пять лет прожив в Латинской Америке, он хорошо говорил по-испански.

Случай свел его с шестнадцатилетним испанским мальчиком Хуаном, родители которого погибли при налете фашистской авиации на Аранхуэс. Курт помог Хуану похоронить мать и отца. А мальчика, оставшегося без семьи и крова, забрал к себе.

Хуан привязался к молчаливому, суровому немцу. Ежедневно провожал он Шмидта на аэродром и терпеливо ожидал его

возвращения из боя. В эскадрилье привыкли к Хуану. В свободное время Курт объяснял ему устройство самолета, а летавший в экипаже Шмидта стрелок-бомбардир Висенте научил мальчика разбирать, чистить и собирать турельный пулемет.

6 февраля 1937 года мятежники и интервенты начали снос третье наступление на Мадрид, вошедшее в историю как сражение на реке Харама. Эскадрилья Р-зетов, которой командовал капитан Алонсо, наносила удары по противнику, подходившему к переправам через Хараму.

В одном из боев стрелок Шмидта Висенте был тяжело ранен, его увезли в госпиталь. Заменить стрелка-бомбардира было некем. Р-зет быстро подготовили к вылету, И Шмидт решил лететь один. Он не заметил, как во вторую кабину проскользнул Хуан. Не увидел его и механик, вытаскивавший из-под колес тормозные колодки. Самолет ушел в воздух.

Эскадрилья появилась над горой Эль-Пингаррон в момент, когда на нее ворвались итальянские танки и цепи марокканцев. Республиканская пехота с трудом сдерживала противника. Сбросив бомбы, Р-зеты снизились до бреющего полета и открыли по фашистам пулеметный огонь. И тут Шмидт услышал за своей спиной перестук пулемета. Он обернулся и увидел кудрявый затылок Хуана. Перегнувшись через правый борт кабины, испанец поливал фашистов огнем.

Р-зет произвел еще несколько атак. И все это время Курт слышал за своей спиной скороговорку турельного пулемета.

На подходе к аэродрому Шмидт еще раз обернулся. Обмотав голову шарфом, Хуан, как и положено стрелку-бомбардиру, сидел лицом к хвосту Р-зета. Ствол пулемета был направлен в зенит, прикрывая заднюю полусферу.

Едва самолет сел, летчики эскадрильи окружили его.

Подхватив на руки дрожавшего от холода и возбуждения Хуана, они с громкими криками начали подбрасывать мальчика вверх.

Один только Курт не разделял всеобщего восхищения. Когда восторги немного улеглись, он строго спросил Хуана:

— Кто тебе разрешил садиться в кабину боевого самолета? Неужели жить надоело?

Потупив голову, Хуан молчал.

— Ты что, в полете язык откусил?

— А вам жизнь не надоела? Почему вы без стрелка хотели лететь? — дрогнувшим голосом произнес Хуан.

— Война не детская забава, — нахмурился Курт. У испанца от обиды выступили слезы на глазах.

— Я не ребенок. Мне камарада Кутюрье рассказывал, что во

время гражданской войны в России у них в полку воевали два разведчика — так им было по четырнадцати лет, а мне уже шестнадцать. — И, видя, что Шмидт по-прежнему угрюмо молчит, он добавил совсем тихо: — Я не хотел, чтобы вас фашисты убили. Поэтому и сел на место Висенте. Разве я не умею стрелять, командир? — впервые так обратился к Шмидту Хуан.

— Возьми его к себе стрелком, — вступил в разговор стоявший рядом командир эскадрильи капитан Алонсо. — Он храбрый мальчик. А что молод еще — это не страшно. Подрастет.

Так Хуан стал полноправным членом экипажа Р-зета. Немолодой, немногословный, много повидавший в своей жизни Курт держался со своим юным стрелком, как со взрослым, во всем равным ему человеком. Однажды в бою немецкие истребители сбили Р-зет из звена, которым командовал Шмидт. Самолет взорвался в воздухе, экипаж погиб. Когда Курт и Хуан вернулись на свой аэродром, испанец, потрясенный гибелью товарищей, и присущей ему прямотой и непосредственностью спросила Курта:

— Скажи, командир, когда ты видишь, как твои соотечественники жгут наши города и деревни, тебе не бывает стыдно, что ты немец?

Шмидт не обиделся.

— Стыдно, Хуан! Стыдно за тех немцев, кто летает и вашем небе на «юнкерсах» и «хейнкелях». Стыдно за тех, кто убивает ни в чем не повинных испанских детей и женщин. За таких немцев мне очень стыдно. Но ведь есть и другие немцы! И ты это прекрасно знаешь, мой мальчик. Хотя бы эти несколько тысяч, которые на вашей земле сражаются против фашизма. А разве можно тебя и твоих товарищей — испанцев поставить рядом с испанскими фашистами, льющими кровь своего народа?

Почти пять месяцев летали вместе, сражаясь за свободу Испании, немец Курт Шмидт и испанец Хуан Гонсалес. 20 июня 1937 года они ушли в свой последний боевой вылет…

Их похоронили в одной могиле на родине Хуана в Аранхуэсе. Вместо памятника на могильном холме установили пропеллер, на котором выбили их имена.

«Чатос» идут в атаку

В полдень 30 июня эскадрилья капитана Еременко прошла к Сото — аэродрому северо-восточнее Мадрида.

Вонзив в небо снежные вершины, на горизонте тем-игл и горы Сьерра-де-Гвадаррама. Окруженный деревьями, внизу лежал аэродром. С двухкилометровой высоты он казался совсем крошечным. Неужели придется садится на такой пятачок?

Но вот на земле закучерявился дымовой посадочный сигнал. Сомнений нет — эскадрилья над точкой.

Самолеты пошли на снижение. Одно за другим сели звенья Анатолия Серова, Леонида Рыбкина и Владимира Сорокина. Последним приземлились комэск Иван Еременко и Михаил Петров, прикрывавшие посадку эскадрильи.

— Самолеты замаскировать. Заправить горючим. Быть готовыми к вылету, — коротко распорядился Еременко, направляясь на командный пункт…

Аэродром Сото в недавнем прошлом был частным ипподромом, владелец которого, богатый испанский гранд, сбежал к мятежникам.

Летчики поселились в уютном старинном доме, стоявшим посреди запущенного парка. Аэродром не толькосверху казался крошечным, он действительно был невелик. Но его малые размеры компенсировались отличной маскировкой. Истребители, укрытые под густыми деревьями, были совершенно незаметны даже вблизи. Это было очень важно: совсем близко, за горами Сьерра-де-Гвадаррама, находились фашистские аэродромы Сеговии и Авилы…:

К исходу дня на Сото приехал комиссар советских летчиков-добровольцев Филипп Александрович Агальцов. Комиссару хотелось познакомиться с летчиками, которых с завтрашнего утра командование республиканской авиации решило ввести в бой в районе Мадрида. Ведь многие из них впервые встретятся с хитрым и опытным противником.

Комиссар знал, что предусмотрительный Птухин поставил первой задачей эскадрилье разведку района Толедо. «Пойдут всем составом. В случае встречи с противником легче будет».

Летчиков во главе с командиром Агальцов застал на стоянках, около истребителей, где кипела работа по подготовке к завтрашнему вылету. Вместе с Еременко и интендантом эскадрильи, полным, говорливым майором Альфонсо, Агальцов

зашел в дом, где предстояло жить пилотам.

За ужином, когда все собрались в столовой, комиссар завел разговор о том, что не могло не волновать летчиков.

— Многие из вас завтра впервые пойдут в боевой вылет. Мне хотелось бы знать, как вы думаете: от чего в первую очередь зависит успех в воздушном бою?

Еременко напряженно ожидал, что ответят комиссару его летчики.

Несколько секунд все молчали.

— Ну, может быть, ты, Анатолий, скажешь, — обратился комэск к Серову.

— Полагаю, что успех в бою в первую очередь зависит от подготовки и мужества летчика. Конечно, и от того, на какой машине он ведет бой, — ответил Серов.

— Постой, но ведь в небе ты не один. Рядом с тобой будет сражаться вся эскадрилья. Противника тоже ее счета сбрасывать нельзя.

— Мне думается, что многое будет зависеть от взаимопонимания и взаимодействия, в бою, — добавил Якушин.

— И наверно, еще от личной инициативы каждого. — вставил Рыбкин.

— Очень хорошо, — поддержал Агальцов. — Я бы подчеркнул еще один важный фактор — глубокое сознание того, за что вы здесь сражаетесь. Ведь каждый сбитый нами самолет, каждый пригвожденный к земле враг — но не только ваш личный боевой счет. Это в первую очередь удар по фашизму… Эскадрилья ваша интернациональная, — продолжал он. — Смотрите, среди вас и испанцы, и русские, и украинцы, югослав, австрийцы, американец. Прямо не эскадрилья, а символ братства всех народов, — с улыбкой закончил комиссар.

Все сразу задвигались, заговорили. Молчал только американец, высокий рыжеволосый Альберт Баумлер. Он плохо понимал по-русски; поэтому он только одобрительно кивал головой, когда техник Александр Рыцарев, который уже почти год находился в Испании, переводил ему на испанский то, что говорили летчики и комиссар.

— Ну а вы, Баумлер, что об этом думаете? Ведь вы уже давно воюете с фашистами, — желая вовлечь американца в разговор, обратился к нему Агальцов. — В этой эскадрилье вы ветеран.

— Да, я тут с января. Меняется состав, а я остаюсь и остаюсь. Русские летчики — надежные партнеры в воздушном бою, в этом я не раз убеждался. В беде никогда не оставят. И потом, ваши ребята бескорыстны. Не спорят, кто сбил фашиста. Ведь нам, американцам, платят за вылеты и за сбитые. Как видите, к

сожалению, я еще живу в капиталистическом мире, — Баумлер невесело улыбнулся.

— А как вы попали в Испанию? — заинтересовался Агпльцов.

— Это длинная история, коронель[12].

— А все-таки?

Баумлер взял из коробки у рядом сидевшего Серова папиросу, помял ее в руках. Все замолчали, приготовившись, слушать. Мешая русские и испанские слова, то и дел прибегая к помощи Рыцарева, американец стал рассказывать:

— Нас было десять. Из Сан-Франциско мы отправились, в Европу, потому что знали: в Испании нужны летчики. Честно сказать, нам было все равно, на какой стороне летать. Решили так: где больше заплатят, там и будем работать. Баумлер опять усмехнулся:

— Вы возмущены? Я понимаю вас, камарадас. Вернее, понял позже, когда узнал Испанию, ее народ. Встретился с теми, кто пришел защищать испанцев от фашизма. А тогда я еще ничего не понимал. Так вот, приехали мы в Париж. Стали искать, где завербоваться. Так прошло три дня. На четвертый мы с Ричардом, моим другом, решили побродить по городу. Вечером вернулись в гостиницу, и тут портье с улыбкой сообщает: «Ваши приятели уехали». — «Куда?» — удивились мы. Портье развел руками: «Вот письмо». Оказалось, пока мы с Ричардом любовались Парижем, наших парней разыскал вербовщик от Франко. Они здесь же в гостинице подписали контракт и прямым путем улетели из Парижа в Бургос.

— А вас, значит, бросили?

— Как видите. Говорили, что фашистская печать шумно рекламировала их приезд.

— Ну, а вы с Ричардом?

— Мы? — переспросил Баумлер. — Мы, как видите, здесь. На стороне республики. Теперь, конечно, я по-другому на все смотрю и рассуждаю, не так, как полгода назад. За это время я хорошо понял, что такое фашизм и что он несет людям. К сожалению, у нас в Америке далеко не все разбираются в этом.

— Значит, встречаетесь в воздухе со своими земляками и стреляете друг в друга? — удивленно поднял брови Рыбкин.

Баумлер молчал и хмурился. Потом заговорил опять.

— Нас нужно понять, Бланке[13]. Ты ведь не знаешь дома я работал летчиком-испытателем. Что это была за работа? Заключил с фирмой договор, провел полный цикл испытаний самолета, и больше не нужен. Снова ищи заработок. И это не все. Если испытания прошли благополучно — получи деньги. Ну а вдруг несчастье? Ведь у меня жена, двое детей, мать. Никто о них

не позаботится. В договоре так и говорится: фирма никакой ответственности за последствия испытаний не несет. У нас все решают деньги. А заработать их очень трудно…

— Скажи, Альберт, как же ты попал в эту эскадрилью? — полюбопытствовал Серов. Американец улыбнулся:

— Видишь ли, Анатолий, когда мы с Ричардом прибыли под Мадрид, нас спросили, на чем мы хотим летать. Мне очень понравился «чато», а Ричарду — «моска». Тут мы и расстались. Меня направили к Пабло Паланкару. Он сказал: «Сейчас посмотрим, на что ты способен». Над Алькалой, почти над самой землей, я выполнил на «чато» пилотаж. Тогда Пабло пожал мне руку. А я, можете мне не поверить, поцеловал «чато». Так и остался в этой эскадрилье.

Агальцов поднялся.

— Ну что ж, я рад, что вы, Баумлер, многое поняли здесь, в Испании. Желаю удачных полетов и благополучного возвращения к семье.

— Благодарю, коронель, — пожимая руку комиссару, произнес американец.

Агальцов стал прощаться.

— Мне еще на Барахас добраться нужно: утром буду эскадрилью Минаева в бой провожать. Желаю удачи!

Завтракали рано. По столовой, подтянутый и надушенный, расхаживал майор Альфонсо.

— Камарадас! — восклицал он, подходя к каждому столу. — Кушайте, сколько вам угодно. Каманданте[14] Альфонсо знает, как надо кормить русое пилотос.

— Но здесь не одни «русое пилотос», — напомнил Рыцарев.

— Какая разница? — удивился Альфонсо. — Все должны есть, как русо пилото Анатолио, — похлопал он по плечу не страдавшего отсутствием аппетита Серова. — Мне коронель Мартин[15], уезжая, приказал записывать всех, кто будет плохо есть перед вылетом, — и Альфонсо потряс в воздухе записной книжкой.

Летчики засмеялись. Кое-кто из них и вправду мог «попасть на карандаш» — не все из новоприбывших сразу привыкли к своеобразной испанской кухне….

В утреннем небе таяла розовая дымка. От гула прогреваемых двигателей дрожал воздух.

Невдалеке от стоянки, заложив руки за спину, медленно прохаживался Иван Еременко. Многое волновало командира эскадрильи в это утро. Ему сегодня предстояло не только самому подняться в небо войны, но и повести за собой людей. Как сложится этот первый вылет? Опытный летчик-истребитель, он

хорошо понимал значение первого боя…

— По самолетам!

Взревели моторы. Простучали короткие очереди бортовых пулеметов — летчики пробовали оружие. Ракета. На взлет пошло ведущее звено. Вместе с Еременко в воздух ушли Виктор Кузнецов и Леонид Рыбкин. За ними поднялись остальные. На круге «чатос» звеньями подстроились к командиру. Набирая высоту, эскадрилья легла на курс к Толедо…

На подходе к Барахасу Еременко заметил едва различимые на сером фоне земли взлетающие с аэродрома И-16. «Саша Минаев своих к Мадриду повел», — догадался комэск.

Пройдя над железной дорогой Мадрид — Гвадалахара, летчики увидели курившийся дымами разрывов передний край. Это был северный фас Харамского выступа фронта. Справа угадывался Хетафе — фашистский аэродром, наиболее близко расположенный к линии боевого соприкосновения.

Еременко несколько раз качнул истребитель. Внимание!

Эскадрилья пересекла линию фронта. Под ними была территория, занятая мятежниками. «Чатос» летели над местами, где в октябре — ноябре тридцать шестого года шли упорные бои с фашистскими легионами, рвавшимися к Мадриду.

Вдруг перед машиной Еременко вспучились черные, с яркими всплесками, разрывы. Самолет швырнуло в сторону. Резко повернув вправо, пропали из виду Серов и его ведомые. Вверх рванулись Рыбкин и звено Сорокина. Только Виктор Кузнецов держался рядом с командиром.

Впереди, на высоком обрывистом холме, показался Толедо.

Над узкой лентой реки Тахо, опоясывавшей Толедо, разбросанные зенитным огнем «чатос» вновь подстроились к самолету командира эскадрильи. Маневрируя среди разрывов, они пронеслись над оружейным заводом, мрачным зданием тюрьмы и церковью Сан-Томе.

Зенитки продолжали неистовствовать. Но летчики, повторяя маневры командира, выдерживали строй.

Обогнув Толедо с севера, эскадрилья прошла над аэродромом. Затем Еременко развернулся и лег на обратный курс. Вскоре стала довольно отчетливо видна линия фронта.

И тут Леонид Рыбкин, стремясь привлечь внимание командира, качнул несколько раз истребитель. В слепящих лучах солнца навстречу эскадрилье летела группа «фиатов».

Еременко быстро перестроил эскадрилью. Едва «чатос» закончили маневр, как на них бросились фашистские истребители. В воздухе образовался клубок. Затем он распался на вертикальное колесо и горизонтальный круг.

После первой атаки Еременко и Кузнецов вывалились из огненного клубка. И тут же на них бросились два выкрашенных под цвет ящерицы «фиата». Оба И-15 легли в глубокий вираж. Еременко и Кузнецов одновременно нажали гашетки. Один из «фиатов», задымив, вошел в крутую спираль и после нескольких витков сорвался в штопор. В этот момент в багровом облаке разрыва исчез следующий «фиат». Не успела удариться о землю вторая фашистская машина, как вслед за ней огненным метеором понеслась вниз третья.

Бой оттянулся к линии фронта. Еременко успел заметить, как еще один «фиат», напоровшись на огненное препятствие, вспыхнул и камнем пошел к скалам. «Кажется, Миша Якушин сбил фашиста», — довольно подумал комэск. Через несколько минут еще два пылающих вражеских самолета упали за линией обороны республиканских войск.

Фашисты начали выходить из боя. Они пикировали почти до самой земли и уходили на запад.

«Пора и нам домой». Еременко, Кузнецов и пристроившийся к ним Шелыганов набрали высоту; постепенно подошли остальные. Несколько раз командир эскадрильи пересчитал самолеты. В строю летели все «чатос», час назад поднявшиеся вместе с ним с Сото.

К аэродрому эскадрилья подошла плотным строем. На земле никто и не подозревал, что только что она вела тяжелый бой.

Заруливая истребитель на стоянку, Еременко видел, кик к нему бегут приземлившиеся летчики. «Довольныребята, — улыбнулся комэск. — Первый бой, горящие фашисты. А наши все целы».

Окружив своего командира, они молча стояли и ждали, что скажет он. Каждый из них полагал, что Еременко должен был непременно видеть его в бою. Им было и невдомек, что командир вместе со всеми только что держал труднейший в своей жизни экзамен.

— Кто сбил? — спросил Еременко. Летчики переглядывались и молчали. Губы командира эскадрильи дрогнули в едва заметной усмешке.

— Так что ж, выходит, фашисты сами себя поджигали? Ты как думаешь, Миша? — обратился он к Якушину.

Тот недоуменно пожал плечами:

— Не знаю. Я, например, не могу утверждать, что свалил фашиста. Хотя патронов в лентах осталось немного. — Понятно. Что же мне в донесении писать?

— Горели ведь «фиаты»? — густым басом проговорил Серов. — Горели. Ну а кто их сшибал? — Анатолий развел

руками.

— Ладно, так и доложу: горели, а отчего и от кого — неизвестно, — подытожил Еременко.

В тот час, когда эскадрилья Еременко совершила посадку на Сото, на другом краю Испании с аэродрома Альберисия в воздух ушли «чатос» капитана Бакедано. Альберисию с рассвета и до темноты бомбила фашистская авиация. Франко, несколько раз приезжавший на Северный фронт, торопил командование своей ударной группировки — ему грезился захват Астурии.

Бывали дни, когда измотанные непрерывными боями летчики совершали до десяти боевых вылетов. Противник, имея огромное численное преимущество, совсем обнаглел. Неожиданное появление на севере эскадрильи советских летчиков-добровольцев несколько поубавило пыл у фашистов. Пришлось им прикрывать свои бомбардировщики сильными эскортами истребителей.

Эскадрилья Бакедано вместе с И-16 Валентина Ухова защищала с воздуха важнейший порт и узел сопротивления республиканцев Сантандер. Но если И-16 на первых порах выполняли чисто истребительские задачи, то «чатос» использовались командованием как многоцелевыесамолеты. К их крыльям были приделаны бомбодержатели. Нагрузившись мелкими бомбами, они с бреющего полета штурмовали колонны противника. А после штурмовки уже как истребители вели воздушные ьои. Эти вылеты чередовались с разведкой противника над Бискайским заливом и Кантабрийскими горами.

Начав испытывать на Северном фронте новейший Ме-109, фашисты надеялись, что их скоростной, хорошо вооруженный истребитель будет безнаказанно расправляться с республиканскими самолетами. Однако республиканские летчики, используя отличные маневренные качества своих машин и их сильное пулеметное вооружение, решительно противостояли «мессершмиттам».

Еще 15 мая 1937 года в упорном воздушном бою на подходе к Бильбао Леопольд Моркиляс сбил первого «мсссершмитта». Немецкий пилот лейтенант Виндель покинул горящую машину и спустился на парашюте. Его доставили в штаб. В кармане комбинезона Винделя оказался личный дневник, одна из записей которого гласила: «Герника. 26 апреля. Нам приказано расстреливать все, что мы видим и что двигается…»

Тогда, в апреле, «мессершмиттов» еще не было в небе Испании. Виндель на Гернику летал на Хе-51. А новый истребитель ему дали как отличившемуся в разрушении древнего испанского города. Бывший студент гамбургского технического

училища стал соучастником невиданного в истории цивилизации преступления.

Герника…

26 апреля 1937 года над небольшим городком, расположенным восточнее, Бильбао, появились «юнкерсы». Армада «хейнкелей» и «фиатов» прикрывала бомбардировщики. В районе Герники республиканской зенитной артиллерии не было. В то время у республиканцев на всем Северном фронте насчитывалось не более десятка истребителей. Фашисты это знали.

На маленький, тихий городок, являющийся древней святыней и символом национальных свобод Басконии, посыпались бомбы. Пламя, дым, обломки… Те, кто бомбили Гернику, знали, что никаких военных объектов и к в городе нет. Но бомбардировщики делали все новые и новые заходы на беззащитный город.

Горели земля и камни, рушились здания. Жители Герники бросились в сады и поля, окружающие город, пытаясь там спастись от бомб. Тогда «хейнкели» и «фиаты» с бреющего полета начали расстреливать людей.

В этом аду жители Герники гибли не только от осколков и пуль. Видя смерть своих близких, люди сходили с ума. Так продолжалось три часа. Герника была сметена с лица земли. Только обуглившиеся, дымящие развалины да трупы являлись молчаливыми свидетелями совершенного преступления… Участь Герники разделили Дуранго, Бильбао и ряд других городов. В небе Испании фашизм вел тотальную воздушную войну…

В этот день, 30.июня 1937 года, фашисты бросили более ста самолетов на Сантандер. Воздушные пираты шли к городу с разных сторон. Враг знал, как мало истребителей у республиканцев, и, чтобы распылить эти и так небольшие силы, использовал свой излюбленный прием «звездного» налета.

Взлетевшая с аэродрома Альберисия эскадрилья И-16 под командованием Ухова атаковала «юнкерсов» и «савойи» над Кантабрийскими горами. Комэск Бакеданр повел свою эскадрилью навстречу летающим лодкам «дорнье».

В двадцати пяти километрах от Сантандера, над заливом, «чатос» встретили сорок фашистских машин. Голубовато-серые, похожие на хищных птиц «дорнье» открыли огонь из бортовых пулеметов. На «чатос» устремились истребители прикрытия.

Девять против сорока.

— Атака! — подал сигнал Бакедано.

Суровая обстановка воздушной войны в небе Испании выработала у республиканских пилотов это правило: противника не считают — его атакуют!

Расшвыряв заслон из Хе-51, «чатос» устремились к летающим лодкам. Но путь им преградили спикировавшие с высоты «мессершмитты».

Бакедано, Моркиляс и Магринья, оказавшиеся прямо перед фашистами, положили свои истребители в вираж. Из просвета между облаками выскользнула пара «охотников». Пунктиры пулеметных трасс в упор вошли «чато» Бакедано.

Комэск был ранен. Над его истребителем взвился огненный султан — пули угодили в бензобак. К горящему самолету бросилась еще несколько «хейнкелей» и «мессершмиттов». Бакедано удалось выйти из-под удара. Его машина оказалась на встречно-пересекающемся курсе с «дорнье». Не целясь, видя перед собой только крестастую машину, капитан надавил гашетки. От летающей лодки полетели куски обшивки. А Бакедано, чувствуя, что это его последние очереди, продолжал огонь.

У летчиков республиканской авиации существовал неписаный закон: «Пока машина держится в воздухе — дерись». И Бакедано дрался.

Фашисты не хотели упустить свою жертву. Их истребители вновь атаковали комэска. Рафаэлю Магринье удалось сбить один из «хейнкелей». Моркиляс не подпускал фашистов к горящему И-15 снизу. На помощь им пришли Фео и Сан Хосе. Вокруг машины комэска образовалась карусель. Бакедано стал доворачивать в сторону берега.

В этот момент у его истребителя были перебиты тяги управления двигателем. На капитане вспыхнула одежда. Собрав последние силы, он решил покинуть снижавшийся к воде «чато». Бакедано расстегнул привязные ремни, с трудом оторвался от сиденья и грудью лег на борт кабины. Дальше сил у него не хватило. Неуправляемый истребитель медленно накренился на крыло. Капитан вывалился из самолета.

В расплывающемся перед глазами Бакедано тумане закрутились небо, свинцовые волны залива, носившиеся и небе свои и фашистские истребители. С трудом он дотянулся до вытяжного кольца и раскрыл парашют…

Бакедано потерял сознание. Он не видел, как по нему продолжали стрелять фашистские пилоты, как их отгоняли огнем его боевые друзья. Не видел капитан и того, как к месту его приводнения, отстреливаясь от «мессеров» из своего единственного пулемета, устремился сторожевой катер. На полном ходу моряки выхватили Бакедано из воды.

Взбешенные фашистские летчики не оставили в покое сторожевик. Ливень огня обрушился на его палубу, где лежал истекающий кровью летчик. Были ранены два матроса и

пулеметчик. Бакедано получил еще несколько ранений. На сторожевике возник пожар.

Оказались подбитыми истребители Фео и Сан Хосе. Они вышли из боя. «Мессеры», «хейнкели» и два И-15 — Моркиляса и Магриньи — стреляя, носились над самыми волнами.

На полном ходу катер вошел в бухту Сантандера. Объятое пламенем судно с поднятым на мачте международным сигналом «Мне нужна помощь» шло мимо стоящих на рейде английских, французских и голландских военных кораблей, осуществлявших «контроль» на море. Но ни один из них на помощь не пришел.

Над Сантандером и портом продолжался воздушный бой. Подойдя к объятому огнем причалу, моряки под осколками рвущихся бомб покинули полусгоревшее судно и перенесли летчика и своих товарищей в подвал портового склада…

Моркиляс и Магринья с почти сухими баками возвратились на Альберисию. На стоянке их ожидала переводчица Ляля Константиновская.

— Что с Бакедано? Где он? Моркиляс отрешенно махнул рукой.

К Ляле подошел Сан Хосе.

— Сеньорита! Они в капитана так стреляли, так стреляли, что будь он из металла…

Взгляд Константиновской встретился с темными, широко открытыми глазами Магриньи.

— Рафаэль! Это правда?

Рафаэль молчал. Бакедано, Бакедано, добрый молчаливый Бакедано…

Только вчера, вернувшись из боя, он ласково сказал Ляле: «Буду свободнее — вырежу тебе из бука попелье. Этот матросик у нас в Испании вроде вашего русского петрушки. В молодости я хорошо вырезал. А теперь все некогда». И вот не стало Бакедано…

Внизу — Мадрид

В ночь с 5 на 6 июля 1937 года республиканские войска перешли в наступление на Центральном фронте. Обойдя сильные опорные пункты мятежников Льянос и Кихорна, они внезапным ударом к утру овладели Брунете и устремились к реке Пералес…

Еременко вел эскадрилью к Мадриду. Западнее, линии задымленного горизонта, шел наземный бой.

Уточняя перед вылетом линию боевого соприкосновения, Еременко видел, как обрадовались летчики, услышаво взятии Брунете. Республиканская армия наступает!

Внизу уже запетляла река Мансанарес и показалась и изогнутая подковой перед западной частью города линия фронта. Слева на зеленых холмах раскинулся Мадрид.

На траверзе Северного вокзала показались приближающиеся с запада темные точки. Фашисты? К Мадриду на одной высоте с И-15 подходили истребители противника Хе-51. Еременко уже хорошо различал серые с белыми хвостами машины. Но фашисты как будто не торопились атаковать. «Разведчики? Или хотят оттянуть нас от Мадрида?»

И тут произошло непредвиденное. Внезапно строй самолетов противника дрогнул и развалился. Горящими обломками вниз повалились три «хейнкеля». Это со стороны солнца их атаковали незаметно подошедшие «москас». Десятка скоростных истребителей ударила по центру боевого порядка фашистов.

Молниеносная атака И-16 спутала противнику все карты. Над Королевским мостом «москас», не дав врагу опомниться, зажгли еще одного «хейнкеля». Все это произошло в считанные секунды.

И тут «чатос» Еременко с другой стороны атаковали фашистов. «Хейнкели» развернулись и, огрызаясь огнем, понеслись в сторону Брунете. Республиканские истребители устремились за ними.

Бой шел над Боадильей, когда показалась большая группа двухмоторных бомбардировщиков До-17. Фашисты шли курсом к Мадриду. Находившиеся ближе к ним Еременко, Кузнецов, Рыбкин и Божко Петрович бросились в атаку. Остальные во главе с Серовым продолжали бой с истребителями.

Выполнив полупетлю, Еременко оказался над одним из бомбардировщиков. И тут же струя раскаленного металла вошла в похожий на щуку До-17. Второй очередью в упор командир эскадрильи срезал у бомбовоза правый руль поворота. А Божко

Петрович всадил очередь в левый двигатель фашиста. Еременко еще раз нажал гашетки. Оставляя за собой длинную пряжу дыма, бомбовоз пошел к земле.

В это время Кузнецов и Рыбкин расправились со вторым «дорнье». Бомбардировщики, бесприцельно бросая бомбы, заметались по небу.

Еременко взглянул на часы: полетное время было на исходе. «Идем к Мадриду», — подал он сигнал. С аэродрома Алькала на смену им подходила еще одна эскадрилья «москас»…

Этот день, начавшийся тяжелым боем, не сулил летчикам покоя. Едва И-15 сели на Сото, над аэродромом появился бомбардировщик СБ. Сделав круг, он резко пошел на снижение. Пронесся над посадочной полосой и, круто развернувшись, пошел на второй круг.

— Что-то у него не в порядке, раз на наш пятак задумал садиться.

Летчики, стоя на краю аэродрома, встревоженно смотрели в небо.

— У него штурманская кабина разбита и моторы маслом хлещут, — проговорил, соскакивая с подножки «пикапа», приехавший с центра летного поля Рыцарев.

Не выпуская шасси, СБ снова пошел на посадку.

— Колеса! — закричал Серов, словно летчик «катюши» мог его услышать.

И на этот раз бомбардировщик не сел. Едва не зацепившись за деревья, он опять вошел в разворот.

— Неладно у них на борту. Готовьте санитарку, — приказал командир эскадрильи.

«Катюша» вновь появилась над Сото. Машина шла над самыми верхушками пробковых дубов. Вихрь от винтов срывал и кружил в воздухе поблекшие от жары листья. Над границей аэродрома летчик убрал газ. Самолет коснулся земли. Вспарывая фюзеляжем посадочную полосу, со скрежетом и визгом, окутанный густым облаком пыли, самолет пополз по каменистому грунту.

Когда к севшему бомбардировщику подкатили машины, глазам добровольцев предстала такая картина. Не обращая внимания на подъехавших, командир самолета и стрелок-радист пытались вытащить из разбитой кабины не подававшего признаков жизни штурмана.

— Валентин! Валентин! Очнись! Мы у себя! К своим сели! — повторяли они.

Но привалившийся к пулемету штурман не отзывался.

— Неужели убит? — ни к кому не обращаясь, растерянно

проговорил летчик.

Только тут он повернулся к подошедшим, и все увидели его белое, без кровинки лицо.

Серов, Рыцарев и механик Карлос, разломав каркаскабины, осторожно подняли с сиденья тело штурмана и положили его на землю.

— Где вас так? — участливо спросил Еременко.

— Вы здесь старший?

— Да.

Летчик неестественно вытянулся и сделал попытку шагнуть к командиру эскадрильи. Но, поморщившись, остался на месте.

— Вы ранены?

— Пустяки. Прошу передать немедленно в штаб авиации. Над Пералес-де-Милья мы были атакованы потребителями неизвестной конструкции. — Летчик наморщил лоб. — Машина выглядит так: тонкий фюзеляж, короткие, обрубленные крылья. Опознавательные знаки мятежников — две черные перекрещенные полосы в форме буквы Х на белом фоне. Их было не менее двенадцати. Скорость как у «катюши»[16]. И еще: к реке Пералес из Саламанки выдвигается колонна автомобилей. Длина около пяти километров.

Лицо летчика исказилось. Охнув, он стал медленно оседать на землю. Его подхватили…

6 июля эскадрилья «чатос» совершила еще шесть вылетов к Мадриду, Брунете и Вильянуэва-де-ла-Каньяда, пид которыми разгорелись упорные воздушные бои. К исходу дня Вильянуэва-де-ла-Каньяда была взята штурмом наземных республиканских войск.

Поздно вечером Еременко вызвали к Птухину на аэродром Алькала-де-Энарес. У генерала Хозе находились эмиссар Агальцов, командир эскадрильи И-16 Минаев невысокий, совсем юный с виду летчик.

— Как народ себя чувствует? — озабоченно спросил Птухин.

— Настроение хорошее. Жара только допекает.

Агальцов, в течение всей недели внимательно следивший за действиями новой на мадридском участке фронта эскадрильи, улыбнулся:

— А что с рассвета в бою — это не в счет?

— Начинаем привыкать.

— Ну что ж, хороший ответ.

— Знакомьтесь — это Иван Лакеев. Тот самый, что сегодня над Мадридом выхватил у тебя «хейнкелей», — представил невысокого летчика генерал.

— Им тоже хватило, — улыбнулся Лакеев.

— Хватило и даже с избытком, — согласился Еременко.

Птухин пригласил всех к столу, на котором лежали план Мадрида и карта Центрального фронта. Уточнив обстановку, он озабоченно сказал:

— Международный конгресс писателей-антифашистов, открывшийся четвертого июля в Валенсии, завтра с утра продолжит свою работу в Мадриде. — Красным карандашом Птухин подчеркнул заштрихованный квадрат с надписью «Аудиториум». — Это один из крупнейших залов Мадрида, — пояснил он. — В ночь на пятое июля «савойи» бомбили Валенсию. Наверное, теперь фашисты будут стремиться еще более ожесточенно бомбить Мадрид.

— Зачем же прямо на переднем крае проводить заседания конгресса? — удивился Еременко.

— Такой вопрос возникал у многих. Конечно, можно было для конгресса выбрать место и поудобнее, например французскую Ривьеру. Но писатели решили собраться в Испании — стране, которая первая дала отпор фашизму. Ну, а то, что заседания конгресса будут проходить в Мадриде, городе, на окраине которого проходит передний край обороны, — это символично. Так вот, друзья, — продолжал Птухин, — наша задача — не допустить ни одного самолета противника в район «Аудиториума». И в район кинотеатра «Гойя», где после обеда продолжит свою работу конгресс.

Он указал командирам эскадрилий квадраты города, над которыми предстояло патрулировать истребителям, порядок их смены эскадрильями с других аэродромов, расположенных в зоне Мадрида.

— Седьмого и восьмого июля я буду находиться на «телефонике». После посадки звоните мне на башню, — закончил разговор Птухин. — Все, о чем мы здесь говорили, нужно как можно лучше разъяснить летчикам.

— Можно ехать? — заторопился Еременко.

Шестнадпатиэтажное здание телефонной компании в Мадриде, на верхней площадке которого были расположены посты ПВО и артиллерийские наблюдатели.

— Не спеши, Иван Трофимович. Вам всем следует еще побывать в штабе и уточнить в деталях порядок завтрашней боевой работы.

— К тому же, — улыбнулся Агальцов, — штабники приготовили тебе, Иван, небольшой сюрприз.

Пройдя в конец длинного коридора, Агальцов и Еременко вошли в ярко освещенную комнату.

У двери стоял часовой. Четыре человека в светлых замшевых

куртках сидели на стульях. А над столом, рассматривая какие-то документы, склонился Кутюрье.

— Если есть желание, можете познакомиться. Это экипаж сбитого «дорнье». Между прочим, среди них имеется знатная особа, — приветствовал он Еременко.

Изрядно уставший за день комэск про себя чертыхнул фашистов. Но все же с некоторым интересом посмотрел на немцев.

— Вот этот, — Кутюрье указал на худого, узколицего штурмана, — утверждает, что его отец — советник Гиммлера.

— Что ж из этого? — пожал плечами Еременко. — Жив остался, и на том пусть скажет спасибо.

Обратившись к пленным, Кутюрье по-немецки объяснил, кто находится перед ними. Тогда со стула поднялся широкоплечий, рыжеватый командир «дорнье»:

— У меня один вопрос. Впереди нас к Мадриду шло два десятка «хейнкелей», не считая непосредственного прикрытия. Как вам удалось пройти через их заслон?

Еременко снова пожал плечами. Ему не очень хотелось разговаривать с пленными, тем более отвечать на их вопросы.

— Переведите ему, — обратился он к Кутюрье. — Полагаю, лучше об этом узнать у командира заслона, если, конечно, им удастся встретиться. А теперь я бы хотел их кое о чем спросить. Вот представитель Германии в лондонском Комитете по невмешательству в испанские дела Риббентроп совсем недавно отрицал участие немецких граждан в варварских бомбардировках городов и сел Испании. Чему же нам верить? Своим собственным глазам или словам Риббентропа?

— Большая политика — не наше дело, — пробормотал в ответ командир «дорнье».

— Ну, еще бы! Ваше дело — бомбы кидать на испанских детей!

Резко повернувшись, Еременко направился к выходу.

С рассвета 7 июля «чатос» прикрывали Р-зеты капитана Мигеля Алонсо, которые бомбили подходившие к реке Пералес колонны противника. После двух боевых вылетов эскадрилья Еременко находилась в готовности номер один, когда на Сото позвонил Птухин:

— В девять тридцать вам с ореликами быть над «телефоникой».

Когда они подлетали к Мадриду, над городом уже барражировали И-16 Ивана Лакеева, а над линией боевого соприкосновения республиканских и фашистских войск кружила эскадрилья Александра Минаева.

Небо южнее вокзала Делисиас вспучилось разрывами зенитных снарядов. И сразу, взмыв вверх с площадки «телефоники», в воздухе рассыпались пять красных ракет. Противник! Всмотревшись, Еременко заметил идущих со стороны моста Принцессы «фиатов». Очередями верхних пулеметов он указал ведомым направление атаки.

Скрываясь в лучах солнца, «чатос» сближались с противником. Мгновение, — и над Андалузским мостом, вокзалом Делисиас и табачной фабрикой в небе завертелся ревущий огненный клубок.

А с запада на город наплывал широкий клин «юнкерсов» и «дорнье». На перехват их устремилась эскадрилья Александра Минаева.

После первой атаки «фиатов» «чатос» разделились на несколько групп.

В начале боя был ранен Хозе Редонта. Окружившие его «фиаты» теснили истребитель испанца за Мансанарес. К отбивавшемуся от фашистов летчику прорвался Леонид Рыбкин. Редонта пристроился к своему ведущему. На головокружительных виражах они вдвоем продолжали бой с девятью «фиатами». Пытаясь вырваться из кольца, «чатос» пошли в лобовую атаку. Один из «фиатов» шарахнулся от несшегося на него Рыбкина и врезался в другой фашистский истребитель. Удар… Сцепившись крыльями, объятые пламенем «фиаты» упали на пустырь у Андалузского моста. А Рыбкин и Редонта присоединились к пришедшим им на помощь Петрову и Карпову.

«Выдержит ли Хозе?» — глядя на залитое кровью лицо испанца, волновался Леонид. Он сигналом показал ведомому, что ему следует выйти из боя, но тот отрицательно покачал головой.

В этот момент с юга подошла новая группа «фиатов». Летевшие выше их Еременко, Серов и Якушин атаковали ведущее звено. Еще один фашист был сбит. Из его кабины выбросился летчик и раскрыл парашют.

Бортовые часы истребителя комэска показывали, что они находятся в воздухе пятидесятую минуту. «Значит, заседание конгресса в «Аудиториуме» открылось вовремя», — подумал Еременко, провожая взглядом спускавшегося на город парашютиста.

И тут неожиданно со стороны солнца появилась четверка бело-голубых остроносых монопланов. Не вступая и бой, они пронеслись мимо и умчались к Нижнему Карабанчелю. Зоркие глаза Еременко схватили некоторые летали незнакомых машин: закрытую плексигласовым фонарем кабину пилота, срезанные концы крыльев и топкую нить радиоантенны. «Не об этих ли

фашистских истребителях говорил вчера командир подбитой «катюши»?»

Внимание комэска привлек вышедший около него из атаки «чато» Вальтера Короуза. На какую-то долю секунды машина австрийца, потеряв скорость, зависла. И сразу снизу-сзади к нему устремился «фиат». «Пропал Вальтер», — мелькнуло в голове Еременко.

В этот момент летевший выше и правее Короуза «чато» совершил немыслимо резкий переворот. Одновременно сверкнули пулеметные трассы: фашист открыл огонь по австрийцу, а «чато», не выходя из переворота, — по фашисту. Первым вспыхнул «фиат». Короуз кинулся к Еременко, но горящий «фиат» не отставал от него. Тогда атаковавший фашиста «чато» всадил в борт и заливной бачок машины противника еще несколько очередей. Фашистский истребитель взорвался. В дыму и пламени скрылся и атаковавший его «чато».

Подошла эскадрилья Григория Плещенко, которую Птухин поднял с Барахаса. «Чатос» Еременко стали выходить из боя…

Только после посадки, увидев, как Вальтер Короуз обнимает Михаила Якушина, Еременко понял, кто спас австрийца.

Не один Еременко заметил новые остроносые истребители. Их видели Виктор Кузнецов и Том Добиаш. С «Телефоники» бело-голубые машины наблюдали Птухин и Кутюрье. «Это «мессеры», — предупредил Еременко генерал Хозе.

Шел третий день успешно развивавшейся Брунетской операции. Командование мятежников и интервентов, стремясь остановить выходящие к реке Пералес республиканские войска, продолжало спешно перебрасывать с севера к району прорыва свои наземные части и авиацию. Наступление на Сантандер Франко временно приостановил.

В полдень 8 июля с постов воздушного наблюдения находившемуся на «телефонике» Птухину стали докладывать о подходе к Мадриду более трех десятков «фиатов».

— Одни? Без бомбовозов? — переспросил Птухин.

Кутюрье, принимавшего доклады постов.

— Одни.

Птухин посмотрел на часы.

— Через три минуты должен подойти Еременко, — сказал он, провожая взглядом разворачивавшиеся над ними «москас» Лакеева, у которых истекало время патрулирования.

— «Чатос»! — тут же громко доложил офицер-испанец, находившийся на площадке «телефоники».

Над Северным вокзалом, оттянутые уступом назад, эшелонированные по высоте, показались звенья эскадрильи Ивана

Еременко.

— Что за строй? — удивился Кутюрье.

Генерал Хозе не успел ответить. С запада появились «фиаты». Два верхних звена И-15 с ходу врезались в клин фашистских машин. Сразу вспыхнул один «фиат».

— Хорошее начало!

Птухин приложил к глазам морской бинокль. В окулярах завертелся плотный клубок истребителей.

Бой начал оттягиваться к Королевскому театру и площади Пуэрта-дель-Соль. Теперь и без бинокля были видны все перипетии воздушной схватки.

Над театром «чатос», те, что шли ниже основной группы, сбили еще одну фашистскую машину. И тут загорелся И-15. Республиканский истребитель с креном прошел над «телефоникой». Было видно, как летчик скольжением пытается сбить пламя. Два И-15 поспешили на помощь товарищу и отогнали заходивший на него в атаку «фиат». Горящая машина, снижаясь, развернулась к северной окраине Мадрида.

За спиной генерала раздался гулкий взрыв. Разваливаясь на куски, на центр города падал еще один расстрелянный «фиат». Но, несмотря на потери, фашисты не выходили из боя.

— Неспроста они так на рожон лезут. Пакость, что ли, какую-нибудь готовят? — проговорил Евгений Саввич.

То, что самолетов противника в два с половиной раза больше, чем республиканских, Птухина не удивляло. К этому он привык. Насторожило его упорство, с которым дрались фашистские пилоты. На всякий случай он приказал поднять в воздух с Барахаса эскадрилью Александра Минаева и подготовить к взлету с Алькалы-де-Энарес И-16 Лакеева.

Ожесточение схватки нарастало.

Подошли И-16 Минаева. Птухин облегченно вздохнул: теперь силы равны.

Стремительным ударом «москас» оттеснили «фиатов» к Каса-дёль-Кампо. Бой продолжался над территорией, занятой мятежниками.

Эскадрилья Еременко, пройдя над западной частью города, развернулась к центру Мадрида.

— Внимание! — громко крикнул Кутюрье.

Разговаривавший по телефону со штабом авиагруппы Птухин бросил взгляд по направлению его руки. Со стороны солнца в отвесном пике неслись тонкофюзеляжные остроносые машины. «Мессеры»? Генерал с силой сжал поручни ограждения площадки. Чем-то зловещим веяло от этих светлых, с хищным профилем машин. Птухин знал, что еще в мае фашисты стали применять

«мессершмитты» на Северном фронте. Но здесь, над Мадридом, «мессеры» раньше не появлялись. Значит, после вчерашней разведки противник решил показать, чего стоит Ме-109, прошедший «акклиматизацию» на севере.

Несмотря на внезапность нападения, республиканскские летчики не дрогнули. Верхнее звено И-15 длинными пулеметными очередями разрушило компактный строй фашистов. «Мессершмитты» веером разошлись в разные стороны. Первая атака фашистов сорвалась.

Сжавшись в единый, ощетинившийся огнем комок, «чатос» вступили в бой. В этот момент к Мадриду подошла эскадрилья Лакеева. Она с ходу атаковала противника…

В небе началось такое столпотворение, что Птухин уже не мог разобрать, где свои, где чужие машины.

Имевшие светлую окраску «мессершмитты» моментами были совсем незаметны на фоне голубого неба.

Тяжело настоящему воздушному бойцу наблюдать с земли, как в небе дерутся с противником твои товарищи. Генерал Хозе сознавал, что в эти минуты над Мадридом шла борьба не только техники и искусства пилотажа. В этом бою проверялась моральная стойкость республиканских летчиков, их умение навязать свою волю противнику. Он знал многих, кто в этот момент сидел в кабинах истребителей. И верил в них.

В стороне от «телефоники» с диким ревом пронесся объятый огнем самолет. Птухин впился глазами в падающую машину. В лучах солнца сверкнула светлая полировка — это был «мессершмитт».

И тут же крутым разворотом другой «мессер» зашел в хвост выходящему из атаки И-15. «Конец парню», — мелькнуло в голове у Птухина. Но шедший слева и выше «чато» вдруг резким маневром, едва не опрокинувшись на спину, в какой-то миг оказался в хвосте у фашистского истребителя. Брызнули очереди пулеметов.» Окутавшись дымом и теряя высоту, «мессер» понесся на запад.

Все произошло так быстро и неожиданно для Птухина, что он опомнился только, когда услышал возглас испанского офицера:

— Браво,»чатос»!

Бой достиг наивысшего напряжения. Гигантская карусель, расцвеченная пулеметными трассами, крутилась в небе.

За боем наблюдали и мадридцы. Год войны научил жителей города хорошо разбираться в типах своих и фашистских самолетов. И при каждой победе республиканских летчиков улицы города оглашались ликующими возгласами.

Постепенно бой оттянулся к Каса-дель-Кампо. Противник

стал выходить из схватки. А в голубое небо тянулись жирные дымные столбы — это догорали на земле «фиаты» и «мессершмитты»…

В первые минуты боя в двигателе И-15 Михаила Петрова начало падать давление масла. Но, увлеченный схваткой, он не придал этому значения: мотор тянул хорошо. Над Королевским театром Михаил сбил «фиата».

Это был первый уничтоженный им фашистский самолет. Но сразу же два «фиата» атаковали его машину, густая паутина огненных трасс окутала «чато». Михаил рванулся в сторону. И тут мотор его истребителя остановился. Огромный город распластался внизу… Что делать?

«Нужно пикированием выходить из боя», — решил летчик. Отдав на себя ручку управления, он бросил истребитель вниз. «Фиаты» устремились за ним. Над тюрьмой Модело пули крупнокалиберных пулеметов прошили бензобак. Струя горящего бензина плеснула в кабину, на летчике вспыхнула одежда. Пламя уже охватило левое крыло. Задыхаясь в дыму, Михаил планировал к северной окраине Мадрида.

Пестрой лентой набегала земля, какие-то белые развалины маячили впереди. «Неужели конец?» Михаил машинально закрыл левой рукой глаза, которые предохраняли раскалившиеся летные очки.

Раздался удар, треск. Пылающий истребитель сел на изрытом воронками поле между позициями республиканских и фашистских войск.

К самолету бросились марокканцы. Они уже были от него в полусотне шагов, когда им навстречу со штыками наперевес устремились республиканские солдаты. На глазах теряющего сознание Петрова завязалась рукопашная схватка.

К счастью, пожар прекратился. Но у тяжело обожженного летчика уже не было сил покинуть истребитель.

И тут на крыло дымящегося «чато» вскочил кто-то, одетый в серый комбинезон. Черные длинные волосы были видны из-под берета, и Михаил понял, что это девушка-испанка. Острым ножом она ловко перерезала привязные ремни. Михаилу стало легче дышать. Ухватив его за лямки парашюта, девушка с помощью подоспевшего солдата вытащила летчика из кабины. Уложив Михаила на одеяло, они, не обращая внимания на обстрел, потащили его к своим окопам. Вслед за ними, неся на руках товарищей, раненных в рукопашной схватке, медленно стали отходить солдаты, отбросившие марокканцев.

Узнав о вынужденной посадке Петрова, техник Александр Рыцарев быстро подготовил необходимый инструмент и, торопя

механика Энрике, стал собираться в дорогу. Погрузив на «пикап» все необходимое, они выехали к Университетскому городку.

Рыцареву уже не раз приходилось вытаскивать под огнем противника подбитые самолеты. Многие из них удавалось возвратить в строй. Бывало и так, что из двух-трех разбитых и обгоревших самолетов они собирали одну боевую машину.

Близко к переднему краю подъехать им не удалось. Оставив «пикап» в глубокой лощине, Рыцарев и Энрике ползком пробрались на наблюдательный пункт командира роты, располагавшийся на чердаке полуразрушенного здания. Их встретил худощавый молодой лейтенант, совсем еще юноша.

— Целый день марокканцы не дают поднять головы. Обозлились на моих ребят, что мы утащили у них из-под носа «русо пилото», — пожаловался лейтенант.

Но в голосе его слышалась нескрываемая гордость. Он подвел их к слуховому окну и показал стоящий на нейтральной полосе накренившийся на левое крыло «чато». От линии республиканских окопов до самолета было не менее восьмидесяти метров.

— Теперь задача и самолет утащить. Не оставлять же фашистам на расстрел почти целую машину? — сказал Рыцарев.

У командира роты удивленно вскинулись брови:

— Вы шутите?

— Нет, я серьезно.

Лейтенант взял из рук ординарца принесенные им порроны[17] с вином. Передавая их Рыцареву и Энрике, спросил:

— Зачем вам обгоревший, разбитый самолет? Мне кажется, что вы все-таки шутите, камарада.

Рыцарев, пробывший уже почти год в Испании, не только хорошо говорил по-испански. Он знал и здешние обычаи, склад характера испанцев. Подняв высоко над головой поррон, Александр направил тонкую струю вина в рот. Закусив сыром, он похвалил вино. Потом заговорил опять:

— Мой лейтенант, надеюсь, с вашей помощью мы вытащим истребитель. Верьте мне — он еще полетает. Прошу выделить несколько солдат, знакомых с техникой.

Работы, с вашего разрешения, начнем с наступлением темноты.

Лейтенант понял, что этот невысокий спокойный «камарада русо» далек от шуток, но попытался еще раз удержать Александра:

— Ведь это очень опасно!

— А разве ходить в атаки, лежать под бомбами и пулями — не опасно? — улыбнулся Рыцарев. Лейтенант помолчал.

— Я сам с вами пойду, — решительно еказал он. Рыцарев запротестовал:

— Пока мы на вашем участке, ваши решения для нас закон. Но рота не может остаться без командира. Вы нам больше поможете, если будете управлять своими солдатами отсюда.

— Пожалуй, вы правы.

Когда в роте узнали, что нужны добровольцы для эвакуации подбитого самолета, все солдаты изъявили желание участвовать в этой операции. Отобрали пятерых — все они раньше работали слесарями-сборщиками мадридского метро.

Подготовили снаряжение, изучили подходы к самолету. Лейтенант отдал распоряжение о прикрытии группы огнем. Уточнили сигналы. Теперь все с нетерпением, ожидали наступления темноты…

Стихла не смолкавшая весь день перестрелка. Наступили душные сумерки. Рыцарев и его группа по узкому ходу сообщения прошли в траншею. Из окопов противника до них доносились тягучие песни марокканцев.

— Всегда, как только солнце уходит с неба, начинается концерт, — проговорил лейтенант.

Темнота постепенно сгущалась. Над передним краем время от времени шипя разрывались осветительные ракеты. Изредка раздавались очереди фашистских пулеметов. Чтобы не настораживать противника, республиканцы не отвечали. Но рота, на участке которой действовала группы Рыцарева, была приведена в боевую готовность.

Лейтенант посмотрел на светящийся циферблат часов, наклонился к Рыцареву:

— Сейчас у марокканцев по распорядку ужин. Можно начинать.

За бруствер окопа неслышно скользнул расчет ручного пулемета. Темнота поглотила солдат. Поставив на предохранитель заряженный пистолет и перекинув черезплечо брезентовую противогазную сумку, в которой лежал обмотанный тряпками инструмент, Рыцарев пожал руку командиру роты:

— До встречи, мой лейтенант.

Командир роты молча похлопал его по плечу. Рядом клацнул замок стоявшего на бруствере «максима». Вдавливаясь в теплую, прогревшуюся за день землю, Рыцарев пополз к истребителю. Вслед за ним траншею покинули Энрике и пятеро их помощников.

«Чато» стоял мотором в сторону окопов противника. На металлическом винте отражались лунные блики. Резко пахло бензином и горелым металлом.

— Может быть, накинем на винт брезент? — предложил Энрике, когда они подползли к самолету.

— Пускай остается все как есть, — ответил Александр.

Он не сомневался, что противник тоже ведет наблюдение за самолетом.

Осторожно забрался Рыцарев в кабину. Разрезав ножом перкалевую ленту, закрывающую стык между центропланом и верхним левым крылом, нащупал в образовавшейся щели ребристые гайки болтов крепления. Захватив гайку ключом, он быстро стал отвинчивать ее. Энрике делал то же внизу.

Прямо перед самолетом ослепительно вспыхнула ракета. Рыцарев невольно закрыл глаза. И тут гаечный ключ вырвался у него из рук и, с грохотом ударившись о капот мотора, шлепнулся на землю.

Затаив дыхание, Рыцарев прижался к крылу. «Все пропало!» Едва догорела ракета, как темноту разорвали пулеметные очереди. Вновь взвилось несколько ракета. А потом в небе послышалось гудение шедшего к Мадриду «юнкерса». Пройдя над Мансанаресом, бомбардировщик приглушил моторы. Через минуту в районе водохранилища взметнулись зарницы взрывов. «Юнкерс» прошел обратно. Все стихло. И тут, к своему удивлению! Рыцарев услышал заунывное пение марокканцев. Торопясь, сбивая в темноте о металл руки, он, одну за другой, свернул гайки.

Энрике дал знать, что он тоже готов. К Рыцареву поднялся один из солдат. Продев под крыло веревку, они вытащили плоскость из пазов и опустили ее на землю. Потом сняли нижнее крыло.

Бесшумно ступая по усыпанной осколками земле, Энрике и солдаты понесли крылья к лощине, где стоял «пикап«. Впереди истребителя остался только расчет ручного пулемета, прикрывавший работу группы.

Минуты, пока возвратились механик и бойцы, показались Рыцареву вечностью. Наконец внизу послышался осторожный шорох, и он услышал шепот Энрике:

— Камарада Александре! Все в порядке…

Сняли правые крылья. Но когда они опустили их на юмлю и взмокший от напряжения Рыцарев облегченно вздохнул, в окопах противника послышались отрывистые команды. Марокканцы прекратили пение. Разбрызгивая яркие искры, в воздухе вспыхнули ракеты. Шквал ружейно-пулеметного огня разорвал темноту.

В течение десяти минут над нейтральной полосой бушевал огонь. Стрельба оборвалась внезапно, как и началась. Потухли

ракеты. С Мансанареса потянуло прохладой.

«Все ли целы?» — спускаясь на землю, с беспокойством думал Рыцарев. К счастью, все были невредимы.

Когда солдаты, относившие крылья самолета, вернулись обратно, один из них вручил Рыцареву и Энрике но бутылке вина и куску холодного мяса.

— Тененте[18] прислал. Подкрепитесь, камарадас.

— А вы?

— Не беспокойтесь, мы уже поели.

— А пулеметчики?

— И их не обидим, — солдат хлопнул себя по туго набитому карману комбинезона.

Подкрепившись, Рыцарев и Энрике объяснили своим помощникам план дальнейших действий. Предстояло бесшумно откатить «чато» к переднему краю.

Приподняв хвост истребителя, они подсунули под него заранее подготовленную дубовую доску в форме лыжи с вбитыми в нее металлическими скобами. Крепко связав хвост с доской, все взялись за свободный конец веревки. И-15 словно нехотя тронулся с места.

Тащить в темноте истребитель было очень тяжело. Колеса то и дело застревали в воронках. До республиканской траншеи оставалось не более двадцати метров, когда над всей линией обороны противника взвились осветительные ракеты. Началась стрельба. Теперь, как понял Рыцарев, все пули предназначались его группе.

Рядом с ним, оступившись, охнул солдат:

— Ранен?

Испанец в ответ только заскрипел зубами. Все ближе спасительная траншея, через которую заранее был перекинут деревянный настил. Молча упал идущий впереди боец. Его подхватил Энрике. Траншея была уже рядом.

— Давай! — по-русски крикнул Александр. Испанцы его поняли. Рывок — и колеса истребителя проскочили по настилу. Еще несколько шагов — и самолет мягко скатился в лощину. И тут же все, кто тащил «чато», в изнеможении повалились на землю. Они молча смотрели в усыпанное звездами небо. А над передним краем продолжал бушевать огонь.

Ночью над Сото пронеслась гроза. Собравшиеся на рассвете у самолетов летчики с удовольствием вдыхали прохладный, свежий воздух. В омытых дождем истребителях отражались розовые блики зари. Синее прохладное небо было безоблачно.

На стоянке Еременко, к своему удивлению, увидел самолет Михаила Петрова. У машины возились Рыцарев, Энрике и

несколько ремонтников.

— Через три дня уйдет в воздух! — ответил на молчаливый вопрос командира эскадрильи Рыцарев.

— А Миша в госпитале, обгорел сильно, — вздохнул Еременко. — Отдыхать-то когда будете?

— День большой, отдохнем!

Рыцарев не удивлялся, тому, что командир не благе дарит их, не выражает восхищения их поступком. Он знал: здесь каждый делает, что может. И они сегодня ночью сделали только то, что могли и должны были сделать.

Собрав летчиков, Еременко коротко сказал:

— Задача прежняя. Идем на прикрытие Мадрида! Не забывайте о вчерашних «гостях», будьте внимательны. Учтите: с нами в полет идет генерал Хозе. По машинам!

В небе послышался звенящий гул мотора. К Сото на бреющем полете подходил И-16. Приблизившись, истребитель стремительно ушел вверх и ювелирно выполнил восходящую «бочку». Это был Птухин. Его прибытие было сигналом для взлета И-15. Эскадрилья поднялась в воздух и легла на курс к Мадриду.

К городу подошли на высоте двух километров. Летя над улицей Принцессы, они приближались к шестнадцатиэтажной «телефонике», откуда должны были повернуть на запад. На площадке в этот час находился Филипп Агальцов. В момент разворота Птухин качнул крыльями истребителя, приветствуя друга. Теперь истребители летели над улицей Майор. Впереди вырисовывалось величественное здание собора Альмудена.

В воздухе пока было спокойно. Слегка склонив голо-ну к левому борту, Птухин рассматривал улицы Мадрида.

«Чатос» находились между парками дель-Моро и дель-Кампо, когда снизу, от Королевского моста, маскируясь фоном местности, к ним рванулась шестерка Ме-109. Но летчики были начеку.

Серов дал заградительную очередь. Якушин и Короуз сразу атаковали левое звено фашистов. Вслед за ними в атаку устремились Рыбкин и его ведомые Божко Петрович и Том Добиаш.

Птухин, Еременко, Кузнецов и звено Владимира Сорокина, летевшие выше, в бой пока не вступали. Они ждали нападения сверху и не ошиблись в своих предположениях. Со стороны солнца мелькнули вытянутые силуэты второй группы «мессеров».

Резко задрав вверх нос истребителя, Птухин полоснул пулеметными очередями по мотору Ме-109. Фашист ловко ушел из-под трасс и положил машину в вираж. Птухин устремился за ним. На вираже он догнать своего противника не смог. Правда, и

«мессер» от И-16 тоже не оторвался. Резким переворотом через крыло фашистский летчик ввел самолет в пикирование. Птухин повторил маневр «мессера». Над площадью Майор И-16 догнал фашистскую машину, Птухин нажал гашетки. «Мессер» рванулся вверх. В лучах солнца блеснули полированные крылья и наглухо закрытая плексигласовым фонарем кабина пилота. Генерал Хозе еще раз надавил гашетку общего огня. Пулеметные трассы зацепили хвостовое оперение «мессера». И тут на пути фашиста оказался «чато» Божко Петровича. Югослав успел первым открыть огонь. «Мессершмитт» опрокинулся на крыло и рухнул вниз. Набрав высоту, Птухин пристроился к Ивану Еременко. Бой продолжался…

Появление над Мадридом нового фашистского истребителя, обладавшего высокой скоростью, заставило штаб истребительной авиации и всех республиканских летчиков серьезно задуматься об изменении тактики и некоторых приемов воздушного боя. Птухин внимательно выслушал пилотов эскадрилий Еременко, Минаева и Лакеева, участвовавших в первых боях с «мессерами». Вывод был сделан такой: «мессершмитт», конечно, опаснее «Хейнкеля-51» и «фиата», но драться с ним можно…

К исходу дня 9 июля 1937 года республиканские войска овладели Пералес-де-Милья.

В этот день в Сантандере от ран и ожогов, полученных в бою над Бискайским заливом, скончался командир эскадрильи «чатос» капитан Бакедано. Командование эскадрильей принял Леопольд Моркиляс…

Над Брунетским выступом

К исходу дня 12 июля десятка И-15 пошла на сопровождение Р-зетов, бомбивших скопление марокканской конницы южнее Мадрида. На Сото в ожидании сигнала на вылет осталось звено Леонида Рыбкина.

Не успели скрыться из виду взлетевшие «чатос», как на стоянку подкатил мотоциклист. К Божко Петровичу приехал двоюродный брат.

Леонид хорошо помнил первое появление «Петровича в квадрате», как окрестили летчики Добре Петровича. Тогда тоже к стоянке истребителей лихо подкатил мотоцикл с коляской. С седла «харлея» поднялся могучий двухметровый гигант. Его появление вызвало целый переполох на Сото. К самолету Божко сбежалась вся эскадрилья. Смущенный общим вниманием, застенчиво улыбаясь, югослав осторожно пожимал руки друзьям брата. Даже Анатолий Серов, выделявшийся среди товарищей могучим сложением, рядом с Добре сильно проигрывал.

Когда летчики привели гостя ужинать, интендант майор Альфонсо восхищенно воскликнул:

— Святая Мария! Я подам в интендантство заявку на дополнительное питание для вас.

Узнав, что Добре Петрович не летчик, майор огорчился. Но до тех пор, пока гость не съел и не выпил все, принесла ему официантка Сильвия, Альфонсо не отходил от их стола.

Еременко хотел тогда освободить Божко от полетов, но, к общему удивлению, тот запротестовал:

— Я прошу, командир, не делать мне скидки. Брата отпустили на сутки. Нам с избытком хватит времени, чтобы побыть вместе.

Божко Петрович, летавший в звене Рыбкина, был одним из первых летчиков-добровольцев в Испании.

Раньше Божко учился в Белградском университете, мечтал посвятить себя науке. Любил спорт, летал на планерах и самолетах разных типов. Способный летчик, он несколько месяцев после прибытия в Испанию летал на «Бреге-19». Когда Советский Союз прислал Испанской Республике скоростные бомбардировщики СБ, Божко перешел на «катюши». Но больше всего его привлекали истребители. Сиснерос, командующий республиканской авиацией, удовлетворил просьбу югослава. В Эль-Кармоли Петрович под руководством советских летчиков-

добровольцев изучил и быстро освоил И-15…

Удобно устроившись в тени под крылом самолета, Рыбкин, оба югослава, испанец Луис Сардино — правый ведомый Рыбкина — и механик Балерис вели оживленный разговор. Вернее, говорили испанцы и оба Петровича, уже научившиеся хорошо понимать их. Рыбкин, который знал всего только с десяток испанских слов, но понимал югославов, старался следить за ходом беседы.

Сардино, узнав, что Добре Петрович из 11-й интернациональной бригады, которая действует в его родных местах, между Брунете и Кихорной, засыпал югослава вопросами. Тот обстоятельно рассказывал о боях, о прорыве танкового батальона республиканцев к реке Пералес. Слушая Добре, Сардино от удовольствия пощелкивал языком.

По просьбе Сардино Добре достал из бумажника и показал им фотографию своей семьи. Летчики увидели красивую, с гордым выражением лица женщину и одетую в матросский костюмчик девочку, державшую на руках мохнатого пуделя. Луис был восхищен:

— На твою жену, как на мадонну, следует молиться. Поверь мне, мы, испанцы, понимаем толк в женской красоте.

Добре покраснел от удовольствия.

Над аэродромом взметнулись три желтые ракеты — сигнал к поиску противника севернее Мадрида. Летчики бросились по машинам…

Подходя к Фуэнкарралю, Рыбкин увидел перечеркнувший небо белый пушистый след инверсии. Разведчик? Видно, то же заметил и Божко Петрович, потому что он поднял над кабиной истребителя руку. «Вижу», — кивнул головой Рыбкин. Только Луис Сардино пока не проявлял никаких признаков беспокойства. Молодой, темпераментный испанец совсем недавно заменил в звене Леонида тяжело раненного Хозе Редонта. Луису не терпелось быстрее сразиться с фашистами. Но его не сразу пустили в небо войны. Несколько дней Рыбкин до изнеможения тренировал испанца в боевом пилотаже над Сото. Затем комэск проверил его в учебном воздушном бою и наконец дал «добро»…

Истребители продолжали набирать высоту. Стрелки высотомеров показывали более пяти тысяч метров. Легко одетые летчики начали мерзнуть. Они настигли фашистский разведчик уже над самым Фуэнкарралем. С удивлением Рыбкин заметил, что самолет этот совершенно незнакомой конструкции; ему еще не доводилось встречать подобную машину.

В направлении гор Сьерра-де-Гвадаррама летел новейший немецкий бомбардировщик «Хейнкель-111». В Испании фашисты

использовали его и как дальний разведчик. Обладающий большой высотностью и защищенный несколькими пулеметными постами, самолет был трудноуязвим. Но в тот момент, когда республиканские летчики перехватили разведчика, ни Рыбкин, ни его ведомые Божко Петрович и Луис Сардино этого не знали. Не знали они и того, что эскадрилья Ивана Лакеева недалеко отсюда атаковала свыше сорока фашистских истребителей «фиат» и Хе-51. Под их прикрытие и пытался прорваться воздушный разведчик.

На атаку трех И-15 «хейнкель» ответил шквалом пулеметного огня. Боевой разворот. Истребители попытались взять фашистскую машину в клещи. Атака. Но в «хейнкеле» сидели не простаки. Резко маневрируя и отстреливаясь, он стал уходить на северо-запад.

После нескольких безуспешных атак Рыбкин почувствовал боль в висках: давала себя знать высота. «Тут целая крепость летит. Нужно уничтожить верхнего стрелка. Затем с близкой дистанции ударить по моторам», — решил Леонид.

«Чатос» вновь ринулись в атаку. Впереди нарастали горы. В перекрестие прицела самолета Рыбкина легло хвостовое оперение и кабина верхнего стрелка. Леонид нажал гашетки. Слева ударил Божко Петрович. Разведчик вспыхнул.

Выходя из атаки, Рыбкин на какое-то время потерял из виду Сардино. Неужели сбит? Резко развернув истребители, они с Божко вновь устремились к противнику. И тут Рыбкин увидел испанца: пристроившись вплотную к горящему разведчику, Луис сек его пулеметным огнем.

Подойдя слева, Рыбкин и Петрович несколькими очередями добили «хейнкеля». Волоча за собой мохнатый. хвост дыма, объятый пламенем самолет устремился к гранитным скалам Сьерра-де-Гвадаррама. Луис, стреляя, помчался за ним. Охваченный азартом, он не замечал сигналы Рыбкина. «Если разведчик взорвется в воздухе, Луису несдобровать», — заволновался Леонид. Наконец у «хейнкеля» начали разрушаться рули высоты. Только тогда Сардино отошел в сторону.

Звено легло на курс к Сото. «Наши, наверное, уже псрнулись», — устало подумал Рыбкин. Он отдал ручку управления от себя и повел звено на снижение. И в этот момент с запада появились два самолета. Повисшее над горами солнце било в глаза, и летчики не смогли рассмотреть тип и принадлежность приближавшихся машин. Только когда огненные трассы протянулись к И-15, стало ясно, что перед ними противник.

Бой завязался почти над самой землей. После нескольких

атак самолету Петровича перебили расчалку правого крыла и срезали ветровой козырек. Божко вынужден был выйти из боя. Но и «фиаты» стали уходить. Рыбкин с облегчением вздохнул: горючее и боеприпасы были на исходе. Он дал сигнал Сардино пристроиться. Но тот как с цепи сорвался. Прижав истребитель к земле, испанец устремился вдогонку за фашистами. Рыбкина бросило в жар. Он развернул свой самолет и погнался за Луисом в надежде вернуть его.

Проскочив линию фронта, фашисты, видимо, почувствовали себя в безопасности и ослабили внимание. Тут их и нагнал Сардино. Он влепил очередь в идущий сзади истребитель. Пылающим костром тот рухнул на землю. Ликующий Луис проскочил мимо Рыбкина и, петляя над землей, понесся к Сото. Догнать его Леониду удалось только уже возле своего аэродрома.

Зарулив самолет на стоянку, Сардино выскочил из кабины. Сорвав с головы шлем, он так трахнул его о землю, что стекла летных очков разлетелись на мелкие куски.

— Виктория! Победа! — радостно закричал он, не замечая удивленных взглядов товарищей.

— Что случилось, Луис? — спросил Серов. Вместо ответа испанец бросился к Анатолию и стал его целовать. Затем заключил в объятия Петровича.

— Виктория! Виктория!

Подрулил только что приземлившийся Рыбкин. По его недовольному лицу Еременко догадался, что в воздухе что-то произошло. Увидев валявшийся на земле шлем и осколки от летных очков, Рыбкин молча направился к своему самолету. Взяв в бортовом брезентовом кармане французские светофильтровые очки, предмет зависти друзей, он протянул их Луису. Обрадованный Сардино стал благодарить своего командира. Но Леонид проговорил строго:

— Если ты еще раз попробуешь вести себя в бою так неосмотрительно, то я своими собственными руками оторву тебе голову.

Услышав это, летчики громко рассмеялись. Дело в том, что привести свою угрозу в исполнение невысокому Леониду было бы не так-то просто. Ему пришлось бы притащить стремянку, чтобы достать до буйной головы своего ведомого.

Еременко, выслушав доклад Рыбкина, в свою очередь возмутился:

— Подумать только! Проходу мне не давал, все в бой рвался, а пустили в воздух — вон что откаблучивает.

Командир эскадрильи еще долго отчитывал Сардино. От веселья Луиса не осталось и следа.

— Отстраню от полетов! — под конец пригрозил ком-эск. Но, увидев огорчение Луиса, смягчился: — Ладно. На первый раз простим тебя. Летай. Но запомни: в воздухе необходима строжайшая дисциплина. Понял?

Когда Сардино ушел, Рыбкин, улыбаясь, сказал Еременко:

— Храбрый парень! Впился в фашистского разведчика — не оторвешь. А потом эти «фиаты»… Я так за него переволновался. Ведь в два счета сшибить могли!

Еременко взъерошил на голове Леонида белые, как лен, волосы:

— Ты вот что — ему пока такие комплименты не говори. Не то он в следующий раз фашисту на спину залезет. Учить его еще следует…

Брунетский выступ продолжал оставаться центром притяжения противоборствующих сторон.

К исходу дня в районах Вильянфранка, Романильос, Боадилья с новой силой разгорелись ожесточенные бои. Противник ввел в действие крупные силы бомбардировщиков. Он пытался сорвать атаки республиканцев, которые стремились прорваться к тыловым коммуникациям фашистских войск, стоявших у стен Мадрида еще с осени 1936 года.

Смеркалось. Эскадрилья Еременко была приведена в готовность номер один. Заботливый майор Альфонсо вместе с официантками Терезой и Сильвией объезжал стоянки, чтобы покормить ужином летчиков, безотлучно находившихся в кабинах истребителей.

И вот над Сото вспыхнули и рассыпались зеленые ракеты. Не успели они догореть, как один за другим взревели моторы. Вторая серия ракет — и истребители пошли на взлет. Эскадрилья легла на курс к высотам Москито и Романильос.

Фашисты не ожидали появления республиканских истребителей в такое позднее время. Эскадрилья подошла к горящей Боадилье, когда солнце уже наполовину скрылось за отрогами гор. Внизу, где вместе с испанскими частями наступали 13-я и 15-я интернациональные бригады, бушевало море огня. Горели оливковые рощи и посевы пшеницы, горела земля. Дым застилал горизонт. Даже на полуторакилометровой высоте летчики ощущали запах гари.

С запада, освещенные лучами заходящего солнца, группами наплывали фашистские бомбардировщики. Они с ходу вываливали свой груз на дорогу Брунете — Боадилья и на боевые порядки республиканцев.

Над высотами Москито и Романильос «чатос» атаковали противника. Еременко со своими ведомыми Кузнецовым и

Карповым и звено Рыбкина связали боем истребители прикрытия. Звенья Серова и Сорокина ударили по бомбардировщикам.

В начале боя от Еременко отсекли Ивана Карпова. Рядом держался только Виктор Кузнецов. За время совместныхполетов они хорошо научились понимать друг друга. И когда перед ними оказались шесть «фиатов», командир эскадрильи смело пошел вперед, зная, что Виктор его прикроет сзади.

Фашисты разделились. Два «фиата» нырнули вниз, а четыре других устремились вверх. «Чатос» ринулись вслед за четверкой. Один из фашистов был сразу прошит очередями Виктора Кузнецова. Другой кинулся под защиту пулеметов своих бомбардировщиков и истребителей, разворачивавшихся на запад. Еременко устремился за ним. На огромной скорости, почти в отвесном пике, они неслись к земле. Центробежная сила вдавила Еременко в сиденье. Ручка управления забилась в ладони.

Проскочив строй «юнкерсов», отбивавшихся от республиканцев, «фиат» начал выходить на вертикаль. Но трассы И-15 преградили ему путь. Фашистский летчик вновь бросился вниз. «Опытный черт, вон как пилотирует», — мелькнуло в голове у Еременко. Порядком уставший за день комэск сосредоточил все внимание на «фиате» и зубчатых высотах, к которым приближались их самолеты. В прицел легли распростертые крылья фашистской машины. Еременко нажал гашетки. Пулеметные очереди распороли «фиата». Выбросив в воздух огненный хвост, он пошел к земле. В этот момент по выходящему из пике истребителю комэска, как горох, застучали пули: другой самолет противника зашел ему в хвост. Еременко рванул рули вправо. Он успел заметить пронесшийся мимо пылающий вражеский истребитель, за, которым шел, стреляя в упор, «чато» Божко Петровича. «Спасибо, друг. Выручил!»

В следующее мгновение на глазах комэска произошло непоправимое…

«Фиат», которого он преследовал, врезался в высоту Москито. Вслед за ним разбился атакованный Петровичем фашистский истребитель. Югослав над самой землей успел вырвать свою машину из пикирования. «Чато» свечой устремился вверх. Неожиданно верхние крылья истребителя сложились, затем стали отрываться от фюзеляжа. Опрокинувшись набок, «чато» рухнул вниз.

Еременко кинул истребитель к скалам. В узкой лощине, где упал самолет Петровича, он увидел багряные языки пламени и волны бурого дыма…

Над Сото темнело. Механики с тревогой вглядывались и горизонт. Еще ни один из ушедших в бой двенадцати

истребителей не возвратился.

Наконец сели три И-15. Вслед за ними подошли еще четыре машины. Последними прилетели Еременко, Серов, Рыбкин и Баумлер. Только Петровича все не было.

— Где же Божко? — бросился к летчикам ожидавший возвращения брата Добре.

— Пронто, пронто! Скоро, скоро! — с нетерпением вглядываясь в небо, ответил за всех Луис Сардино.

Подрулил истребитель Рыбкина. Он сразу увидел пустующую стоянку своего ведомого.

— Божко не прилетел?

Никто ему не ответил. Медленно направился Леонид к стоявшему с Серовым Еременко.

— Божко нет?

Командир эскадрильи покачал головой. Увидев на стоянке Добре, он не нашел в себе силы сразу рассказать о трагедии, разыгравшейся на его глазах.

Рыбкин попытался успокоить взволнованного Добре.

— Мы вели тяжелый бой, — объяснял он югославу. — Божко мог задержаться. Подождем…

Когда над Сото зажглись первые звезды, летчики, с надеждой ожидавшие возвращения Божко, нехотя разошлись.

На стоянке остались механик Петровича испанец Руис, Добре и Рыбкин. Молча сидели они на пахнувшем маслом и бензином моторном чехле, прислушиваясь к ночным звукам.

Тихо подошел к ним Еременко, опустился на брезент рядом с Добре:

— Не нужно ждать. Он не вернется.

— Не может быть!

— Все произошло на моих глазах. Спасая меня, Божко вогнал в гору «фиата». Но его изношенная машина на выходе из пикирования не выдержала перегрузки и разрушилась.

— Где это произошло, командир?

— Над высотой Москито. Там сейчас фашисты.

— Не может быть… Не верю.

— Это правда, Добре. Мужайся. Для всех нас гибель Божко — тяжелая утрата. Мы его не забудем…

Над Сото сгущалась темнота, с гор потянуло прохладой. Они молча поднялись и пошли со стоянки.

В штабе эскадрильи Еременко узнал еще одну тяжелую весть: в воздушном бою над Эль-Эскориалом, в котором против шестидесяти истребителей противника дрались тридцать шесть И-16, погиб храбрый комэск Александр Минаев.

В эту ночь от причала Ленинградского порта отошел

теплоход «Кооперация», на борту которого находилась большая группа советских летчиков-добровольцев. Среди них были Евгений Степанов и его друзья по бригаде. Пройдя Морской канал, теплоход вышел в Финский залив. Путь его лежал к берегам Франции.

А из Сантандера на Родину уехали Ляля Константиновская и Валентин Ухов. Командование эскадрильей «москас» Северного фронта принял Иван Евсевьев.

Патруль уходит в ночь

Поздно ночью Сиснероса, Птухина и Агальцова пригласил к себе начальник генерального штаба республиканской армии полковник Висенте Рохо. Полковник выглядел усталым и озабоченным: на его плечи легло планирование и проведение Брунетской операции. Поздоровавшись, он сразу приступил к делу.

— Население Мадрида и войска устали от беспрерывных бомбардировок по ночам. Возможно ли в ближайшие двое суток организовать прикрытие Мадрида и линии фронта ночными истребителями?

С самого своего приезда в Испанию командир истребительной авиагруппы Птухин вместе с комиссаром Агальцовым и начальником штаба группы Павлом Котовым занимались организацией противоборства ночным бомбардировщикам противника. Но это было непросто. Большинство летчиков-испанцев не было обучено ведению воздушного боя в темноте. Значительный перерыв в полетах ночью имели и советские добровольцы. Немало обнаружилось и других трудностей. Не было прожекторов. Аэродромы не имели ночных стартов, а их взлетно-посадочные полосы были недостаточных размеров. Неустойчиво работала связь с постами ВНОС.

И все же командование авиагруппы решило организовать ночное патрулирование истребителей.

К началу Брунетской операции в эскадрилье Еременко сформировали отряд ночников, который возглавил Виктор Кузнецов. На первых порах в него вошли Анатолий Серов, Леонид Рыбкин, Михаил Якушин и Владимир Сорокин — летчики, имевшие на Родине значительный опыт ночных полетов.

Облетав все аэродромы в зоне Мадрида, Птухин остановил выбор на самом крупном — Алькала-де-Энарес. Организация ночного старта была поручена Кутюрье и инженеру авиагруппы Василию Новаку. Им удалось раздобыть прожектор с полузатонувшего военного судна. На всякий непредвиденный случай для подсветки взлетно-посадочной полосы решили использовать автомобильные фары.

Надо было спешить. После начала Брунетской операции противник, сняв с севера части легиона «Кондор», ввел их в сражение на Центральном фронте. С наступлением темноты

тяжелые «Юнкерс-52» непрерывно висели над Мадридом и боевыми порядками Центрального фронта.

Зная, что Рохо в курсе подготовительной работы, Птухин сжато информировал его о ходе дела.

Выйдя из-за стола, полковник медленно прошелся по кабинету.

— Настало время принимать решительные меры! Прошу передать летчикам нашу просьбу как можно скорее начать патрульные полеты. Просьбу, а не приказ, — подчеркнул он.

Закурив сигарету, Рохо подошел к Евгению Саввичу и опустился в стоявшее рядом глубокое кресло.

— Мы понимаем, как вам трудно, мой генерал. Но время не ждет. Послушайте, что говорят пленные фашистские летчики, среди которых немало знакомых Игнасио.

— Бывших знакомых, — уточнил Сиснерос. — Они в один голос утверждают, что массированное применение ночных бомбардировщиков заставит нас поднять руки. Иными словами, фашисты надеются заставить жителей Мадрида покинуть город. Ссылаются на опыт Северного фронта.

Птухин пожал плечами:

— Север не может служить эталоном. Против тридцатиреспубликанских самолётов там действует около пятисот фашистских. А то, что они говорят, — знакомая песня. Все это идет еще от итальянского генерала Дуэ — родоначальника доктрины, утверждающей, что с помощью одних бомбовозов можно выиграть войну.

— Но Дуэ свои теории черпал не из пустого ведра, — возразил Рохо.

— Конечно, — вступил в разговор Агальцов, — как известно, немцы в первую мировую войну тоже бомбили ночью города Англии и Франции. Если мне память не изменяет, то только в Лондоне погибло тысяча четыреста человек, в Париже — двести семьдесят. По тому времени это были невиданные масштабы бомбардировок. Дуэ рассудил, что если немцы полсотней бомбовозов и несколькими «цеппелинами» нагнали страх на англичан и французов, то уж с помощью тысяч бомбардировщиков можно поставить на колени целые государства. Ну а фашисты — как в Италии, так и в Германии — ухватились за его доктрину…

— Осенью тридцать шестого года они пытались подобный эксперимент провести и с Мадридом. Мы свидетели этому, — кивнул головой Сиснерос.

— Но ведь не получилось! — воскликнул Агальцов. — Ведь не покинули мадридцы свой город!

— Мы сделаем все, что от нас зависит. Первый патруль уйдет в небо в ночь на четырнадцатое, — медленно проговорил Птухин. — Кстати, позволю себе тоже обратиться к истории. В восемнадцатом году, оправившись от страха и паники, англичане в одну из ночей истребителями и зенитной артиллерией уничтожили в районе Лондона девять немецких бомбовозов «гота». Затем немцев стали сбивать и над Францией. Все дело в организации. Не обижайтесь, коронель, но, к сожалению, организация пока у нас хромает… Кстати, сегодня фашисты почему-то не бомбят.

— Над горами Сьерра-де-Гвадаррама второй час идет ливень, — улыбнулся Сиснерос.

— Итак, в ночь на четырнадцатое патруль уйдет в воздух. Я могу сообщить министру? — поднялся Рохо.

— Да. Но прошу, чтобы об этом знал самый ограниченный круг лиц.

— Пожелание генерала Хозе надо учесть, — Рохо повернулся к Сиснеросу.

Тот согласно кивнул головой…

Ночью 14 июля над аэродромом Алькала-де-Энарес писели крупные звезды и звенящая тишина. В лунном свете угадывались неясные очертания гор.

Пятеро летчиков молча стояли у самолета. Через несколько минут патруль уйдет в ночь. Не только в ночь, но и в неизвестность. Двое — Серов и Кузнецов — уйдут к Мадриду, а Рыбкин, Якушин и Сорокин займут готовность номер один.

— Время, — нарушил молчание Серов.

— Время, — ответил Кузнецов.

— К запуску!

За год войны в Испании первый ночной патруль республиканских истребителей уходил на поиск воздушного противника. Позади остались тревожные дни подготовки к ночному вылету. Тяжелый день 13 июля, в конце которого в бою над Брунете эскадрилья потеряла Баумлера Сардино…

Набирая высоту, «чатос» развернулись на запад. Курс — Мадрид.

Прошел час томительного ожидания. Кузнецов и Серов не возвращались. Выпустив в воздух Рыбкина, Якушина и Сорокина, инженер Новак на мотоцикле подъехал к прожекторной установке. Вблизи прожектора на плажной траве сидел Кутюрье. Они не успели обменяться и двумя словами, как раздался голос дежурившего сержанта-испанца:

— Арельсьен! Внимание!

Со стороны Мадрида подходил самолет.

— Один? — вслушиваясь в гул мотора, тревожно проговорил Новак.

— По местам! — приказал Кутюрье.

— Я к себе, — запуская мотор мотоцикла, заторопился Новак.

Над аэродромом вспыхнули и погасли бортовые огни самолета.

— Включай!

Голубая дорожка легла на землю. Кутюрье слышал только треск сгоравших внутри прожектора углей и легкое урчание мотора подходившего к земле истребителя. И вдруг в эти звуки ворвался леденящий душу вой бомб. Мощные взрывы потрясли аэродромом.

— Гаси! — что есть силы крикнул Кутюрье.

Наступила непроницаемая темнота.

Вновь раздались взрывы. Отблеск пламени осветилнакренившийся «чато». Кутюрье бросился к потерпевшему аварию истребителю, но не успел пробежать и десятка шагов, как яркий сноп вновь лег на посадочную полосу. «Сержант с ума сошел, наверное!» Взрывная волна швырнула Кутюрье вверх, и с силой ударила о землю.

Серов медленно приходил в себя. На разбитых губа ощущался солоноватый вкус крови. Тяжелая, словно налитая свинцом голова кружилась. Постепенно сознание возвращалось к нему, и припоминалось только что пережитое.

Пробыв свыше часа в зоне Мадрида и не встретив противника, Анатолий неохотно возвращался на Алькалу. Дав сигнал «Я — свой самолет», пошел на посадку. Колеса истребителя вот-вот должны были коснуться земли, когда внизу начали рваться бомбы. Видно, вражеский бомбовоз на приглушенных моторах подкрался к аэродрому следом за истребителем.

Ослепленный вспышками разрывов, Анатолий едва удержал машину. Надо было уходить на второй круг. И тут случилась новая беда: захлебнувшись, остановился двигатель. Коснувшись земли, истребитель колесами влетел в воронку и завалился на нос. Ударившись лицом о доску приборов, летчик потерял сознание.

Постепенно мысли Анатолия прояснились. Он понял что все происшедшее с ним не кошмарный сон. От обиды и боли он глухо застонал.

— Жив? — раздался рядом незнакомый голос.

— Ты кто?

— Вылезешь — узнаешь, — расстегивая замок его привязных ремней; ответил незнакомец.

Ухватившись за края бортов, Анатолий попытался подняться, но сил не было.

— Вот беда. Дай-ка я тебя от парашюта освобожу. Кое-как с помощью незнакомца Серов вылез из кабины истребителя.

— Ну как?

— Пустяки. Вот с самолетом хуже, — вздохнул Анатолий.

— Не горюй. Лиха беда начало…

— А тебе откуда известно, что начало? — насторожился Серов.

Незнакомец засмеялся:

— Мы ведь тоже ночники. Разыскал нас комиссар Агальцов. Направили на Сото. Но сегодня застряли на Алькале. Так что вместе будем «юнкерсов» ловить!

— Невеселая это ловля, — угрюмо пробормотал Серов.

У него вновь закружилась голова, и он прислонился h фюзеляжу истребителя.

— Пойдем, рядом метеостанция. Там тебя перевяжут. Тронулись?

Они пересекли взлетно-посадочную полосу. Анатолий по-прежнему с недоверием смотрел на своего попутчика.

— Кто ты все же будешь?

— Я? Антонио.

— Это еще ни о чем не говорит.

— Объяснил я тебе, что мы на Алькале застряли. Вот беда!

— Кто это — мы?

— Николай Соболев, Григорий Мастеров, ну и я. Вообще-то, меня зовут Евгений. Евгений Антонов с московского «Серпа и молота». Но в Испании все кличут Антонио.

— Как же ты, Антонио, у моего истребителя оказался?

— Не спалось мне. Думаю, схожу к вам на стоянку. А тут черт принес «юнкерса», чтоб ему пусто было. Гляжу, твой истребитель на попа стал. Какой-то идиот снова включил прожектор. Бомбовоз как резанет из пулеметов. Что делать? Бросился к твоей машине. А он, проклятый, все стреляет и бомбы сыплет. Прожектор разбил. Всех, кто к тебе бежал, разогнал.

— Вот, оказывается, какая тут катавасия была, — вздохнул Анатолий.

Они подошли к огороженному сетчатым забором зданию метеостанции.

В эту ночь на метеорологической станции дежурила переводчица штаба авиации Аделина[19]. Поглощенная приемом сводки погоды из Барселоны, девушка не обращала особого внимания на ставшие привычными разрывыбомб и пулеметную стрельбу. Она заканчивала разговор, когда в дверь громко

застучали.

— Ун моменте! Подождите! — крикнула она. Однако стук продолжался. В сердцах бросив на рычаг трубку, Аделина откинула крючок. Из темноты, сжимая обеими руками голову, шагнул одетый во все кожаное широкоплечий летчик и опустился на стул. Второй — высокий, худощавый, рыжеватый — остановился у двери. Изумленная Аделина молча смотрела на ночных пришельцев. Молчание нарушил тот, который стоял у порога.

— Сеньорита! Нет ли у вас бинтика или, на худой конец, полотенца? Камарада нечаянно опрокинулся буквально рядом с вашей избушкой. Думаю, что ему повезло, — многозначительно заключил он.

Смерив Антонова возмущенным взглядом, Аделина сердито отрезала:

— Место, где опрокидываться, вы могли бы выбрать и в другой стороне.

«Да она, кажется, нас за пьяных принимает», — догадался Антонов.

— Сеньорита, ведь его самолет опрокинулся! Давайте бинт или какую-нибудь тряпку — не видите, что человеку худо?!

Тут только Аделина заметила проступившую между пальцами Анатолия кровь. Она проворно открыла висевшую над столом аптечку. Обработала йодом рану, обрезала ножницами содранную кожу на лбу и, крепко перебинтовав голову, участливо спросила:

— Болит?

— Гудит, — поморщился Серов. Едва летчики вышли из здания метеостанции, на низ налетели Кутюрье и комендант аэродрома.

— Наконец нашелся! Мы весь аэродром обегал! У истребителя валяется парашют, а тебя нет.

— Виктор сел?

— Не знаю. Я тебя искал. Видел, как Новак кому-то светил. Наверное, ему. С запада к Алькале подходил еще один самолет. На посадочной полосе расплылись световые дорожки — это вспыхнули автомобильные фары. Истребитель прошел над центром летного поля и приглушил мотор. И вдруг яркие трассы пулеметных очередей разорвали воздух.

— В кого он стреляет?

Не видимый в темноте «чато» еще раз пронесся над Алькалой, ведя огонь из пулеметов.

— Уж не «мигальщиков» ли он гоняет? — догадался Антонов. — На нашем аэродроме бывали такие фокусы.

Действительно, летчики знали случаи, когда агенты

франкистов световыми сигналами наводили самолеты противника на республиканские аэродромы.

— Ну и ночка! Что он творит? Разобьется ведь! Пулеметные трассы стеганули по посадкам пробковых дубов на восточной границе аэродрома.

Наконец летчик подвел «чато» к земле и посадил его.

Серов, Кутюрье и Антонов подбежали к заруливавшему самолету. На стоянке встретили Кузнецова. Из кабины вылез возбужденный Рыбкин.

— Что там у тебя стряслось?

— Ходил на трех тысячах. В воздухе и на земле спокойно, — взволнованно начал Леонид. — Противника не обнаружил. Время истекло. Подхожу к Алькале, гляжу: световая дорожка в центре, а по границам аэродрома огни то вспыхнут, то погаснут. Ясное дело, аэродром обозначают! Такая злость взяла, ну, думаю, сейчас я нам поморгаю…

— Вот сволочи! Своими руками задушил бы. Они ведь фашистов ждали, а тут наш оказался, — возмутился Кузнецов. И добавил, обращаясь к Рыбкину: — Молодец, Леонид. Только впредь не рискуй. Низко ты спускался, когда стрелял по «мигалыцикам», ведь горы кругом.

— Да я их, гадов, колесами подавил бы! Не поймали ни одного?

— Комендант помчался местность прочесывать. Да ищи теперь ветра в поле. Разбежались, поди, после твоего «горячего душа»…

На посадку уже заходили Михаил Якушин и Владимир Сорокин.

— Кто стрелял? И почему не включили прожектор? — забросал встречавших вопросами Якушин.

— Тут, брат, не только стреляли, тут и бомбы сыпались, — ответил за всех Серов…

На следующую ночь повторилось почти то же. Через десять минут после взлета Серова и Якушина к Алькале, не таясь, с включенными бортовыми огнями, подошелсамолет. Все думали, что это заходит на посадку свой транспортник. Но находившийся в готовности номер один Леонид Рыбкин на всякий случай скомандовал механику:

— К запуску!

И не ошибся. На аэродром посыпались бомбы. Механики и оружейники бросились в укрытие. Механик Рыбкина Балерис выполнил команду своего командира, но после запуска двигателя он в спешке забыл убрать из-под колес самолета тормозные колодки.

Ничего не подозревавший Рыбкин дал газ. Но «чато» остался на месте. А «юнкерс» продолжал ходить на аэродромом, швыряя бомбы. Леонид догадался, что мешает ему уйти в воздух. Он вылез из кабины и, рискув быть убитым осколками или тронувшимся с места истребителем, ударом ноги выбил колодки из-под колес. Через несколько секунд «чато» пошел на взлет.

О своей оплошности Балерис вспомнил, когда спрыгнул в укрытие, к которому его подвез автостартер. На раздумывая, механик бросился к стоянке. Он почти добежал до самолета, когда «чато» сорвался с места и пошел на взлет. Струёй от винта Валериев сбило с ног. Лежа на земле, он видел мелькавший в отсветах разрывов И-15 и повторял в отчаянии:

— О камарада Бланке! О камарада Бланке! Целый час в непроглядной тьме носился Рыбкин между Алькалой и Мадридом, надеясь встретить противника, но «юнкерсы» больше не появлялись. Наконец летчик повел истребитель на посадку.

Увидев Рыбкина целым и невредимым, Балерис тут, же около самолета исполнил какой-то дикий, неописуемый танец. Глядя на него, Леонид невольно рассмеялся. Несмотря на пережитое, он не сердился на механика за оплошность. И когда между летчиками разгорелся спор, кто виноват в происшедшем, Рыбкин сердито отрезал:

— Сами мы виноваты в первую очередь. Ведь у нас, а не у испанцев-механиков опыт ночных полетов. Вспом-ните, как мы летали дома. Там были отработаны сигналы между летчиком и техником, выпускавшим самолет. А здесь? Кричим на тридцати языках… В такой суматохе не только про колодки забыть можно, а и голову вместо них под колеса положить немудрено. Нужно разработать четкие команды и сигналы. Так-то, ребята. Век живи, век учись. Преподал нам урок «юнкерс».

В эту неделю для пятерки летчиков-ночников грань между днем и ночью незаметно стерлась. Ежедневно с наступлением сумерек после короткого отдыха (они участвовали и в дневных воздушных боях) «чатос» перелетели с Сото на Алькалу. Найти фашистский бомбардировщик в кромешной темноте было нелегко. Однако первые неудачи никого не обескуражили. Летчики очень уставали, но замены не просили…

Фашисты, видимо предупрежденные своей агентурой в базировании на Алькале республиканских ночных истребителей, неоднократно пытались бомбить аэродром. В один из таких налетов был ранен командир истребительной авиагруппы Птухин. К счастью, ранение оказалось нетяжелым, и Евгений Саввич продолжал руководить боевыми вылетами. Но командование категорически запретило ему летать.

В ночь на 18 июля Михаил Якушин патрулировал над линией фронта. Он уже заканчивал патрульный полет, когда увидел на земле разрывы авиабомб. Фашист рядом! Напрягая зрение, Якушин всматривался в темноту. Внизу разорвалась еще одна серия бомб. И тут цыше и впереди себя Михаил заметил расплывчатый гилуэт. Сомнений не было — параллельно линии фронта летел трехмоторный «юнкерс»…

После стольких горьких неудач эта встреча показалась Михаилу неправдоподобным счастьем. И хотя ему было пора возвращаться на Алькалу, он, забыв обо всем, пошел на сближение с «юнкерсом».

«Чато» медленно настигал фашистскую машину. Михаил, нервы которого были натянуты до предела, с трудом сдерживал себя. «Быстрее, быстрее, быстрее!» — мысленно торопил он свой истребитель. И вот «юнкерс» уже совсем близко. Пальцы с силой вдавили гашетки. Пулеметные очереди впились в фюзеляж бомбовоза. Якушин ожидал, что «юнкерс» тут же окутается пламенем и повалится вниз, но бомбовоз продолжал лететь. Летчик еще раз нажал гашетки. «Юнкерс» спокойно шел прежним курсом. Вторая и третья атаки тоже оказались безрезультатными. Пулеметные очереди гасли в фюзеляже и крыльях трехмоторной машины. «Юнкерс» не загорался!

Так они и летели в ночном небе — крошечный «чато» и грузный, тяжелый бомбовоз, связанные огненными лентами.

Еще атака. Задрав нос почти вертикально вверх, «чато», теряя скорость, медленно оседал на хвост. Уже не надеясь на успех, Михаил продолжал стрелять. Но тут истребитель, окончательно потеряв скорость, свалился в штопор. Пока Якушин выводил машину в горизонтальный полет, «юнкерс» ушел, растворился в темноте.

Обескураженный, удрученный случившимся, Михаил направил истребитель к аэродрому. Вскоре показались посадочные огни Алькалы…

Выйдя из кабины, Михаил почувствовал, что его бьет озноб. Пока он снимал парашют и с жадностью пил обжигающий кофе, все молчали.

— Упустил «юнкерса», ребята, — тихо сказал Якушин. — Летит, подлец, будто не в него стреляешь.

— Куда же ты стрелял? — спросил Сорокин.

— Разве в этой темени разберешь — куда? Видел, как трассы в крылья и в фюзеляж входили.

— Баки у него протестированные, сразу не загорятся, — заметил Рыбкин.

— Выходит, он неуязвим?

— Почему же? Просто атака снизу-сзади не эффективна. Видимо, следует заходить справа-сзади. Или спереди под углом и бить в стык крыла и фюзеляжа. Там у него вмонтирован заливной бензобачок, а он не протектирован…

На смену Якушину в воздух ушли Виктор Кузнецов и Владимир Сорокин. Это был их последний боевой вылет перед отъездом на Родину. Днем, распрощавшись с товарищами по эскадрилье, они уехали в Мурсию. Командиром отряда летчиков-ночников был назначен Анатолий Серов, а место убывших заняли Евгений Антонов и Николай Соболев.

В этот день с разрешения полковника Сиснероса в летную школу в Лос-Алькасаресе уехал Добре Петрович, решивший заменить погибшего в воздушном бою брата…

К дальним берегам

Расцвеченный ходовыми огнями теплоход «Кооперация» шел проливом Па-де-Кале. Багровый шар закатного солнца уже давно скрылся за острыми Дуврскими скалами. Носившиеся весь день над теплоходом неугомонныечайки вслед за солнцем ушли к туманному английскому берегу. Темную поверхность воды перечеркнула лунная дорожка. Корабль проходил траверз Булони.

На верхней палубе теплохода, облокотившись о поручни, стоял Евгений Степанов. Он смотрел на вытянувшуюся вдоль берега веселую цепочку огней. Невдалеке от «Кооперации», пересекая лунную дорожку, прошли рыболовецкие суда. На вершинах их мачт пульсировали световые знаки морзянки.

— Вот он где, — раздался сзади густой бас Девотченко. — О чем задумался?

— Да странно как-то. Кругом такие мирные картины, а совсем рядом уже год как война идет.

— Мирные? А ты забыл сегодняшнюю встречу? В конце дня 18 июля, когда «Кооперация» входила из Северного моря в пролив Па-де-Кале и пассажиры столпились на палубе, глядя на берега Англии и Франции, раздался чей-то громкий возглас:

— Смотрите! Прямо на нас идет военный корабль.

— Немец, — приложив козырьком руку ко лбу, сказал стоявший рядом с летчиками пожилой моряк. Все молча смотрели на быстро приближавшийся крейсер.

Когда до «Кооперации» оставалось всего каких-нибудь триста метров, крейсер круто взял в сторону. Матово-серая бронированная махина со стоящей на боевых постах командой пронеслась почти рядом с советским теплоходом.

— Пираты! — возмущенно посмотрев вслед удалявшемуся крейсеру, сказал моряк. — Ихнего командира за такие пируэты судить следует. Он, подлец, наверное, уже своему гросс-адмиралу телеграмму отстукал, что «Кооперация» их чуть ко дну не пустила.

— Не этот ли в прошлом году утопил в Средиземном море наш «Комсомол»? — предположил кто-то из нетчиков.

— Может быть, и он, — нехотя ответил моряк.

— А как же со свободой мореплавания? Моряк невесело усмехнулся:

— Вот так и понимается фашистами свобода. В Лондоне сидит лорд Плимут и председательствует в Комитете по

невмешательству в испанские дела. Давно всем и честно, что в этом комитете воду из пустого в порожнее переливают. Только наш советский представитель Иван Майский режет им правду-матку в глаза. Так вот, комитетчики в число кораблей, осуществляющих контроль у берегов Испании, включили и итальянские и германские военные суда. Как говорится, пустили козла в огород…

Сердито насупившись, моряк замолчал.

— Так и неизвестно, кто «Комсомол» потопил?

— Нет. Известно только, что шел «Комсомол» не в Испанию. У него на борту руда для Бельгии была. Но фашисты не могли простить «Комсомолу» рейсы в республиканские порты в начале мятежа. Как обожглись под Мадридом, так и стали по радио и в газетах грозить расправиться с кораблями, ходившими в Испанию. «Комсомол» стал их первой жертвой. Есть сведения, что команда теплохода находится в застенках Франко.

— Вызволят из плена моряков, — убежденно сказал Девотченко.

— Конечно, вызволят. Нам разъяснили, что Советское правительство в этом направлении предпринимав энергичные меры.

Внимательно слушая разговор, Евгений Степанов не предполагал, что через несколько месяцев ему придется встретиться в бою с прямым виновником гибель «Комсомола» — фашистским крейсером «Канариас»…

— Обратно в Союз пойдем мы с бесценным грузом, — помолчав, сказал моряк. — На борту детишки испанские будут. Да еще самолет, на котором чкаловский экипаж в Америку слетал, заберем на Родину. Его французский лайнер из-за океана доставить должен…

Быстро пробежала летняя ночь. В Гавр пришли ярким солнечным утром. Над пирсами колыхались стрелы портальных кранов. Десятки белоснежных парусников плавно скользили по зеленоватой поверхности бухты Сены. Рыкнув басовитым гудком, теплоход подошел к причальной стенке.

— Вот и прибыли за границу, — глядя на пеструю толпу на берегу, вздохнул Миша Котыхов.

— Еще не прибыли. Пока мы на своей территории, — Никита Сюсюкалов топнул ногой о палубу.

Чиновники портовой таможни с осмотром багажа торопились.

— Цель вашего приезда во Францию, месье? — спросил Евгения Степанова немолодой поджарый таможенник.

— Всемирная выставка в Париже.

— О, выставка — колоссаль! Месье Чкалов — колоссаль!

Степанов молчал. Таможенник углубился в осмотр содержимого чемодана. Несколько книг французских авторов, путеводитель по Парижу, две белоснежные сорочки и бритвенный прибор не привлекли его особого внимания. Заинтересовал таможенника фотоаппарат, и его тщательно исследовал его изнутри. Поставив в паспорте жирную лиловую печать, пожелал Евгению счастливого времяпрепровождения в столице Франции.

Направляясь к автобусу, отходящему в Париж, летчики, как по команде, обернулись. Молча смотрели они на ярко освещенный солнцем белоснежный красавец теплоход, на флагштоке которого красным пламенем полыхал флаг Родины.

В советском полпредстве на улице Гренель добровольцев предупредили:

— До получения въездной визы в Испанию вам придется несколько дней провести в Париже. Понимаем наше нетерпение, но ничего не поделаешь. Пока вы туристы, осматриваете Париж. Вас интересуют всемирная выставка и другие достопримечательности. Познакомиться с Парижем вам поможет Александра Николаевна…

— Называйте меня просто Шура, — улыбнулась элегантная молодая женщина, молча стоявшая до этого в углу комнаты у круглого аквариума.

Так летчики познакомились с женой советского военно-воздушного атташе во Франции комдива Николая Николаевича Васильченко.

Шура Васильченко сразу взяла их в работу.

— Разве можно уехать из Парижа, не поднявшись на Эйфелеву башню? Не посетив собор Нотр-Дам? Вы же туристы, а какой турист откажется от удовольствия погулять по парижским бульварам?

— Да на обратном пути рассмотрим и догуляем, — взмолился Девотченко, словно от Шуры зависело немедленное предоставление им виз.

И она потащила их на Эйфелеву башню, потом к собору Нотр-Дам и на застроенный дворцами остров Сите, и на Елисейские поля.

Так было нужно! Париж кишел агентами, соглядатаями иностранных разведок. И туристы должны были проводить время, как все туристы.

Перед сном Девотченко и Степанов вышли на балкон гостиничного номера. Внизу шумел вечерний Париж. Над городом полыхало зарево от рекламных огней.

— Какой город! — удивленно сказал Степанов. — Только

один день здесь, а кажется — всю жизнь тут жил.

— Красиво, — согласился Девотченко. — Но, признаюсь я тебе, Евгений, не до красот Парижа сейчас мне. Все думы там, за Пиренеями…

— Ох и прыткий ты! Думаешь, у других душа не ноет? А Шура молодец, без нее нам тут было бы туго.

Действительно, Шура Васильченко была не только их гидом и переводчиком. Она дала им и некоторые советы, как здесь следует себя вести, как одеваться. Посоветовала вместо шляп приобрести береты, купить модные одноцветные рубашки и галстуки.

«Мы теперь совсем парижанами стали», — смеялись летчики.

Не обошлось без казусов. Желая избавиться от своих шляп. Кустов и Евтихов оставили их на скамейке бульвара. Не успели они сделать несколько шагов, как двое французов с громкими криками догнали их и вручили злополучные шляпы. Пришлось благодарить.

— Да-а, — протянул Девотченко. — Сперва подумал я, жизнь у нее легкая: муж атташе, сама красавица, одета, как на картинке… А как сказала она за обедом: «Во Франции наша работа, а на Родину ох как тянет, ребята…» — услышал в ее голосе столько тоски!

В один из дней Шура повезла их на улицу Мари-Роз. Здесь, в доме № 4, в 1909–1912 годах жил Владимир Ильич Ленин. То был период, когда партия создавала свои кадры. В Лонжюмо, пригороде Парижа, была организована партийная школа.

Через полчаса летчики были в Лонжюмо. В длинном приземистом здании теперь размещалась слесарная мастерская. Хозяин мастерской, приветливый француз, охотно согласился их сопровождать. Он рассказывал, а Шура переводила.

— Мне было девятнадцать лет, когда мой отец сдал. русским это помещение. Тогда здесь был сарай. Должен подтвердить, что русские были прилежными учениками. Занимались они с утра до позднего вечера. Ведь не за горами была ваша великая революция!

Он провел посетителей по мастерской, а затем все шаправились к небольшому двухэтажному каменному дому. Указав на него рукой, француз сказал:

— В двух комнатушках этого дома несколько месяцев жил Ленин. Я даже чинил ему велосипед. Конечно, мы не знали тогда, кто это такой. Только когда в России свершилась революция, мы по опубликованным в газетах фотографиям поняли, кто жил среди нас.

Вынув из промасленного комбинезона газету «Юма-ните»,

хозяин с жаром стал о чем-то говорить.

— Он говорит, что недавно здесь побывали возвращавшиеся из Америки в Советский Союз Чкалов, Байдуков и Беляков. Советских героев сопровождало все население Лонжюмо.

Пока Шура переводила, француз одобрительно ки-нпл головой.

Она пересказала летчикам помещенный в газете репортаж о встрече экипажа АНТ-25 с трудящимися Парижа. На митинге рабочие автомобильного завода «Рено» преподнесли советским летчикам красное знамя. Заканчивался репортаж сообщением, что Чкалов, Байдуков и Беляков после окончания митинга все цветы, подаренные им парижанами, возложили к памятнику французским летчикам, погибшим при исполнении слу жсбного долга…

Когда, полные впечатлений, летчики вернулись домой, в холле гостиницы произошла неожиданная встреча. Там стоял не кто иной, как Владимир Пузейкин, их товарищ по бригаде, летчик, о котором совсем недавно рассказывал добровольцам в Москве командарм Алкснис.

— Володька!

В ту же минуту Девотченко уже сжимал Пузейкина d объятиях.

— Пусти, пусти, медведь, — смеясь, отбивался тот. Потом они долго сидели в номере. Владимир не спрашивал товарищей, зачем они здесь, — это было и так ясно. Друзья поздравили его с орденом Красного Знамени, сообщили:

— А нам Алкснис рассказывал о твоем разведывательном полете к Сигуэнсе.

— Это не совсем точно. Нас вел Георгий Захаров — меня и Лаккалье.

— Так он и говорил. Но Захарова, а тем более Лакалье мы не знаем. — А тобой гордились, не скроем.

— Тот-то день был не очень тяжелым. Потом по Гвадалахарой были намного труднее, — и Пузейкин ста рассказывать товарищам о том, что волновало их сегсн дня больше всего, о боях в Испании, где он пробыл семь месяцев.

Ночью Пузейкин уехал в Гавр, откуда ему предстояло плыть в родной Ленинград…

В середине дня 26 июля Шура Васильченко позвонила в гостиницу:

— Собирайте чемоданы!

Ровно через час она поднялась к ним на лифте.

— Готовы?

Девотченко кивнул на уже собравшихся Евгения Степанова и

Никиту Сюсюкалова.

— За своих спутников, остающихся здесь, не волнуйтесь. Завтра они вылетят из Парижа. Пошли.

Через десять минут летчики неожиданно для себя оказались в квартире комдива Николая Николаевич Васильченко:

— Увезла их от посторонних глаз. Знакомьтесь и договаривайтесь, а я займусь хозяйством, — и Шура вышла из комнаты.

Через несколько минут она заглянула опять.

— Сегодня у нас русская кухня. Но для двух украинцев приготовлен борщ.

— Вот це гарно. В Париже — украинский борщ! — обрадованно забасил Девотченко Николай Николаевич улыбнулся:

— Недавно мы двух кавказцев провожали. Пришлось Шуре ночь не спать — шашлыки готовила.

Летчикам было хорошо в этой небольшой уютной квартире, у доброжелательных, сердечных хозяев.

Николай Васильченко, помощник машиниста с Сумщины, волею революции стал красвоенлетом — так в то время называли авиаторов молодой Советской Республики. Окончив Московскую летную школу, он принялучастие в гражданской войне. Был награжден двумя орденами Красного Знамени и золотым оружием. Потом учился, стал военным дипломатом.

Узнав, что летчики побывали в Париже в местах, связанных с Владимиром Ильичем Лениным, Васильченко стал вспоминать:

— Где бы мы, красвоенлеты, ни сражались, всегда ощущали ленинскую заботу об авиаторах. Летчики платили Владимиру Ильичу беззаветной преданностью и любовью. Помнится, когда у белых была отбита Казань, из авиагруппы Ивана Павлова Ленину отправили письмо, которое заканчивалось так: «Посылаем тебе, Ильич, хлеб из Казани. Ешь да выздоравливай. Когда аппетит разовьется — пришлем его из Самары». Во многих эскадрильях Ленин был избран почетным краснофлотцем, и том числе и в нашей второй истребительной…

Он помолчал немного.

— Смерть Ленина мы переживали тяжело. И вот при подготовке к первомайскому параду 1924 года летчики нашей эскадрильи предложили написать в воздухе дорогое нам имя Ильича. Нас поддержал командовавший и ту пору Московским военным округом Климент Ефремович Ворошилов. Так и сделали.

— Я тогда у Мавзолея стояла, — вмешалась в разговор Шура. — Это было потрясающее зрелище: чистое голубое небо и написанное на нем самолетами слово «Ленин». Оркестр играет, и

все поют «Интернационал»…

— А через месяц я был свидетелем передачи тринадцатому съезду партии Ленинской эскадрильи, — продолжал Николай Николаевич. — Каждый из девятнадцати самолетов имел свое название. Помню некоторые: «Самарец — Ильичу», «Земляк Ильича», «Красный Воронеж — Ильичу». Эти самолеты строились на средства, собранные трудящимися. На одном из них довелось и мне летать.

Васильченко встал и прошелся по комнате. — Вы в Испании встретите генерала Хозе. Он там руководит истребителями и, как говорят, хорошо руководит. А был он в гражданскую войну мотористом. Затем окончил Борисоглебскую школу, ту, что и Валерий Чкалов. Когда мы в небе Москвы написали имя Ленина, он уже как летчик летел справа от меня. Талантливый командир. Большой ему привет от нас с Шурой передайте.

Так летчики впервые услышали имя генерала Хозе. Спрашивать его настоящую фамилию они, разумеется, не стали. Ведь и сами они ехали в Испанию под чужими именами.

В конце обеда Шура, посмотрев на часы, спросила Девотченко:

— Вы за дамами ухаживать умеете?

Поперхнувшись от неожиданности, тот удивленно посмотрел на нее.

— На вокзале вам придется несколько минут быть галантным кавалером.

— Почему бы и нет?

— Ну, тогда все в порядке. Едем. На вокзале к нам подойдут два носильщика, они возьмут ваши чемоданы и билеты. С проводником вагона разговариваю я. Все понятно?

Летчики молча кивнули.

— В Тулузе вас встретит товарищ. Помните, он вам привозил в гостиницу газеты и журналы? Поступите в его распоряжение. Если его не окажется на Тулузском вокзале, а это может случиться, поезжайте прямо в аэропорт…

На вокзал Орсе они приехали за десять минут до отхода поезда. Шура под руку с Девотченко, Степанов и Сюсюкалов не спеша двинулись вдоль голубого экспресса к своему вагону.

Проводник, увидев их, наклонил голову:

— С нами едет мадам?

— Нет, — грустно сказала Шура. — Я оставлю своих спутников на ваше попечение.

— Вас проводить в купе?

— Там есть кто-нибудь?

— Пока нет.

Шура глазами показала летчикам, что им следует войти в вагон, и открыла свою замшевую сумочку. В руке проводника хрустнули франки.

— Прошу вас, если это нетрудно, в купе больше никого не пускать. Завтра в Тулузе моим друзьям предстоят нелегкие деловые встречи. Им надо отдохнуть.

Проводник расплылся в улыбке.

— О, мадам может быть спокойна. Ваши друзья будут спать сном праведников.

Мягко ударил колокол.

Войдя в вагон, Шура по очереди расцеловала смутившихся летчиков. Раздался второй удар колокола.

— Удачи вам, ребята, — прошептала она.

Через минуту экспресс медленно отошел от перрона. Идя рядом с открытым окном вагона, Шура махала рукой в тонкой перчатке. Девотченко не удержался и послал ей воздушный поцелуй.

Поезд ускорил ход. За окнами вагона замелькал сверкающий вечерними огнями Париж.

Это была не первая группа советских добровольцев, которой Александра Николаевна Васильченко помогла отправиться за Пиренеи.

Конец «Черного дракона»

В тот час, когда голубой экспресс отошел от перрона парижского вокзала Орсе, увозя в Тулузу Девотченко, Степанова и Сюсюкалова, на аэродроме Сото в готовности к взлету стояли два истребителя И-15. У самолета в брезентовых шезлонгах молча сидели Анатолий Серов, Михаил Якушин и Николай Соболев. Летчиков одолевала усталость. Позади был изнурительный день боев над Брунетским выступом и Мадридом.

Фашистские войска, поддерживаемые танками и авиацией, третьи сутки наступали вдоль обоих берегов Гвадаррамы, упорно пытаясь прорвать фронт республиканцев в районе Кихорны и Вильянуэвы-де-ла-Каньяда.

Утром эскадрилья прикрывала Р-зеты, которые бомбили подходящие к Кихорне с юга резервы противника. Едва Р-зеты легли на боевой курс, как сверху на них бросились «фиаты». Летевшие выше основной группы Серов, Якушин, Шелыганов и Карпов удачным маневром сорвали попытку фашистов нанести внезапный удар, но четверка И-15 оказалась отрезанной от эскадрильи. Республиканским летчикам не впервой было драться с превосходящим по численности противником, но на этот раз их оказалось четверо против двадцати двух.

В этом тяжелом бою погиб Иван Карпов. Самолет Шелыганова был подбит, но летчику удалось перетянуть через линию фронта и сесть на своей территории…

В темном небе сверкали яркие звезды. Было душно, в воздухе стоял горьковатый запах листвы оливковыхдеревьев. В зарослях постепенно смолкали щебетавшие перед наступлением темноты птицы. Летчикам предстояла тревожная, полная опасностей ночь.

В патруль сегодня были назначены Анатолий Серов и Михаил Якушин. Николаю Соболеву и Александру Рыцареву предстояло выпустить их с Сото в воздух.

На этот раз Еременко разрешил ночному патрулю взлетать со своего аэродрома. Взлет с Сото в полной темноте был небезопасен, но командир эскадрильи надеялся на опыт Серова и Якушина. Посадку по окончании патрульного полета в зоне Мадрида они должны были совершить на аэродроме Алькала-де-Энарес.

Анатолий Серов тяжело повернулся в шезлонге:

— Остервенели фашисты. Как они в Ивана стреляли! У него не самолет, а сплошной огонь. А «фиаты» как с цепи сорвались —

бьют и бьют по нему.

— Он прыгать над вражеской территорией не захотел, чтобы в лапы фашистам не попасть, — вздохнул Якушин.

— Я им еще Карпова припомню, — глухо отозвался Серов.

— Еременко убивается. Сколько людей потеряли… Эх! — Николай Соболев поднялся, заслышав быстро приближающиеся шаги, — Ну что там?

Подошел Рыцарев.

— Звонили с Алькалы. У них все готово для обеспечения посадки.

Серов посмотрел на часы:

— Полночь уже, — удивленно проговорил он. — Давай, Миша, в кабины сядем. Ночка темная. Возможно, гости собираются к нам…

— Чертовски я устал сегодня, — признался Якушин. Соболев поднялся:

— Я на связь пойду.

— Когда взлетим, не забудь предупредить Алькалу, — напомнил ему Серов.

Механик Хозе помог Якушину надеть парашют и застегнуть привязные ремни.

— Покушайте, командир, соленых оливков. Они сон хорошо прогоняют, — Хозе протянул Якушину небольшой пакет.

— Спасибо, Хозе, — Михаил похлопал механика по плечу.

Хозе был вдвое старше своего летчика, без малогодвадцать лет провел среди крылатых машин, и испанцы в шутку называли его основателем королевской авиации…

Через полчаса прибежал Рыцарев:

— В районе севернее Эскориаль фашисты бомбят передний край!

Якушин запустил двигатель. В темноте впереди вспыхнул огненный овал, образованный вырывающимися из выхлопных патрубков мотора языками пламени. Это выруливал Серов. Мелькнуло и растаяло едва различимое очертание истребителя. Теперь была очередь Якушина. Он включил и быстро погасил бортовые огни. Хозе выбил из-под колес колодки. Ревя работающим на полных оборотах двигателем, «чато» устремился в темноту…

Пройдя Фуэнкарраль, Якушин взял курс на северо-запад. Мадрид остался южнее. Слева по курсу полета изгибалась линия фронта. Блеснула нить реки Мансанарес. Летчик внимательно всматривался в темноту. Истребитель подходил к южным отрогам гор Сьерра-де-Гва-даррама. Пора обратно. И тут в лунном свете проплыл какой-то предмет. Может быть, померещилось?

Насколько позволили привязные ремни, Михаил приподнялся на сиденье и всмотрелся в темноту: сомнений не было.

Облитый серебристым светом луны, навстречу И-15 шел «юнкерс». Якушин летел метров на семьдесят ниже и теперь отчетливо видел на фоне неба темный силуэт фашистского бомбовоза. «Пропущу, потом зайду с хвоста и…» Летчик до боли в шее повернул голову, следя за самолетом противника. Крутым разворотом он вывел истребитель на попутный с «юнкерсом» курс. Мельком глянул на компас. «К Мадриду, подлец, идет. Ну погоди!»

«Чато» рванулся вперед, и тут его слегка тряхнуло. «Иду в спутной струе моторов», — догадался летчик. Он добавил обороты двигателю. Движением рулей подвернул нос И-15 в направлении стыка правого крыла и фюзеляжа бомбовоза. Теперь обе машины летели почти рядом.

«Не уйдешь, негодяй! Не уйдешь!» Михаил прицелился, нажал гашетки. Четыре пулемета ударили по «юнкерсу». Якушин не отпускал гашетки до тех пор, пока не увидел, как ярким фонтаном брызнул горящий бензин. Из фюзеляжа бомбовоза вырвались длинные языкиоранжевого пламени. Застрочил пулемет стрелка «юнкерса». Но было уже поздно…

«Юнкерс» валился вниз. Огненный крест с длинным оранжево-красным хвостом несся к земле. И вслед за ним спиралью снижался «чато». На крыльях и ветровом козырьке истребителя играли огненные блики.

Когда до земли осталось менее пятисот метров, Михаил выровнял машину. И тут снизу взметнулся ослепительный столб пламени. Стало светло, как днем.

Бортовые часы истребителя показывали 1 час 45 минут среднеевропейского времени. Михаил прошел над местом падения «юнкерса» и развернул истребитель к Алькале.

Впервые за год народно-революционной войны в Испании в ночном воздушном бою истребителем был сбит самолет противника. Это произошло в ночь на 27 июля 1937 года. Сделал это советский летчик-доброволец Михаил Якушин.

В Тулузу экспресс пришел с рассветом. На покрытых замшелой черепицей крышах, нахохлившись, дремали голуби. Моросил дождь. По мокрому перрону прохаживался здоровенный полицейский в черной пелерине. Летчиков никто не встретил.

Такси быстро расхватали немногочисленных пассажиров.

— Аэропорто? — спросил летчиков чернявый шофер в огромной фуражке.

— Да! — ответил Девотченко.

Шурша шинами, серый «рено» помчался через еще не

проснувшийся город.

Наступал самый трудный и ответственный этап поездки. Рядом, за Пиренеями, была Испания.

В это же ненастное утро в дальнем конце аэродрома Ла-Бурже под Парижем стартовал потрепанный пассажирский «фарман». На борту частного самолета находились Семен Евтихов, Виктор Кустов, Алексей Горохов, Михаил Котыхов и Григорий Попов. Медленно набирая высоту, «фарман» пошел к Пиренеям.

Внизу, у забрызганного грязью «кадиллака», всматриваясь в удаляющийся самолет, стояла Шура Васильченко…

Через два часа после посадки Якушина на Алькалу приехали Птухин и Кутюрье. Они уже успели побывать на месте падения «юнкерса».

— Герой, ну прямо герой, — пожимая Михаилу руку, довольно говорил генерал Хозе. — Верите, Миша огнем пулеметов убил четырех членов экипажа. Пятый, штурман, спустился на парашюте. Он настолько потрясен, что потерял дар речи.

На Алькале царило ликование…

До смерти уставшему Михаилу ничего не хотелось — только бы повалиться под крыло своего «чато» и хотя бы на часок забыться. Ведь скоро наступит день. Строгий Иван Еременко не будет спрашивать, спал он ночью пли нет. В эскадрилье каждый летчик и самолет на учете. Значит, им с Серовым надо скорее возвращаться на Сото.

Но тут Якушина пригласили к телефону.

— С вами будет разговаривать командующий ВВС Сиснерос, — предупредил дежурный.

— Да как я буду, не зная испанского, говорить с командующим? — взмолился Михаил.

На помощь пришел Агальцов, примчавшийся к тому времени на Алькалу из Мадрида. Он посадил на параллельный телефон переводчицу Аделину, и разговор с командующим прошел гладко.

Потом Кутюрье разложил на столе документы и полетные карты членов экипажа «юнкерса».

— В следующий раз, Миша, аккуратнее стреляй, — увидев пробитую в нескольких местах полетную карту командира корабля, сказал начальник штаба авиагруппы Котов.

Оказалось, что бомбардировщик взлетел с аэродрома Авилы.

— На борту бомбовоза и остатках киля нарисован черный дракон, — сообщил Кутюрье.

Позвонил Еременко:

— Поздравляю, Миша. Все ребята гордятся тобой. Ну, а твой Хозе несколько раз хотел на Алькалу бежать от радости.

— Спасибо, командир. А нельзя ли нас отсюда поскорее забрать?

— Это не в моей власти. Пока сидите на Алькале — таков приказ генерала Хозе.

Михаилу Якушину предстояло еще пережить в этот день много удивительного.

Скоро на аэродром прибыл секретарь премьер-министра Испанской Республики Хуана Негрина и передал летчикам приглашение на правительственный прием, устраиваемый в их честь.

Подошло несколько лимузинов. В первую машину посадили Михаила Якушина, во вторую — Анатолия Серова и переводчицу Аделину. Секретарь премьера махнул рукой. Затрубил горнист. Заревели сирены мотоциклов почетного эскорта. На огромной скорости машины помчались к Мадриду…

На прием прибыло большинство министров республиканского правительства. Советских летчиков встретили тепло. Премьер Хуан Негрин, посадив рядом с собой Якушина, долго с ним разговаривал. Михаил узнал от Негрина, что его младший сын, окончив в Советском Союзе летную школу, возвращается на родину, чтобы сражаться с фашистами.

Под аплодисменты присутствующих Хуан Негрин объявил, что летчики Карло Кастехон и Родриго Матеу[20] за мужество и летное мастерство, проявленное в ночных полетах, награждаются золотыми часами и легковыми машинами.

— Мне-то за что? — удивился Серов.

— Сеньор Матеу, — ответил ему Негрин, — мы надеемся, что это не последний «юнкерс», сбитый ночью советскими летчиками. Мы желаем вам и вашим товарищам новых побед в воздухе.

Золотыми часами была награждена и Аделина.

— Сеньорита, если бы мне раньше сообщили, что вам всего семнадцать лет, я распорядился бы отправить вас домой, — сказал ей Негрин. — Но теперь поздно. Ведь вам все же будет восемнадцать?

— Будет, — улыбнулась Аделина.

…Через несколько дней в Испанию пришло известие:

ЦИК СССР наградил Анатолия Серова и Михаила Якушина орденом Красного Знамени.

Весь день 27 июля Девотченко, Степанов и Сюсюка-лов провели в напряженном ожидании. С утра над Тулузой стояли серые дождевые тучи. Ни один самолет неподнялся с аэродрома. Когда в полдень погода прояснилась, оказалось, что «потез», собиравшийся лететь в Испанию, неисправен…

Стемнело. Раздосадованные добровольцы поехали в

гостиницу. Там они встретились с приехавшим из Парижа товарищем, о котором им говорила перед отъездом Шура Васильченко.

Здороваясь с ним, Иван Девотченко недовольно проворчал:

— Ну ее, эту авиацию. Лучше пойдем пешком.

— Возможно, так и случится, — ответил ему товарищ, назвавшийся Леонидом.

— Как это? — удивился Иван.

— Если не удастся улететь, придется быть готовыми к переходу сухопутной границы в Пиренеях. До приграничной зоны вас подбросят на машине. А там ночью с проводником пойдете горными тропами. Пока же наберитесь терпения и ждите, — посоветовал Леонид летчикам.

Евгений и Никита отправились погулять по городу. Над готическими крышами Тулузы разливался мягкий свет луны. В табачной лавке они купили несколько пачек сигарет. Обратно возвращались не спеша.

У гостиницы прогуливались, оживленно беседуя, Девотченко и Леонид. Едва Евгений и Никита подошли к ним, как из-за угла, размахивая пачками газет, с громким криком выскочили несколько мальчишек.

— Сенсация! — звонкими голосами оповещали они. — Покупайте вечерний выпуск. Сенсация! В районе Мадрида красный истребитель ночью сбил бомбардировщик национальных сил Испании[21]. Красный пилот Карло Картехон отказался давать интервью. Сенсация! Ночью сбит самолет. В живых остался только один член экипажа. Он взят в плен…

— Это уже интересно, — проговорил Леонид, покупая несколько экземпляров газеты.

Узнав, о чем идет речь, Девотченко заволновался:

— Дай-ка мне пару, — попросил он Леонида. — Может быть, встречу испанца. Наверное, ему будет приятно получить экземпляр газеты, где рассказывается о его победе.

В этот вечер летчики долго не ложились спать, обсуждая новость. Кто-кто, а они хорошо понимали, как трудно ночью найти и сбить вражеский бомбардировщик.

Вспомнили оставшихся в Париже друзей.

— Интересно, удалось Шуре договориться о переброске наших ребят?

Они и не подозревали, что те спокойно спят в Барселоне…

В ожидании прошли еще одни сутки.

Поздно вечером 28 июля в номер гостиницы забарабанил Никита Сюсюкалов.

— Что, завтра летим? — спросил его Евгений.

Никита был взволнован. В руке он держал свернутую в трубку газету.

— Еще один самолет сбит!

— Чей? Где? — не понял Степанов.

— Ночью в районе Мадрида. Только пилот другой — Родриго Матеу[22]. Газетчики так орут на улице, словно каждый из них выиграл в лотерее. А перевел мне с французского швейцар-поляк.

— Пока мы туда доберемся, они, пожалуй, нам и фашистов не оставят, — проворчал проснувшийся Девотченко. — Две ночи — два «юнкерса». Неплохо, а?

Ночью Евгений спал мало. Девотченко совсем не спал и все время курил. Когда рассвело, Иван вышел на балкон.

— Ну что ты топаешь, как слон? — рассердился Степанов. — Спать не даешь.

Иван добродушно засмеялся:

— Ты чего на мне злость срываешь? Вот пойду и украду самолет на аэродроме да и дуну через Пиренеи, а ты тут лежи, переживай.

— Замучился я, Иван. Едем-едем, никак до места не доедем, — пожаловался Евгений.

— Терпи казак, атаманом будешь, — вздохнул Девотченко.

Ивану не пришлось приводить в исполнение свою угрозу. На четвертые сутки их вынужденного пребывания в Тулузе летчиков предупредили, что будет самолет.

Они пошли завтракать в ресторан аэропорта. Небольшой уютный зал, отделанный серым мрамором, был почти пуст. Тихо играла радиола. Летчики заняли столик у широкого окна, через которое было хорошо видно летное поле.

Одетый в замшевую куртку мужчина, держа в руке незажженную сигарету, подошел к их столу. Девотченко надавил кнопку зажигалки. Прикуривая, француз медленно сказал по-русски:

— Ваш самолет взлетит через тридцать минут.

Он кивком головы указал на белый двухмоторный «потез» и небрежно пошел к выходу.

У Степанова пропала всякая охота есть, но под строгим взглядом Девотченко он сдержал себя. Время было, и они спокойно закончили завтрак.

Когда летчики спустились в зал ожидания, Евгений увидел нескольких пассажиров, с которыми они на «Кооперации» прибыли в Гавр. Но те и виду не подали, что когда-либо с ними встречались. Взяв чемоданы, летчики через вращающуюся дверь вышли на обсаженную цветами площадку. Там с газетой в руке прогуливался Леонид. Он улыбнулся им.

У крыла «потеза», скатывая в рулон моторные чехлы, возился пожилой бортмеханик. Оторвавшись от своего занятия, он окинул взглядом подошедших к самолету и махнул рукой:

— Салут, камарадас!

Евгений занял кресло поближе к кабине пилотов. Девотченко и Сюсюкалов устроились рядом на откидном диванчике. На пол грохнулся туго затянутый веревками брезентовый рулон. Хлопнула поставленная на стопоры дверь. Проходя между кресел, бортмеханик громко крикнул:

— Субида! Взлет!

Выбросив ком сизо-черного дыма, заработали двигатели.

Громыхая амортизационными стойками, видавший виды «потез» побежал по травяному покрову. В иллюминаторе кабины мелькнули француз в замшевой куртке и Леонид, стоявшие на открытой веранде ресторана.

Над переплетением железнодорожных путей и голубой лентой реки Гаронны самолет развернулся к Пиренеям. Евгений бросил прощальный взгляд на город:

«Хорошо сработали тулузские товарищи…»

Они летели уже час. Внизу раскинулись угрюмые, покрытые снегом горы. С большой высоты была видна отороченная седой линией прибоя лазурная полоса. Средиземное море! Девотченко и Сюсюкалов дремали. «Ну и спокойствие у них, чертей! Позавидовать можно», — смотря на своих попутчиков, думал взволнованный Евгений.

Прошло еще тридцать минут. Шум моторов начал постепенно стихать. «Потез» пошел на снижение. Евгений с интересом всматривался вниз: под крыльями самолета на берегу моря раскинулся огромный город, в центре которого возвышалась островерхая громада собора. Машина прошла над портом, обогнула гору с разбитым на ее склонах густым парком и игрушечной церковью. Это была Барселона.

«Потез» уже подруливал к зданию аэровокзала.

— Эста тодо комформэ! Все в порядке! — громко сказал бортмеханик, выходя из пилотской кабины.

Добровольцы уже подошли к двери, когда их окликнул командир самолета. Летчики обернулись. В центре пассажирской кабины стоял экипаж «потеза».

— Фелис бьяхэ! Счастливого пути! — испанцы вскинули сжатые кулаки.

— Спасибо, друзья!

Спустившись на землю, по укоренившейся годами привычке все трое посмотрели вверх. В солнечном небе кружились белые чайки. Вдали дымили трубы многочисленных заводов Барселоны.

На горизонте темнели вершины Каталонских гор.

Евгений вдохнул влажный морской воздух.

— Здравствуй, Испания!

Первые встречи

К великому удивлению летчиков, у здания аэровокзала их встречали Семен Евтихов и Михаил Котыхов в лихо сдвинутых беретах.

— Салут, камарадас! — вскинув к плечу сжатый кулак, приветствовали они друзей.

— Ну, чистые испанцы! — восхитился Девотченко. — Салут. А где остальные?

— На базе в Лос-Алькасаресе. Их увез Кутюрье. А мы с рассвета по его распоряжению встречаем вас.

— Кто такой Кутюрье? Француз?

— Русский. Из штаба авиации. Но по-французски и по-испански говорит здорово. Пилота «фармана», на котором мы прилетели, ругал на трех языках.

— За что это?

— Расскажем по пути в город, — кивнув на светлый лимузин, пообещал Евтихов.

— А мы думали, вы в Париже застряли, — садясь в машину, сказал Степанов.

— Будет Семен по Парижу гулять, когда он и во сне и наяву грезит испанками, — пробасил Сюсюкалов.

Лимузин двинулся по дороге, обсаженной платанами. Вырвавшись на широкое асфальтированное шоссе, машина на огромной скорости понеслась к Барселоне.

— Ну и ну, — покачал головой Девотченко, увидев, что стрелка указателя скорости перевалила за сто.

— Здесь тише не ездят, — объяснили ему Семен и Михаил, чувствовавшие себя в Испании уже старожилами.

По пути они рассказали о воздушном приключении своей группы после старта «фармана» с аэродрома Ла-Бурже.

Все шло хорошо, пока они летели над Францией. Но едва «фарман» достиг Пиренеев, пилот начал нервничать, оглядываться по сторонам, то и дело меняя курс. Под самолетом зияли темные провалы ущелий, вздымались голые скалы. Погода вконец испортилась. Добровольцы догадались, что француз потерял ориентировку. Ошибка в десять — пятнадцать градусов могла привести самолет на территорию, занятую мятежниками.

Пришлось пассажирам прийти на помощь незадачливому пилоту. Жестами, постукиванием по компасу с трудом объяснили они, что ему следует вести машину на юго-восток. «Выйдем к

побережью Средиземного моря, там разберемся», — рассудили добровольцы. В знак согласия француз кивнул и кулаком стукнул себя по макушке. Дескать, как это я сам не догадался.

Вскоре показался раскинувшийся на лесистых склонах гор небольшой городок. Взявший на себя обязанности штурмана Виктор Кустов, сверившись с картой, спросил француза: «Жерона?» Пилот радостно закивал головой. Добровольцы облегченно вздохнули: самолет летел над республиканской территорией. Выйдя к побережью, «фарман» взял курс на Барселону…

Добровольцев разместили в девятиэтажной гостинице «Диагональ».

Быстро закончив все формальности, они вышли на одну из красивейших магистралей Барселоны — проспект Рамбле. На площади Каталонии черноголовые мальчишки кормили голубей. В лучах солнца сверкали серебристые струи фонтанов. Вдоль пешеходной дорожки стояли продавцы птиц с клетками в руках. В крохотных ларьках улыбались цветочницы. В толпе на проспекте было такое смешение военных мундиров, что непосвященному не стоило и пытаться разобраться. Летчики осмотрели памятник Христофору Колумбу, зашли в порт. Постояли у пустующих причалов, любуясь прозрачной голубизной моря. Потом на фуникулере поднялись в парк, разбитый у вершины горы Тибидабо, откуда открывалась величественная панорама Барселоны.

Солнце садилось за горы, когда добровольцы вернулись в гостиницу. В холле их встретил Кутюрье. Иван Девотченко сразу набросился на него:

— Послушай, ты хоть и Кутюрье, но мы где-то встречались. Не помнишь?

— Как не помнить! — улыбнулся Кутюрье. — Когда я кончал академию, приезжал к вам в часть на стажировку.

— Правильно. Ты все от левого крена не мог избавиться.

— Но выправил все-таки! — смеясь, напомнил Кутюрье.

С Кутюрье, восемь месяцев провоевавшим в республиканской авиации, им было о чем поговорить. В полночь, когда летчики, по выражению Никиты Сюсюкалова, вытрясли из Кутюрье всю душу, Девотченко, достав из чемодана французские газеты, спросил:

— Ты знаешь этих ребят — Карло Кастехона и Родриго Матеу?

— Как же мне Михаила и Анатолия не знать! Последние две недели на Алькале каждую ночь встречались.

— Постой, постой, — перебил его Иван. — Ты не понял меня. Я тебя о тех спрашиваю, которые сбили ночью «юнкерсов».

Кутюрье загадочно улыбнулся. — Михаил Якушин — это и есть Карло Кастехон, аАнатолий Серов — Родриго Матеу. Наши они, советские летчики.

— Вот это новость! Мы им газеты французские везли, где о них написано, а теперь, значит, эти газеты ни к чему. Ведь по-французски они вроде меня…

— Ничего, газеты при встрече все-таки отдай. Кто-нибудь переведет. Ребятам будет приятно. А что фамилии у них испанские — так что ж тут удивительного? Всем нам пришлось здесь на время забыть свои имена.

— Мы в Тулузе сидели, когда стали каждую ночь валить бомберов, — не мог успокоиться Девотченко. — Я и говорю Евгению: «Пойдем пешком через горы в Испанию. А то пока мы тут прохлаждаемся, эти Кастехоны всех фашистов посбивают».

Пришлось Кутюрье рассказывать об эскадрилье «чатос» и ее летчиках. В особенности подробно о Кастехоне Матеу, в эти дни ставших самыми популярными пилотами республики. Рассказал он и о том, что рабочие Мадрида вручили эскадрилье красное знамя с вышитыми на нем золотом словами благодарности.

Слушая Кутюрье, Евгений Степанов не предполагал, что в скором времени военная судьба приведет его в прославленную эскадрилью.

Наутро — вновь дорога.

По приморскому шоссе с бешеной скоростью мчатся автомобили. Машину, в которой едут Кутюрье, Степанов, Сюсюкалов и Котыхов, ведет подвижный, общительный шофер-испанец. Словно не замечая головокружительных поворотов, он непрерывно разговаривает с сидящим рядом Кутюрье, то и дело с улыбкой оборачивается к остальным пассажирам, успевает закурить сигарету и энергичным жестом руки приветствовать водителей машин, стремительно летящих навстречу…

Когда на поворотах лимузин заносило, летчикам становилось не по себе. Единственным, кто чувствовал себя непринужденно, был Кутюрье, уже привыкший к этой истинно испанской манере езды.

Петляя, дорога подходила почти к самому берегу Средиземного моря. Мелькали разбросанные на холмах виноградники, апельсиновые рощи. Вперемежку с кукурузными полями тянулись ровные ряды серебристых оливковых деревьев. Чем дальше к югу, тем роскошнее становилась растительность. Не останавливаясь, машины промчались через Валенсию.

— Скоро Эльче! — сказал Кутюрье. — А там уж и до Лос-Алькасареса недалеко. — И, указывая на разбросанные в шахматное порядке финиковые пальмы, добавил: — Между

прочим, это единственные в Европе финиковые заросли, так что можете полюбоваться.

В Лос-Алькасаресе полностью собравшуюся группу Ивана Девотченко приняли специально для этого прилетевшие Птухин и Агальцов. Светловолосый подтянутый генерал, носивший испанское имя Хозе, меньше всего был похож на уроженца Пиренейского полуострова. Пожалуй, худощавый, подвижный коронель Мартин больше походил на испанца.

Здесь же летчики, к своей радости, встретили многих пассажиров «Кооперации»: Ивана Гусева, Виктора Годунова, Платона Смолякова, Евгения Соборного, Ивана Панфилова, Андрея Микуловича. Они познакомились еще по пути во Францию, но после Гавра те словно в воду канули.

После того как добровольцы представились командованию, завязался разговор.

Комиссар рассказал о положении на фронтах, о только что закончившемся Брунетском сражении. Потом заговорил об испанцах.

— Это трудолюбивый и храбрый народ, — говорил Агальцов. — Они добры, знают цену мужеству, презирают трусов. У них есть чему поучиться. — С большой похвалой отозвался он об испанских летчиках: — В бою они надежные товарищи. Иногда не хватает выдержки, но это простительно: большинство их — молодые пилоты. Дерутся с противником отчаянно. Вам следует ознакомиться с географией страны, — продолжал комиссар, — с особенностями полетов в каждом районе. Нам приходится здесь маневрировать. Сегодня ваша эскадрилья может находиться под Теруэлем, а завтра обстановка заставит перебросить ее под Сарагосу или Уэску.

Птухин рассказал летчикам о самолетах противника, о появлении на Центральном фронте нового истребителя «Мессершмитт-109». Не умолчал о трудностях, о потерях.

— Здесь вы встретите сильного и коварного врага, — говорил он. — Рассчитывать на легкие победы не следует. Тот, кто с пренебрежением будет относиться к противнику, много не налетает. Готовьтесь к тому, что в день придется совершать по шесть — восемь, а иногда и больше вылетов. Нагрузка на каждого из вас ляжет колоссальная. Главное — не забывайте, чему вас учили на Родине. Жизнь показала, что наши, советские летчики ни в чем не уступают разрекламированным фашистским асам — закончил беседу Птухин.

Началось распределение вновь прибывших по эскадрильям.

Надо сказать, что к этому времени в руководстве советскими летчиками-добровольцами произошли изменения. Евгений

Саввич Птухин стал главным советником командующего авиацией республики; вместо него командиром истребительной авиагруппы был назначен Циан Еременко. Эскадрилью И-15, которой до этого командовал Еременко, стал водить в бой Анатолий Серов.

В эскадрилью Серова и получили назначение Евгений Степанов, Никита Сюсюкалов, Семен Евтихов, Михаил Котыхов и присоединившиеся к ним в Лос-Алькасаресе Григорий Попов, Виктор Кустов и Алексей Горохов. Их путь лежал на Арагонский фронт, на аэродром Бахаралос, куда перебазировалась эскадрилья из-под Мадрида после завершения Брунетской операции.

Старшим группы Птухин назначил Степанова.

— До аэродрома довезет и отправит вас на Бахаралос наша переводчица Соня[23]. Прилетишь, Серову ореликов представишь — на этом твое старшинство и кончится. Желаю удачных полетов — прощаясь, сказал Птухин.

Жаль было расставаться с Иваном Девотченко, который получил назначение в эскадрилью И-16, базировавшуюся на аэродроме Каспе.

— Не журитесь, хлопцы, назначаю вам встречу в воздухе, — шутил Иван.

Разговор прервала миловидная молодая женщина. Большие, чуть навыкате глаза, коротко остриженные темно-русые волосы.

— Салут! Кто из вас Слепнев?[24] — она остановила взгляд на солидном Девотченко.

— Вот он, камарада сеньорита, — указал Иван на Евгения Степанова.

— Мне поручено отвезти вас на аэродром, — обратилась она вновь к Девотченко. — Вы готовы?

— Это их отвезете. Лично я пока остаюсь здесь. Так что до побаченья, камарада сеньорита.

— Должна вас разочаровать: через полчаса мы улетаем на Арагонский фронт.

— Кто это «мы»?

— Генерал Хозе, коронель Мартин, Кутюрье и я. Зовут меня Соня, я переводчица штаба авиации.

— Ну что ж, значит, встреча откладывается. Салут, камарада сеньорита.

— Желаю вам всего хорошего. Быстрее учите испанский.

Забегая вперед, нужно сказать, что Иван Девотченко довольно быстро освоил испанский язык. Больше того, к изумлению друзей, он своего механика Фернандо обучил украинскому. Летчик и механик прекрасно понимали друг друга. А Соня при встречах всегда напоминала Ивану:

— Ну, как дела, камарада сеньорита?

В ответ Девотченко скрещивал два указательных пальца. Это означало, что еще один фашистский самолет попал в перекрестие прицела его истребителя.

На аэродроме ждал подготовленный к вылету «драгон».

Виктор Кустов с сомнением посмотрел на довольно поношенную машину.

— Как же мы на нем без парашютов полетим? Командир догадался, о чем говорит «камарада русо».

— Но парашют! Нет парашюта! — ответил он.

— Они парашютами не пользуются, когда летают с пассажирами, — пояснила Соня.

— Видно, ходит машина, если экипаж не волнуется. Пошли, ребята, — Евгений вслед за испанцами поднялся в раскаленную от солнца пассажирскую кабину.

Заработали двигатели. Дав полный газ, летчик повел машину на взлет. Почти над самыми волнами Средиземного моря «драгон» круто лег на крыло.

«Сейчас нам докажут, что наши сомнения в отношении надежности этой машины напрасны», — подумал Евгений.

— Если он еще раз так развернет свой шикарный аэроплан, у меня душа вон вылетит, — толкнул его в бок Котыхов.

Но дальше полет протекал спокойно. Дорога шла вдоль восточных склонов Иберийских гор. Над точкойслияния рек Эбро и Сегре в салон заглянул бортмеханик и радостно крикнул:

— Арагон!

Зеленый ковер, покрывавший землю, исчез; внизу потянулась буровато-желтая всхолмленная низменность. Летчики напряженно смотрели в бортовые иллюминаторы. Где-то там, за оранжевой полосой горизонта, проходила линия Арагонского фронта…

На выжженном солнцем аэродроме Бахаралос, куда прилетел со своими пассажирами «драгон», было пустынно. Несколько вылинявших палаток, аккуратно сложенные на стоянках брезентовые чехлы, лежащие на земле стремянки… Обыкновенный полевой аэродром.

Стих шум моторов улетевшего транспортника. Из-за темневших на горизонте гор донеслись раскаты артиллерийской стрельбы. «А фронт совсем близко», — подумал Степанов.

Их встретил вновь назначенный начальник штаба эскадрильи Александр Рыцарев. Он отвел летчиков в небольшой двухэтажный дом, стоявший среди пробковых дубов.

— Эскадрилья в бою. Минут через тридцать сядут. Пока устраивайтесь. Прилетит командир — разрешим все вопросы. Вы

со списком зайдите ко мне, — обратился Рыцарев к Степанову.

Выйдя из штаба, Евгений увидел недалеко от стоянок, в тени деревьев, своих товарищей. Подойдя к летчикам, он услышал, как Кустов говорил:

— Я весь полет наблюдал за правым двигателем: по его капоту масло ручьем бежало. Видно, отходили моторы все сроки, а летчики ничего, летают!

— Да, — ответил Миша Котыхов. — У нас самолет, на котором мы сюда прилетели, не то что в воздух выпустить — на земле мотора опробовать не разрешат.

— Я уж хотел пошутить с командиром «драгона» — мол, из какого музея взял ты этого бедолагу. А потом думаю: неудобно. Не от хорошей жизни они на таких машинах летают.

— Трудно у испанцев с материальной частью, — отозвался Евгений.

Нарастающий гул самолетов прервал их разговор.

— Летят! — воскликнул Кустов.

— Но не наши, — добавил Попов.

К аэродрому на небольшой высоте, растянутые в цепочку, подошли несколько И-16. Один из них, выпустив шасси, зашел на посадку. Стоявшие на земле летчики увидели в крыле самолета большую дыру. Мотор истребителя работал с каким-то свистом.

— А парень, видно, подбит…

Самолет сел, взметнув на полосе пыль. В метрах тридцати от стоянки его мотор заглох. К машине побежали механики.

— Поможем, ребята! — крикнул Евгений. Вместе с испанцами они вкатили истребитель на стоянку. Из кабины быстро выпрыгнул невысокий, крепко сбитый, улыбчивый летчик-испанец. Энергично жестикулируя, стал что-то громко объяснять механикам. Те захлопотали у машины.

Пилот обернулся к добровольцам. С сильным акцентом произнес по-русски:

— Здравствуйте, товарищи! Подошел к летчикам и представился:

— Антонио Ариас!

— Где вы так хорошо по-русски говорить научились? — не удержался Горохов. Ариас улыбнулся:

— Я учился летать в Советском Союзе. Полтора месяца, как вернулся из СССР. Летаю в первой эскадрильи «москас». Здесь, в Испании, нас, молодых летчиков, в Эль-Кармоли вводил в боевой строй камарада Сергио Плыгунов. Вы знакомы?

Добровольцы переглянулись.

— Нет, — за всех ответил Евгений.

Летчики сели на врытые под деревьями скамейки.

— Ваши «чатос» сменили нас в бою. Скоро возвратятся, — сказал испанец, закуривая.

— Часто в небе встречаетесь? — спросил Степанов.

— Почти каждый день. У нас в эскадрилье одна молодежь. Когда рядом «чатос», нам веселее. Антонио тряхнул темными волосами.

— «Чатос» я впервые увидел над Мадридом. Это было в начале ноября тридцать шестого года. Тогда я об авиации и не думал. Летчиком меня заставил стать один печальный случай…

Мадридский печатник Антонио Ариас за участие в забастовочном движении и распространение нелегальнойлитературы с 1934 по февраль 1936 года находился в тюрьме. Только победа Народного фронта на выборах ос-пободила Ариаса и его товарищей.

Когда вспыхнул фашистский мятеж, Антонио по призыву коммунистической партии ушел в отряд «милисианос». Он участвовал в захвате столичных казарм Ла-Монтанья, где засели мятежники во главе с генералом Фангулом. В начале ноября в бою с марокканцами на подступах к Мадриду Ариас был ранен и оказался в госпитале, расположенном на одном из красивейших проспектов столицы Испании — Кастельяна. Ранен Антонио был в плечо. Когда над Мадридом завязывались воздушные бои, он с товарищами выходил на плоскую крышу госпиталя и, как многие мадридцы, наблюдал за перипетиями воздушных схваток.

15 ноября сирена предупредила о подходе к Мадриду фашистских самолетов. И вот один из вражеских бомбардировщиков сбросил в районе моста Толедо на парашюте ящик. Груз медленно спустился. На земле к нему долго никто не решался подойти, опасались, что сброшен начиненный взрывчаткой «сюрприз». Прибыли саперы. Глазам республиканских солдат предстала ужасная картина: в ящике лежало изрубленное топором тело. К нему была приложена записка: «Это подарок командующему воздушными силами красных, пусть знает, что ждет его самого и его большевиков».

16 ноября газета «Мундо боррео» опубликовала снимок и сообщение об этом злодеянии фашистов.

— Весь Мадрид говорил, что это был летчик из России, — рассказывал Ариас. — Каким образом он очутился в руках фашистов? Якобы два республиканских истребителя в плохую погоду по ошибке сели на фашистский аэродром в Сеговии. Это просто объяснить. Дело в том, что в первые месяцы войны в республиканской авиации были самолеты тех же типов, что и у фашистов. Советские добровольцы только прибыли в Испанию и вполне могли заблудиться. Когда они сели и, выключив моторы,

обнаружили свою ошибку, было поздно. Их окружили фашисты. Летчики отстреливались до последнего патрона. Один был убит, второй — ранен. Его захватили в плен. Истекающего кровью, привезли в Сеговию. Он отказался отвечать на вопросы. Фашисты стали его избивать. Он молчал. Привязав на аркан, его вывели на улицу. На глазах жителей пьяные фашисты продолжали глумитьсянад пленным. Он не проронил ни слова. Над ним издевались до тех пор, пока он не упал. Тогда летчика зарубили топором… Есть и такая версия: был сбит республиканский бомбардировщик. Его экипаж, выпрыгнув на парашютах, оказался на территории мятежников. Командира бомбардировщика — итальянца — зарубили и сбросили над Мадридом… Первый бой «чатос» над Мадридом и зверская расправа фашистов с республиканским летчиком круто повернули мою судьбу. Я решил научиться летать. Уходя в бой, всегда помню о том неизвестном пилоте, погибшем за свободу Испании.

Ариас обернулся на звук заработавшего двигателя.

— Мне пора, друзья!

Испанец поднял в приветствии сжатую в кулак руку. Через минуту И-16 оторвался от взлетной полосы.

Из-за гор вынырнула пятерка истребителей. Они пронеслись над центром летного поля и, приглушив моторы, стали заходить на посадку. На горизонте показалось еще несколько самолетов.

С профессиональным интересом летчики следили за посадкой вернувшейся из боя эскадрильи. Про себя отметили: времени тратят меньше, чем в обычных условиях. Пока все не сели, моторы заруливавших самолетов работали на малом газу и ни один летчик не покинул кабину.

На ближнюю к палаткам стоянку, в центре которой нетерпеливо подпрыгивал, размахивая руками, механик, заруливал истребитель; на его киле были нарисованы одно в другом два белых кольца — опознавательный знак эскадрильи. Из кабины «чато» выпрыгнул плотный, широкоплечий летчик. Взяв из рук моториста белый эмалированный кувшин, он большими глотками стал пить. Тонкие струйки текли по его лицу и на выгоревшую от солнца летную кожаную куртку. Сняв шлем, он взъерошил рукой мокрые темно-русые волосы.

Добровольцы слышали, как механик, обращаясь к летчику, непрерывно повторял:

— Камарада Родриго! Камарада Родриго! Значит, это и есть Анатолий Серов, командир эскадрильи.

Но поговорить с комэском им так и не удалось. Резко зазвонил привязанный к небольшой стремянке телефон. Взяв трубку, Серов сделал знак рукой.

Сухо треснул выстрел ракетного пистолета. Описавдугу, зеленый шипящий комок ударился о землю и рассыпался сотнями искр.

Летчики бросились в кабины самолетов. По стоянке гуетливо забегали, запуская двигатели истребителей, автостартеры. Над аэродромом повис гул заработавших моторов.

Вновь взвилась ракета. Не выруливая на старт, истребители звеньями устремились в небо. Подстраиваясь на ходу к ведущему, они быстро набрали скорость и исчезли за вершинами гор. Над летным полем медленно оседала пыль, взвихренная ушедшей в бой эскадрильей…

Испытание боем

Под вечер с гор потянул едва ощутимый прохладный костерок. Сидя на ящиках из-под боеприпасов, Евгений Степанов и командир звена Антонов вели неспешный разговор. Возле истребителя работал механик Степанова Лирике.

— Ты на каких типах истребителей летал? — спросил Антонов. — Последний год на И-16.

— Что за беда: кто ни приедет в Испанию, все на «И-шестнадцатом» летали. Наверняка и ты просился в эскадрилью «москас».

— Просился.

— Зря. И-15 — хорошая машина. Самолет маневренный, на фигурах устойчивый. В бою с «фиатами», да еще над горами, «чато» незаменим. Правда, с «мессерами» сложнее, в особенности на вертикалях… Знаешь что: садись сейчас в кабину. Раз на «шестнадцатом» летал, на И-15 тебе нетрудно будет.

С удовольствием вдохнул Степанов тот особенный, с юности знакомый запах смеси эмалита, бензина и масла, который отстаивается в кабине каждого самолета.

Командир звена подозвал механиков. Те подняли я пост самолета и поставили его на козелок.

— Сидеть удобно? — спросил Антонов.

— Да!

— Как обзор?

— Нормальный.

Подошел автостартер, и механик начал соединять его хобот с храповиком винта истребителя.

— Сделай две пробежки по земле, потом взлетай.

Я тебя прикрою. Смотри, верти головой на триста шестьдесят, шею не жалей. Здесь, — он указал рукой в небо, — раззяв не любят.

Заработал двигатель. Знакомый рокот мотора, лямки парашюта, туго обхватившие плечи, и задрожавшие на циферблатах приборов стрелки привели Степанова в привычное состояние предполетной собранности.

Известно в авиации: летчик показывает себя на взлете и посадке. И хотя задание, которое получил Евгении от своего инструктора, было простое, курсантское, Степанов знал, что за его полетом будут наблюдать несколько десятков опытных, придирчивых глаз, и волновался. «Не опозорься», — приказал он

себе.

Сделав две пробежки по земле, Евгений взлетел. Взлет и посадка прошли нормально. Это он понял по улыбке и ободряющему жесту механика Энрике. Снова уйдя в воздух, он набрал высоту и выполнил каскад фигур высшего пилотажа. Вверху Евгений видел кружившийся самолет Антонова.

Маневренный «чато» понравился Степанову.

Сумерки легли на горы и землю, а Евгений продолжал крутить одну за другой пилотажные фигуры. Подлетел Антонов и показал рукой вниз. Истосковавшись по самолету, Степанов был готов до бесконечности носиться на своем вертком истребителе по еще незнакомому небу Испании. Но время было идти на посадку…

Еще два дня ушли на отработку приемов воздушного боя. Вот когда Евгений в полную меру оценил виртуозное мастерство своего наставника. Веселый и шумливый на земле, Антонов в воздухе становился собранным, напористым. От его внезапных, стремительных атак деться было некуда.

— Учти, Женя, — говорил командир звена, — хотя в небе места много, но когда самолеты сходятся в бою, и воздухе становится тесновато. В этой тесноте и сутолоке нужно видеть все: противника и своего командира, товарища, которому следует помочь, и многое другое. Поэтому все время смотри, смотри и смотри… И еще, как говорил Суворов, идя вперед, знай, как воротиться. Это к тому, чтобы ты очертя голову в драку не лез.

На третий день Серов в учебном воздушном бою проверил подготовку прибывших в эскадрилью добровольцев. После приземления коротко сказал:

— Можно в бой…

Смеркалось. Потемнели невысокие горы на горизонте. Над аэродромом тишина.

О чем-то негромко поет механик Серова Карлос, помогая Энрике подкрасить белым эмалитом выведенную на борту самолета шестерку. Механики — земляки, оба из Хихона, шахтерского города на севере Испании.

Вдоль взлетной полосы медленно идет открытая легковая машина. Летчики-ночники дежурного звена осматривают направление взлета. Укутанные брезентом истребители ждут своего часа.

Этот час для Евгения наступит с рассветом. Завтра в бой!

У себя на Родине Степанов не был новичком в небе. Там он летал на первоклассных по тому времени истребителях. Те, кто дал ему крылья, знали свое дело хорошо. Но завтра… «Завтра в прицел твоего истребителя войдет не в парусиновый конус-

мишень, не белый квадрат на полигоне — завтра перед тобой будет реальный противник», — так говорил Степанову час назад Серов.

С карабином в руке мерно прохаживается по стояние одетый в серый комбинезон и легкие парусиновые туфли часовой. Обманчива тишина на войне. В любой момент она может взорваться гулом моторов, разрывами бомб, треском пулеметных очередей.

Евгений лежит на порыжевшей от солнца траве. Уходить с аэродрома не хочется. «Чато» в полном порядке, но Энрике целый день возится у самолета. Еще бы! Его хефе[25] завтра идет в свой первый бой.

На землю рядом со Степановым присел Михаил Якушин. Сегодня он командир ночного патруля. Михаил быстро сдружился с вновь прибывшими пилотами.

— Что, о завтрашнем дне думаешь?

— О чем же еще…

— Понимаю! Ты давно летаешь, Женя?

— Семь лет. А что?

— Сколько раз ты видел разрывы зенитных снарядов?

— Раза два, — неуверенно проговорил Степанов.

— Ну и я не больше, пока не приехал сюда. В первом боевом вылете попали мы под сильный зенитный огонь. Наше звено — шли мы справа от Еременко — рванулосьв сторону. Потом пришлось догонять ведущего. Нужно сказать, здорово растерялись. А в начале июля мы впервые столкнулись с «мессершмиттами». Ты учти — машина опасная. Немцы сажают на «мессеры» лучших, проверенных пилотов. Мы уже слышали, что такие машины у фашистов есть, но в бою с ними еще не встречались. Так вот, в том бою я дал маху — моментально у меня на хвосте очутился фашист. Наверное, не пришлось бы нам с тобой беседовать, если б не Леня Рыбкин. Он заметил, что пулеметные трассы обжигают мою «восьмерку». Дело решали секунды. Леонид довернул свой «чато» и нажал гашетки. «Мессер» окутался паром и повалился вниз. Видно, Рыбкин повредил ему систему охлаждения мотора. После боя осмотрели хвостовое оперение моего истребителя — пробоин насчитали столько, что пальцев на руках не хватило…

— А куда же делся этот Рыбкин? — спросил Евгений. — Почему его сейчас в эскадрилье нет?

— Беда случилась. Дня за два до вашего прибытия Леня вышел из строя. Кровоизлияние у него от перегрузок, почти ослеп.

— Жалко.

— Хочу тебе, Женя, напомнить, еще вот о чем: «фиата» близко не подпускай. Из четырех пулеметов у него два крупнокалиберных, а они как секиры.

— Учту, Миша.

К ним подошли Энрике и Карлос.

— Эста тодо комформэ! Все в порядке! — доложил механик.

— Тебе пора отдыхать, Женя, — поднимаясь, сказал Якушин. — Аста маньяна! До завтра! — попрощался Михаил с механиками.

Летчики медленно пошли вдоль стоянки. Часовой отсалютовал карабином.

— А ты, Миша, быстро научился испанскому.

— Благодаря самим испанцам. Наши главные учителя — механики. Они нас учат испанскому, мы их — русскому. Надо же понимать друг друга.

Подойдя к дому, Евгений еще несколько минут постоял на улице. По небосклону скатился яркий золотистый комок. Метеорит, наверное… На другой стороне улицы послышались аккорды гитары, мягкий баритон запел протяжную песню.

Евгений осторожно прикрыл калитку и вошел в дом.

Утром эскадрилья ушла к линии фронта. Это был первый боевой вылет Никиты Сюсюкалова, Семена Евтихова, Виктора Кустова, Михаила Котыхова, Григория Попова, Алексея Горохова и Евгения Степанова.

На исходе двадцатая минута полета. Степанов летит правее Антонова. Он ведомый.

Показалась линия фронта. Блеснула извилистая лента реки Эбро. Эскадрилья резко отвернула от курса. «Неужели противник?» — заволновался Степанов. Истребители, набирая высоту, нырнули в синеющее между облаками окно. Пропали все наземные ориентиры. «Чатос» летели над белой пеной облачности, расстилавшейся от горизонта до горизонта.

Сигнал Серова — и эскадрилья отвесно пошла вниз. «Зачем мы теряем нужную для боя высоту? Ведь противника нет?» Едва Евгений успел это подумать, как ниже себя заметил пятнистые от камуфляжа самолеты. Сливаясь с фоном местности, они мчались к переднему краю.

Противник! Забыв о наставлениях, данных ему перед вылетом, Степанов уже ничего, кроме фашистских истребителей, не замечал. Пальцы обеих рук впились в гашетки пулеметов, воздух располосовали пулеметные очереди. Только когда «чатос» прорвались сквозь боевой порядок «фиатов», Евгений отпустил гашетки.

После первой атаки строй эскадрильи раскололся на

отдельные группы.

Евгений уже не видел ни Антонова, ни Серова. С трудом разбираясь в происходящем, он пятнадцать минут носился среди крестастых машин. В глазах мелькали свои и фашистские самолеты. Входили и выскальзывали из прицела «фиаты». В бешеном хороводе крутились самолеты, земля и серо-оранжевые горы.

Бой оборвался внезапно. Маневрируя, «фиаты» ушли к Сарагосе, под защиту своих зениток. Неожиданно для себя Евгений опять оказался рядом с Антоновым. Тот махнул рукой, давая сигнал подстроиться.

«Что ж теперь будет? Командира потерял, ни одного фашиста не сбил. Не похвалят меня за этот вылет», — удрученно думал Степанов.

Показался Бахаралос. Над аэродромом кружилось несколько И-15. Командир звена подал сигнал идти на посадку.

Евгений нехотя вылез из кабины. Подошел Антонов.

— Как, камарада, понюхал пороху? Чего грустный? Утомился?

Евгений с удивлением посмотрел на командира звена:

— Утомиться не утомился, а веселиться вроде бы не с чего.

— Как не с чего? Двоих фашистов свалили, свою пехоту и танки прикрыли. Разве мало?

— Ведь не я сбил.

Антонов свистнул:

— Ах вот ты о чем. Если после каждого вылета так убиваться будешь, надолго тебя не хватит.

— Пустят опять в бой?

— Серова спроси.

Командир эскадрильи закончил короткий разбор вылета. Поблагодарив Мастерова и Короуза за сбитых «фиатов», он задержал Антонова и Степанова.

«Обо мне разговор будет», — подумал Евгений.

— Давайте присядем. В ногах правды нет. Серов опустился на землю. Присев на корточки, Антонов чертил пальцем что-то у своих ног. Степанов, опустив голову, не шевельнулся.

— Расскажи, Женя, что в воздухе видел? — спокойно спросил Серов. — И не стой, садись.

На лице командира светился неподдельный интерес к тому, что ответит летчик, вернувшийся из первого в своей жизни боевого вылета.

— Что видел? — переспросил Степанов — «фиаты» видел. По-моему, бой недалеко от Сарагосы вели. Взглянув на Серова, он замолчал.

— Так много сразу рассмотрел? Как тебе «фиат» показался? — постукивая спичечным коробком о пачку «Казбека», спросил Анатолий.

— Смахивает немного на И-15.

— А есть различия?

— Конечно. Вытянутый нос. Обтекатели на шасси. Радиатор. Да и крупнее он нашего И-15.

— Ты сам все это увидел или тебе Антонов перед вылетом расписал?

— И Антонов, и сам.

— Почему издалека огонь по фашистам открыл?

— Не знаю. Какая-то лихорадка охватила. Пикирую, пальцы к гашеткам прилипли — не оторвешь. Потом началось такое…

Серов посмотрел на Антонова и улыбнулся. Ему понравилось, что Степанов честно рассказывает все как было.

— Знаешь, кто на «фиатах» летает?

— Известно, итальянцы.

— В общем, правильно. Хотя и не одни итальянцы. Но всяком случае, на фашистских истребителях летают подготовленные пилоты. А ты забыл об этом. Давай посмотрим на тебя со стороны. Согласен? В бою ты вел себя храбро, но неосмотрительно. Огонь с дальней дистанции открыл. Что же получилось? Во-первых, израсходовал впустую боезапас. Во-вторых, пилоты противника по такой стрельбе сразу могли догадаться, что ты еще «зеленый». Ну, а дальше сам додумай, что могло произойти. Хорошо, что он, — Серов кивнул на Антонова, — далеко от тебя не отходил.

— Я рядом никого не заметил, — удивился летчик.

— Помнишь пословицу: «Один в поле не воин»? Ты сегодня воевал, вернее, пытался воевать один. Бросил ведущего, вывалился из строя эскадрильи. Хорошо, что не попал в окружение этих волков. — Серов чиркнул спичкой о коробок. — Сгорел бы, как она. Понял?

— Тяжело все-таки в настоящем воздушном бою, — признался Евгений. — Накрутился. Голова гудит…

— Легко о войне кинофильмы смотреть да девушкам байки гнуть, — вмешался все время молчавший Антонов.

— Ну как, Антонио, пустим его еще раз? У Евгения перехватило дыхание.

— Хватка есть. Будет мозгами шевелить — будет летать, — подвел итог Антонов. Командир эскадрильи встал.

— Готовься. Пойдешь справа от меня. Но не отрываться, — погрозил он пальцем Евгению.

Прошла неделя. Уже не раз Евгений Степанов уходил в небо

войны. Вместе с товарищами сопровождал Р-зеты. Огражал налеты фашистских бомбардировщиков. Летал с Серовым на разведку к Уэске и Сарагосе. Но на его счету еще не было ни одного сбитого фашиста. Это удручало летчика.

Полчаса назад Анатолий Серов произнес свое уже павшее привычным: «Время в полет».

Эскадрилья подошла к линии фронта. Разворот. Завиднелись пригороды Сарагосы. И тут со стороны Иберийскихгор появились двухмоторные машины. Над ними и по сторонам вились «фиаты».

Степанов несколько раз качнул самолет. Комэск сделал рукой успокаивающий жест: «Вижу».

«Нужно атаковать! Чего он медлит?» — волновался Евгений. И только когда «чатос» со стороны солнца бросились в атаку, он оценил выдержку Серова.

Серов и Короуз в упор расстреляли флагман бомбардировщиков. Опустив вниз остекленный нос, самолет пылающим факелом врезался в оливковую рощу.

Степанов атаковал замыкавший колонну бомбардировщик. Сближаясь, он успел рассмотреть вытянутый веретенообразный фюзеляж, обрубленные концы крыльев и двухкилевое хвостовое оперение самолета. Широкие моторные гондолы придавали незнакомой машине внушительный вид. «Нет, это не «юнкерс», у того форма крыла другая». Нацелившись в пространство между килями, Евгений старался поймать в перекрестие прицела кабину пилота. «Да ведь это «Дорнье-17», — осенила его догадка.

Евгений нажал гашетки. Фашист огрызнулся огнем. «Попробую с нижней полусферы». Опять на «чато» посыпался раскаленный металл. «Значит, у него и внизу пулемет? Нужно подойти ближе». Евгений подвел истребитель под углом к фюзеляжу бомбардировщика. Выбросив темные капли бомб, «дорнье» увернулся в сторону. Увеличив скорость, он устремился к Сарагосе. «Уйдет, проклятый!» Резким переворотом Евгений ввел машину в пике. К нему кинулись два «фиата». Открыв огонь с дальней дистанции, их пилоты пытались отсечь «чато» от бомбовоза.

«Чато» нырнул под пулеметные трассы фашистских истребителей. «Фиаты» пронеслись выше. Евгению казалось, что он уже целую вечность кувыркается возле будто заколдованной от огня фашистской машины.

Наконец в перекрестии прицела появилась передняя часть «дорнье». Степанов нажал гашетки, свинцовый град ударил в бомбардировщик. Из правой моторной гондолы потянулся дым. Самолет лениво качнулся. Евгений вновь нажал гашетки. «Дорнье» вспыхнул. Задрав вверх хвост, волоча за собой широкий

буро-коричневый шлейф дыма, бомбовоз скользнул на левое крыло и стал падать на город.

Как завороженный, Степанов смотрел на падающуювражескую машину. «Сбил, сбил, сбил», — стучало в висках… Забыв о том, что бой не окончен, он снижался вслед на горящим бомбардировщиком. «Дорнье» несся к серому прямоугольнику, на котором выделялись три ярко-оранжевые трубы. «Цементный завод», — догадался Евгений, вспомнив инструктаж Серова. Какое-то шестое чувство заставило летчика оглянуться. Он увидел подсвеченный солнцем серебристый диск винта — сзади на него делал заход «фиат». Всей спиной он ощутил дульные срезы раскаленных стрельбой пулеметов фашистского истребителя. Неужели конец?..

Евгений резко ввел машину в переворот. Противник промедлил. Но все же очереди пулеметов «фиата» полоснули по хвостовому оперению. «Чато» сразу сорвался в штопор.

Над островерхой крышей Сарагосского собора Евгений с трудом вывел в горизонтальный полет едва не врезавшийся в землю истребитель. Осмотрелся. Атаковавший его «фиат» падал вниз. Над ним стремительно набирал высоту И-15. «Кому-то я жизнью обязан», — подумал Степанов.

После посадки к нему первым подбежал Антонов:

— Молодец! Поздравляю!

Командир звена так радостно улыбался, будто не было только что этого изнурительного боя и над каждым из них не висела смертельная опасность. Товарищи дружески хлопали Евгения по плечу. Энрике восторженно смотрел на своего командира.

Подошел Серов:

— Ну как?

— Сбил!

Серов взглянул на хвостовое оперение самолета. Подергал свисавшие с обшивки стабилизатора и рулей клочья перкаля, пощупал пробоины в крыльях.

— Как же ты вывернулся?

— Сейчас не отвечу. Нужно подумать. Командир эскадрильи улыбнулся:

— Думай. За сбитый хвалю! А то, что разрешил фашисту себе на хвост сесть, — плохо.

Голос был строг, но глаза комэска смотрели доброжелательно.

Сигнал с командного пункта вновь поднял истребители в воздух. Степанов остался на аэродроме. Остаток дня вместе с Энрике он проработал у израненноймашины. Пришлось вспомнить навыки, полученные когда-то в железнодорожном

училище и планерном кружке…

Еще Иван Еременко ввел в эскадрилье правило: по окончании дня обмениваться мнениями о проведенных боях.

Так было и в этот вечер. Под брезентовым тентом столовой царило оживление. Пришла долгожданная почта. Бережно разрывали конверты с письмами. Жадно набрасывались на газеты и журналы, присланные из Советского Союза.

Ужин не начинался. Ждали командира эскадрильи, уехавшего на Каспе, в штаб истребительной авиагруппы. Когда вошел Серов, вслед за ним появилась официантка Сильвия — смуглая, стройная девушка с копной иссиня-черных волос, в которые были умело вплетены красные и белые розы. Всегда сдержанная и застенчивая, она вдруг подбежала к комэску и несколько раз поцеловала его. Оставив на середине палатки застывшего от изумления Серова, Сильвия вслед за ним расцеловала сидевших рядом Антонова и Степанова. Поцелуй пришелся и на долю смущенного Вальтера Короуза.

— Но э компрэндидо! Не понимаю! — поднял руки вверх Анатолий.

— Муй аградэсидо! Очень вам благодарна! Ой кумпло десиочо аньос! Сегодня мне восемнадцать! Грасьяс пор су обсэкьо! Благодарю за подарок!

Сильвия подняла вверх три растопыренных пальца. Только тут летчики поняли, что сбитые два «дорнье» и «фиат» Сильвия приняла как подарок ко дню своего рождения. Ведь поцелуи достались тем, кто сегодня одержал победу в воздушном бою.

Начались шумные поздравления. Из-за стола вышел Рыцарев. Подойдя к девушке, он поклонился.

— Бриндемос пор вуестра салут! Пьем за ваше здоровье! — громко сказал Александр.

Подняв над головой бокал искристого вина, девушка сделала реверанс…

Когда ужин подходил уже к концу, Антонов постучал вилкой о край тарелки:

— Внимание! Сегодня у нас есть еще один именинник. Но только, тезка, не проси, чтобы я тебя поцеловал. Пустьлучше Сильвия сделает это еще раз, — подмигнул он Степанову.

Услышав постукивание о тарелку и свое имя, Сильвия, почти не понимавшая по-русски, подумала, что камарада Антонио просит добавочную порцию. Скользнув за перегородку, она поставила перед ним полную тарелку жареного картофеля с большим куском баранины:

— Сирбасэ устэ! Угощайтесь, пожалуйста!

— Это тебе вместо второго поцелуя, — поддел Антонова

Якушин.

Палатка наполнилась дружным смехом.

— Слушать будете? — с трудом остановил развеселившихся летчиков Антонов.

Дальше Степанов узнал о прошедшем бое такие подробности, которых он и не подозревал. Очень образно пересказал Антонов все мучения Евгения с «дорнье». Рассказал так, будто сам сидел в кабине его истребителя. В некоторых местах рассказа кто-то из летчиков вставлял замечание или отпускал острое словцо.

К Евгению наклонился Серов:

— Не обижаешься?

— Нисколько. Даже интересно.

— Если так, то хорошо. Да, а ты поблагодарил летчика, который снял «фиата» с твоего хвоста?

— До сих пор не знаю, кто это был. Думал, мой спаситель сам объявится.

Серов укоризненно покачал головой и глазами показал на Антонова.

Выйдя из столовой, добровольцы небольшими группами медленно двинулись к белевшему в темноте зданию общежития. Прохладный ветер шелестел листьями деревьев. В небе громоздились темные облака. Ярко вспыхнула молния, за горами раздались раскаты грома.

— Всегда так. Погрохочет-погрохочет, а дождя нет. Удивительно здесь природа устроена, — сказал шедший рядом со Степановым Антонов.

— Нам еще привыкать и привыкать к Испании. А хорош, значит, я был, если со стороны посмотреть, — проговорил Степанов, все еще находившийся под впечатлением только что прошедшего разговора.

— Ты все об этом? Думаешь, мы в первых боях выглядели лучше? Уверяю — нет. Но первый бой, в особенности первый сбитый самолет, многому учит.

— Знаешь, у меня до сих пор перед глазами этот «дорнье» крутится…

— Знакомое чувство. Ты хоть сегодня ужинал с аппетитом. А я как сбил первого фашиста, так о еде и сне забыл. От радости носился по аэродрому и хвастал. Еременко это надоело. Вызвал к себе и сказал: «Не перестанешь бегать по стоянкам и приставать ко всем со своим «юнкерсом» — отправлю заведовать хозяйственной частью вместо Альфонсо. Там и наговоришься».

Помолчали.

— Хочу поблагодарить тебя, Антонио, — решился наконец Степанов.

— За что? — удивился тот.

— Извини, что поздно. Ведь это ты срезал «фиата»?

— Пустяки…

Евгений крепко сжал руку товарища.

Не раз после этого памятного дня Степанов поднимался в огненное небо войны. Испания, Монголия, Западная Белоруссия, Карельский перешеек, небо Москвы… В неравном бою сбивал врагов. Видел гибель друзей. Сам, израненный, покидал горящую машину. Но первый сбитый над Сарагосой фашистский «дорнье» запомнился навсегда…

Утром истребитель сверкал свежей краской, и, только присмотревшись, можно было обнаружить аккуратно поставленные заплаты. «Молодец Энрике! Отличная работа». И тут Степанов увидел завернувшегося в моторный чехол крепко спящего механика — видимо, тот всю ночь не отходил от самолета.

Евгений присел на ящик, стоящий у истребителя. Вынул из планшета блокнот и начал быстро наносить карандашом на бумагу свой «чато», здания Сарагосы, горящий фашистский бомбардировщик. Он хотел зарисовать финал вчерашнего боя.

Подошли Антонов и Аделина. Командир звена придирчиво осмотрел самолет. Удовлетворенно сказал:

— Золотые руки у твоего механика. Потом заглянул в блокнот Степанова.

— А похоже, — удивленно протянул он. — На память Сильвии за вчерашний поцелуй?

— Нет, для себя.

Голоса разбудили механика.

— Вылазь, Энрике, из своей спальни, — засмеялся Антонов. — Нагрузил тебя новый командир работой?

Энрике Гомес, с осени тридцать шестого года работавший с советскими летчиками, все еще с трудом изъяснялся по-русски. Ему на помощь пришла Аделина.

— Не страшно, камарада Антонио. Эта машина живучая. Помните, в каком виде ее из-под Мадрида привезли?

— Как не помнить, — откликнулся Антонов и, обернувшись к Степанову, объяснил: — На твоем «чато» раньше Миша Петров летал. Горел он над Мадридом…

С волнением выслушал Степанов рассказ о посадке на нейтральной полосе, о спасении советского летчика республиканскими бойцами, о том, как Рыцарев и Энрике с помощью солдат из-под носа марокканцев вытащили обгоревший истребитель и через несколько дней восстановили его. Узнал Евгений и о том, что Еременко, веря в возвращение Петрова,

долго не разрешал никому летать на его самолете.

Пока Антонов говорил, Энрике печально качал головой. Потом сказал:

— Несколько раз я ездил к Михио. А он все улыбался: «Мы с тобой еще повоюем, Энрике». Но мой командир так и не вернулся. Ожоги оказались очень тяжелыми. Его отправили в Валенсию, а потом в Советский Союз…

Евгений положил руку на плечо испанца:

— Не знал, что летаю на таком истребителе…

— Женя, покажи ему рисунок, — попросила Аделина. Евгений вынул из планшета блокнот. Энрике с интересом рассматривал карандашный набросок: «чато» в развороте, ниже — падающий «дорнье».

— Вот так мы с тобой фашиста завалили, Энрике! Испанец смутился, но видно было, что слова Степанова ему понравились.

— Камарада Эухенио, подарите мне ваш рисунок, — попросил он.

Степанов вырвал из блокнота листок. В углу сделал надпись: «Моему испанскому другу Энрике Гомесу в память о первом сбитом нами фашисте».

— Мучас грасьяс! Большое спасибо! Бережно сложив рисунок, Энрике засунул его в карман комбинезона.

В дальнем конце аэродрома заработали моторы истребителей. Антонов взглянул на часы:

— И нам пора.

В воздух взвилась сигнальная ракета. Евгений быстро надел парашют, застегнул шлем.

— К запуску, Энрике!

— По-испански это будет «эн марча», — подсказала Аделина.

— Эн марча, — повторил Степанов.

— Я готов, мой командир! — ответил Энрике.

Крылья Астурии

Над Альберисией медленно вставал рассвет. С севера, со стороны залива, появились темные дождевые облака, а над ребристой грядой Кантабрийских гор протянулась розовая полоска зари.

Вместе с рассветом на землю Астурии и северной части Старой Кастилии вновь обрушилась лавина артиллерийского огня и авиационных бомб…

Двое суток назад группировка мятежников, пополненная переброшенными из-под Брунете марокканскими частями, легионерами и бригадами «Наварра», при мощной поддержке авиации начала наступление вдоль шоссейной и железной дорог Валенсия — Сантандер. А на исходе ночи 16 августа соединения итальянского экспедиционного корпуса нанесли удар с востока. Они рвались к перевалам Кантабрийских гор — отсюда открывалась дорога в глубь Астурии.

Чтобы помочь защитникам севера, республиканское командование в эти дни в глубокой тайне готовило наступление на Арагонском фронте в направлении на Сарагосу. Этим предполагалось оттянуть с севера часть сил мятежников и интервентов…

Эскадрильи Ивана Евсевьева и Леопольда Моркиляса готовились к вылету в район южнее Рейносы, куда выходил авангард мятежников.

Невдалеке от стоянок, развернув полетную карту, разговаривали командующий авиацией Северного фронта Мартин Луна и его советник Федор Аржанухин.

— Есть добрые вести, коронель, — проговорил Мартин Луна.

— На нашем фронте добрые вести? — удивился Аржанухин.

— Си, коронель, — улыбнувшись, подтвердил командующий. — Имеются сведения, что к нам на пополнение прилетят «москас». Приведут их молодые испанцы, недавно закончившие обучение в Советском Союзе.

Луна ногтем провел на карте линию от Алькалы-де-Энарес к Сантандеру.

— Они повторят маршрут эскадрильи камарада Ухова. Мне известно, что они прекрасно подготовлены. А вас, коронель, буду просить выделить в качестве дублера их командира одного из советских летчиков.

— Но мне пока ничего не известно, — пожал плечами

Лржанухин.

Луна развел руками:

— Шифровки, как часто бывает, могут прийти в последнюю минуту. Сегодня ночью к нам прилетал транспортный «Дуглас». Офицер связи передал мне устное распоряжение Игнасио Сиснероса — готовиться к приему «москас».

— Это серьезная помощь. Ведь в эскадрилье И-16 осталось всего четыре летчика. Правда, — улыбнулся Аржанухин, — теперь и Рафаэль Магринья считает себя «русо пилото».

— Он гордится, что летает ведомым камарада Иванио[26]. Признаться, я опасался, сумеет ли он так быстро переучиться. Теперь вижу, что боялся зря…

Над аэродромом взвились сигнальные ракеты. Луна и Аржанухин направились к центру летного поля, откуда удобнее было наблюдать за взлетом уходивших в бой истребителей…

В эскадрилью Ивана Евсевьева Рафаэль Магринья попал при таких обстоятельствах.

В бою над Торрелавегой «чато» Рафаэля получил более двухсот пробоин. Все же испанец привел истребитель к своему аэродрому. Но при заходе на посадку заклинило работавший с перебоями двигатель. Едва коле-га самолета коснулись земли, как отвалилось хвостовое оперение. Магринья остался без боевой машины. С этого дня его словно подменили: всегда веселый и общительный, он стал хмурым и неразговорчивым. А через несколькодней в эскадрилье «москас», прикрывавшей прорыв в порт Хихона кораблей с медикаментами и боеприпасами, выбыл из строя Владимир Николаев. Он был тяжело ранен. Потеряв много крови, летчик нашел в себе силы посадить машину на берегу залива. В бессознательном состоянии его подобрали рыбаки и доставили в госпиталь Хихона; один из них отдал свою кровь для переливания советскому пилоту. А исправный И-16 перегнали на Альберисию.

И вот Рафаэль Магринья стал подолгу проводить время у оставшегося без пилота истребителя. Механик самолета охотно отвечал на вопросы Рафаэля, а однажды разрешил ему забраться в кабину.

— Думаешь оседлать «мушку»?

— Если бы разрешили! — вздохнул Магринья.

— Трудно будет, машина скоростная.

— Но истребитель стоит без дела. Разве это годится?

За этим разговором их застал комэск Иван Евсевьев.

— Ты чем здесь занимаешься? — спросил он сидевшего в кабине Рафаэля.

Не понимавший по-русски Магринья все же догадалася, о чем

его спрашивают.

— Готовлюсь летать на «мушке», — смело ответил он и для убедительности шевельнул рулем высоты и элеронами.

Комэск задумался. Для того чтобы выпустить в полет на скоростном И-16 пилота, летавшего раньше на И-15, следовало сначала вывезти его на двухместном учебно-тренировочном истребителе. Но такой машины у них не было. Смущало Евсевьева и то, что испанец не знает русского языка. Как объяснить ему особенности пилотирования на И-16?

Все это Евсевьев попытался объяснить Магринье.

— Но, мой капитан, я знаю много русских слов, — горячо возразил Рафаэль. И раздельно произнес: — Товарищ Ленин! Революция! Коммунизм!

В короткие перерывы между боями Евсевьев и Кузнецов, неплохо овладевший испанским языком, начали заниматься с Магриньей. Испанец оказался способным учеником.

Не без сожаления отпустил Леопольд Моркиляс одного из лучших пилотов своей эскадрильи. Но когда Магриньяобратился к нему за разрешением, Моркиляс ответил так:

— Довелось мне на Южном фронте летать вместе с одним «камарада русо» — фамилия его Баранчук. Он учил меня воевать. Учил и русскому языку. Так вот, есть у русских такая поговорка: «Ни пуха тебе, ни пера».

…Сгорели пущенные с командного пункта зеленые ракеты. Ревя моторами, пошли на взлет «москас». За ними в воздух устремились «чатос». Приняв боевой порядок, они легли на курс к южным склонам Кантабрийских гор.

Показалась объятая пожаром Рейноса. Обогнув с востока город, «чатос» вышли к крутому изгибу шоссейной и железной дорог Паленсия — Сантандер. Вскоре они обнаружили две колонны фашистских танков и автомашин.

Пересекая курс республиканским истребителям, в воздухе встала плотная стена зенитного огня. Тогда от строя отделились Ладислав Дуарте, Сан Хосе и Хуан Комас. Они бросились на огневые позиции зенитных орудий и пулеметов. Остальные по сигналу Моркиляса обрушили на фашистов мелкие бомбы и ливень пуль.

После третьего захода шоссе потонуло в клубах черного дыма. Рвались боеприпасы, пылали цистерны с горючим. В последний раз «чатос» пронеслись над разгромленной колонной и развернулись на север.

Иван Евсевьев, «москас» которого осуществляли прикрытие, видел, как выскочивший последним из дыма «чато» был прошит очередью крупнокалиберного зенитного пулемета. Вспыхнув, он

едва не врезался в склон горы. Летчику все-таки удалось вырвать машину из пике. Охваченный огнем истребитель устремился вдогонку за эскадрильей.

Летевшие выше основной группы Евсевьев и Магринья, снизившись, шли на некотором удалении от попавшего в беду летчика. По бортовому номеру они определили, что горит самолет Сан Хосе. «Тяни, браток, тяни, еще немного до своих осталось», — хотелось крикнуть Евсевьеву, знавшему, что ожидает летчика в случае посадки на территории, занятой мятежниками. Понимал это, конечно, и Сан Хосе. Едва истребители оказались над позициями своих войск, он повел самолет вниз. Пылающий «чато» приземлился на обрывистом берегу горной реки. Выскочив из кабины, летчик в горящей одежде бросился к воде. Путь ему преградили разрывы артиллерийскихснарядов: линия фронта была рядом. Но он бежал, падал, поднимался и вновь бежал к спасительной воде.

Заметив, откуда стреляла фашистская батарея, Ев-севьев пулеметным огнем разогнал расчеты орудий. На бреющем полете он пронесся над местом вынужденной посадки Сан Хосе. Увидев лежащего в воде летчика и спешивших к нему республиканских бойцов, комэск еще раз прошел над вражеской батареей, поливая фашистов пулеметным огнем. Затем он поспешил догонять своих.

Эскадрилью Леопольда Моркиляса и прикрывавшую ее тройку И-16 они догнали над Торрелавегой.

Подойдя к Альберисии, «чатос» пошли на посадку, а «москас», не меняя высоты, стали над аэродромом в круг.

Евсевьев настороженно всматривался в серую пелену над горизонтом. И вдруг увидел: над заливом, под облаками крадутся фашистские бомбардировщики. Фашисты летели двумя группами, видимо намереваясь напасть на аэродром. Условным сигналом комэск указал Демидову, Кузнецову и Козыреву на летающие лодки «дорнье». А сам вдвоем с Рафаэлем, прикрываясь облаками, пошел на сближение с «савойями» второй группы.

Ошеломленные дерзкой атакой, бомбовозы попытались уклониться в сторону. Этим минутным замешательством и воспользовались республиканские истребители. Им удалось сбить одну «савойю».

И в тот же момент от кромки облаков на встречно-пересекающемся курсе к Евсевьеву бросился «мессершмитт». «Охотники подошли», — мелькнуло в голове у комэска. Навстречу «мессеру», закрывая своим истребителем командира, рванулся Магринья. Тремя длинными пулеметными очередями он пронзил врага. Густо задымив, вражеский истребитель рухнул в залив.

Рафаэль вновь пристроился к ведущему. Знаком он показал

Евсевьеву, что у него кончились боеприпасы. «И горючего у нас не больше как на десять минут боя», — подумал комэск.

В просвете между облаками мелькнули еще несколько остроносых силуэтов «мессеров». Слева неслась пятерка «фиатов». Фашистские бомбовозы отходили, уступая поле боя истребителям. Вновь над заливом закрутилась смертельная карусель. Маневрировать по вертикали меша. ли спускавшиеся все ниже и ниже облака. Бой шел на виражах.

Круг, в котором носились республиканские и фашистские истребители, постепенно сужался, то опускаясь к волнам залива, то снова вздымаясь к облакам. Вдруг Евсевьев увидел, как на Рафаэля Магринью сверху бросился «мессер». Бортовое оружие испанца молчало. Он только успел развернуться навстречу врагу. Четыре дымные трассы вонзились в самолет Магриньи. Одновременно Евсевьев вогнал в «мессершмитта» весь остаток своих патронов. Разматывая сизый шлейф дыма, фашистский самолет волчком завертелся в воздухе. Над самыми волнами залива из его кабины выпрыгнул летчик, но парашют не успел наполниться воздухом.

Падал вниз и самолет Магриньи. Смотреть на это было невыносимо мучительно. Тяжело раненный в грудь, умирающий Магринья пытался совладать с собой и с непослушной машиной. А в затуманенном сознании Рафаэля проносилось самое дорогое…

Небо. Мальчишкой он лазил на самые высокие скалы у Таррагоны. «Хочу достать до неба», — говорил он друзьям. «Зачем тебе небо? В нашем городе каждый второй рыбак. Лучше посмотри, как прекрасно море», — отвечали ему. «Достану», — упрямо твердил Рафаэль. Революция дала крылья сыну бедного рыбака…

Ляля… Месяц назад он провожал ее из Хихона.

Ляля возвращалась в Россию. Она несколько раз поцеловала его, повторяя: «Береги себя, береги…» Прощально прогудел гудок парохода. Давно скрылся из виду быстроходный лайнер, а Рафаэль еще долго стоял на причале…

Все ближе и ближе береговая черта. Все ниже опускается к воде короткокрылый ястребок Рафаэля. А Евсевьев ничем не может помочь другу. Только про себя решает: «Как быть, если вдогонку идут фашистские истребители? Таранить? Да, таранить, но спасти Рафаэля»

Только бы дотянуть до берега! Вот уже прибрежная песчаная коса… Неожиданно машина испанца, опустив нос, с крутым правым креном резко пошла вниз. В последний момент Рафаэль вывел «моску» в горизонтальный полет. Но истребитель ударился

о гребни волн, опрокинулся и скрылся в морской пучине.

Не веря в случившееся, вне себя от горя, Евсевьев несколько раз прошел над местом, где упал самолет Магриньи. Но море было пустынно. Только свинцовые волны набегали на песчаную косу…

Подготовка к перелету республиканских истребителей на север, совпавшему с предстоящим наступлением на Арагонском фронте, потребовала дополнительных мер дезинформации противника. Прилетевшим из Эль-Кармо-ли на Алькалу-де-Энарес молодым испанским пилотам было объявлено, что они будут направлены на Южный фронт.

Из Альберисии «дуглас» доставил вызванного Птухиным Сергея Кузнецова. На время перелета ему предстояло возглавить девятку И-16. А собиравшемуся лететь вместе со своими питомцами Плыгунову за несколько часов до отлета приказали вновь возвратиться на Эль-Кармоли. Туда прибывала еще одна группа испанских пилотов, подготовленных в Советском Союзе, — в короткие сроки их надо было ввести в боевой строй.

Штабы республиканской авиации и советских летчиков-добровольцев разработали план предстоящего прорыва на север, который был утвержден командующим Игнасио Сиснеросом. Из тридцати двух испанских пилотов, прилетевших с Плыгуновым из Эль-Кармоли, для переброски на север отобрали всего восемь. Это были: Тарасона, Фрутос, Гонсало, Прадо, Уэрта, Саладригас, Токеро, Ране. Лидером истребителей был назначен Александр Сенаторов, экипаж которого не раз летал над Старой Кастилией и Астурией. Лидер и истребители должны были стартовать с Алькалы на рассвете 18 августа. Об этом знали немногие…

На исходе ночи летчики, ожидая приезда командующего ВВС Игнасио Сиснероса, находились в готовности у своих машин. Птухин давал последние указания экипажу лидера и Сергею Кузнецову. Здесь же находились Кутюрье и провожавший своих питомцев Плыгунов.

Едва посветлел горизонт, как приехал возвратившийся с Арагонского фронта Сиснерос. Поздоровавшись с советскими авиаторами, он вместе с Птухиным направился к строю испанских пилотов.

— Фирмес! Смирно! — скомандовал Кузнецов. Пытливо всматриваясь в лица молодых пилотов, Сиснерос медленно обходил строй. Сам отличный летчик, он прекрасно понимал всю сложность предстоящего им перелета. Впереди триста пятьдесят километров воздушного пути, из них больше двухсот — над территорией, занятой противником. С аэродромов Авилы, Сеговии, Бургоса, Витории фашисты могут поднять не один

десятокистребителей для перехвата лидера и идущих за ним И-16.

Два месяца назад он провожал в такой же рискованный полет эскадрилью Валентина Ухова. В ее составе находились опытные воздушные бойцы. И все же у Сиснероса тогда, как и сегодня, щемило сердце. Сейчас на север летят юные, необстрелянные пилоты. Опасен предстоящий рейд. Может быть, не все дойдут до Сантандера. Но другого выхода нет. Север ждет помощи…

— По самолетам!

Вспыхнула ракета. Рассекая воздух, рванулся со старта лидер. Вслед за ним на взлет пошли истребители. Когда от полосы оторвался последний самолет, Плыгунов, придирчиво наблюдавший за взлетом, тихо произнес:

«Молодцы!»

Птухин ободряюще потрепал его по плечу:

— Не грусти. Пожелаем ореликам удачи. Тебе же за них, Сережа, спасибо.

Истребители догнали СБ и, подойдя вплотную, как бы застыли сзади и выше него. Экипаж лидера внимательно следил за своими ведомыми.

— Хорошо идут. Даже не верится, что это молодые, — проговорил штурман Душкин.

Вот уже и Мадрид. В переговорном устройстве раздался голос стрелка-радиста Иванова, заменившего в этом вылете Мирека:

— Испанцы крыльями истребителей качают.

— Прощаются со столицей. Когда им вновь придется летать над ней! — откликнулся Сенаторов.

Развернувшись над Мадридом, лидер взял курс на север. Над горной грядой Сьерра-де-Гвадаррама они прошли на высоте пять с половиной километров. Бортовые термометры показывали тридцать градусов ниже нуля. Оглянувшись, Кузнецов придирчиво осмотрел строй. Чуть растянувшись, испанцы летели следом за ним. Нормально. Но как дальше будет? Ведь предстоит подняться еще на полторы тысячи метров, а на борту истребителей нет кислородного оборудования. И хотя Сергей знал, что иначе нельзя, что успех их перелета зависит от высоты и скорости, волнение не покидало его. Стрелка высотомера на приборной доске его истребителя подходила к семи тысячам метров…

— Прошли линию Центрального фронта, — предупредил экипаж СБ Душкин.

Теперь они летели над территорией, занятой врагом. По мере приближения к ставке Франко — Бургосу — напряжение летчиков возрастало.

Едва показался Бургос, как впереди и ниже республиканских самолетов небо вспучилось дымными шапками зенитных разрывов.

— Стреляют, — это прозвучал спокойный голос Сенаторова. — Зато истребители проспали нас.

— Проснуться недолго, — охладил его Душкин. Когда прошли ощетинившийся огнем Бургос, снизились до пяти тысяч метров. В кабинах потеплело, стало легче дышать. Кузнецов почувствовал, как спадает напряжение. Он был доволен своими ведомыми. Вспомнились слова Плыгунова: «За этих ребят ручаюсь, как за себя». Осматривая строй испанцев, он не предполагал, что в этот момент штурман лидера Иван Душкин крикнул в переговорное устройство: «Впереди под нами противник!» Сенаторов коротко приказал: «Приготовиться к бою!».

Прекратив снижение, СБ несколько раз качнулся с крыла на крыло. Тут и Кузнецов заметил расплывчатые силуэты идущих встречным курсом «фиатов». За ними показались двухмоторные Ю-86, над которыми летели истребители прикрытия. Но находившиеся значительно ниже фашисты не заметили лидера и истребители. Очевидно, они никак не ожидали встретить над своей территорией идущие с юга республиканские самолеты.

Южнее Торрелавеги лидер и истребители миновали линию Северного фронта. Показался объятый огнем Сан-тандер. Теперь уже совсем близко Альберисия — цель их полета.

Развернувшись над бухтой, где по-прежнему стояли военные корабли Англии и Франции, осуществлявшие «контроль» за действиями воюющих сторон, самолеты подошли к аэродрому. Серия красных ракет с земли запретила посадку. Нетрудно было понять почему: вся посадочная полоса дымилась воронками от бомб. Ярко пылал ангар. Садиться было некуда.

— Вот откуда они, сволочи, возвращались! — выругался Душкин. — Что будем делать, командир?

На летное поле выскочил «пикап». Объезжая воронки, он помчался к восточной границе аэродрома. В егооткрытом кузове горела дымовая шашка. Удерживая самолет силой моторов, Сенаторов осторожно подвел его к краю полосы и мягко прикоснулся колесами к земле.

Вслед за лидером сел Сергей Кузнецов. Не выключив мотора, он выскочил из кабины и поднял над головой белый флажок, разрешая посадку своим ведомым. Только когда села последняя машина, Сергей услышал рядом голоса. Он оглянулся. К месту приземления подходили Федор Аржанухин и Мартин Луна.

— Вовремя вы прилетели. Ох, как вовремя, — здороваясь,

проговорил Аржанухин.

— Грасьяс, Сергио, — обнял Кузнецова Луна.

— Где же Евсевьев и Моркиляс? — спросил Сенаторов.

— Штурмуют фашистов в горах. А вот и они, легки на помине, — указал Аржанухин на подходившие к Альберисии истребители.

В этот день в Сантандере не оказалось авиационного бензина.

— Только тот, что в баках истребителей, — сокрушенно сказал Сенаторову Аржанухин. — Последние недели все время перебои с доставкой горючего.

— А мы рассчитывали уйти от вас с наступлением темноты. Как же быть? Бензина, который у нас остался, до Мадрида, пожалуй, хватит. Но всякое может случиться в пути.

Аржанухин озадаченно молчал. Бензин снабженцы обещали доставить только к вечеру следующего дня. Но и держать большой двухмоторный самолет на подвергавшемся непрерывным бомбежкам аэродроме было рискованно.

— А что, если один бак залить автомобильным бензином? — предложил Луна. — У нас есть полтонны, самого высшего качества. Обратно будете лететь на авиационном. Ну, а если деваться будет некуда, переключите на бак с автомобильным. Работать двигатели будут. Правда, не знаю, потянут ли.

Когда слова командующего перевели Сенаторову, он воспрянул духом. Дело в том, что во время испытаний СБ, в которых ему довелось участвовать, опробовались разные сорта горючего, и моторы самолета, к удивлению специалистов, работали.

Решено было следующей ночью выпустить экипаж Сенаторова в обратный полет.

Ночью «юнкерсы» нещадно бомбили Сантандер и Альберисию.

— Пронюхали, шакалы, что ты, Александре, привел «москас», вот и не жалеют бомб, — сказал Луна, приехавший проводить экипаж Сенаторова в обратный путь.

— Фронт у вас Северный, а жарко, как на юге, — вздохнул Душкин.

— Если не жарче…

Пришел с радиостанции Аржанухин.

— Вас на Алькале ждут с рассветом.

Набирая скорость, «катюша» устремилась в темноту. Оторвавшись от земли, самолет низко пронесся над крышами Сантандера. В нескольких местах яркими факелами пылали зажженные «юнкерсами» дома.

— Под нами залив. Разворот…

Душкин не успел закончить фразу. Темнота раскололась ярким светом прожекторов и вспышками зенитных снарядов. Слепящий луч ударил в глаза Сенаторову. На мгновенье он потерял ориентировку. Что-то ударило в самолет. Раздался треск. Машину дернуло в сторону и швырнуло вниз. Еще не осознав, что произошло, ослепленный, оглушенный Сенаторов резко положил самолет на левое крыло.

Наконец понял: они напоролись на огонь военных кораблей, осуществлявших морской надзор согласно решению лондонского Комитета по невмешательству.

На пути СБ вспыхивали все новые и новые лучи, зенитки стреляли яростно. Командир бросил самолет вниз и ввел в разворот.

Но вот позади остались метавшиеся по небу лучи прожекторов. Самолет окутала темнота…

Вечностью показалась экипажу эта огненная минута. Каждый из них по-своему пережил необычный даже на войне взлет в слепящих лучах прожекторов, под градом зенитных снарядов.

— Где мы? — переведя дух, спросил Сенаторов.

Ему казалось, что машина уходит в сторону от побережья.

— Прошли мыс Майор. Набирай высоту и доворачивай круче на юг. Через минуту уточню курс, — откликнулся штурман.

— Не отверни командир сразу влево, падать бы нам в залив, — раздался голос стрелка.

— Командир-то не растерялся. А ты уже нырять приготовился? — Штурман совсем успокоился, и в голосе его слышалась насмешка.

— Что ж они, сволочи, по фашистам не стреляли, когда те Сантандер бомбили? — не унимался Иванов.

— Родственники. По шуму моторов своих узнают, — усмехнулся штурман. — Подлецы! Похоже, только и ждали нашего взлета. Дружно все у них получилось: прожектора, зенитки.

— Да-а…

В самолете надолго замолчали. Моторы тянули свою привычную песню. Ярко сверкал фосфор на циферблатах приборов. Неподвижно застыл в усыпанном звездами небе тонкий серп луны. Экипаж выполнял привычную работу…

Уже не первый раз совершал экипаж Сенаторова полет на отрезанный от центра страны север республики. 12 августа эскадрилья СБ нанесла бомбовый удар по фашистскому аэродрому в Леоне. Летели днем на высоте шесть тысяч метров, без сопровождения истребителей. Летчикам помогли разведчики — астурийские шахтеры, установившие время обеда на Леонской

авиабазе. Налет на Леон был повторен 13 августа…

Светало. Самолет подходил к Мадриду, когда чихнул и стал давать перебои правый двигатель. Сенаторов переключил питание на бак, в которы-й был залит автомобильный бензин. Мотор заработал, но звук его был уже не тот, к которому привык экипаж.

Когда на серебристых крыльях «катюши» блеснули первые лучи солнца, впереди показалась Алькала, крутые берега реки Энарес, линия железной дороги Мадрид — Гвадалахара.

— Дошли, — облегченно вздохнул Сенаторов. Бортовые часы показывали три часа пять минут. Ровно сутки назад они взлетели отсюда и взяли курс на север…

Следующей ночью на аэродром Альберисия сел прилетевший из Валенсии «Дуглас». Он доставил нового советника авиации Северного фронта Виктора Адриашенко. Федор Аржанухин получил другое назначение.

Этим же самолетом был отправлен тяжело заболевший Леопольд Моркиляс. С 20 августа эскадрилью «чатос» стал водить в бой Ладислав Дуарте.

Всем в воздух!

В туманный рассвет 22 августа над линией Арагонского фронта рассыпались сигнальные ракеты. Горы Сьерра-де-Алькубьера и долина реки Эбро огласились выстрелами танковых пушек и артиллерийских орудий. Атаковав противника в полосе протяженностью девяносто километров между Тардиэнтой и Бельчите, республиканские войска начали Сарагосскую операцию.

С раннего утра «чатос» летали на прикрытие Р-зетов, которые бомбили опорные пункты фашистов Кодо, Кинто и Медиану.

Боевое напряжение и жара изматывали летчиков. В промежутках между вылетами они едва успевали выпить стакан сидра и выкурить папиросу. В ответ на предложения Сильвии и Терезы что-нибудь поесть просили только прохладительный напиток.

Днем на Бахаралос прилетел усталый, осунувшийся Еременко. Вместе с эскадрильями Александра Гусева, Ивана Девотченко, Григория Плещенко и Мануэля Сарауза он уже побывал в нескольких боях.

Собрав летчиков, Еременко своим глуховатым голосом предупредил:

— Смотрите в оба, ребята. Между Бельчите и Сарагосой стали появляться большие группы «мессеров». Да и прятаться им для внезапных атак, как видите, есть где.

Еременко указал на тонкую пелену облаков, сквозь которую просвечивало небо.

— Слетаю я с вами. Не возражаете? — спросил он, устало опускаясь на землю под крыло истребителя. — В напарники, Анатолий, дай мне Эухенио[27]

— А третий?

Иван Трофимович хитро улыбнулся:

— А третий — лишний.

— Понятно.

— Останься, поговорим, — обратился Еременко к Степанову.

Евгений сел рядом в тени. Некоторое время Иван Трофимович молча лежал на спине, прикрыв веки, затем спросил:

— Как полагаешь: звеном из трех самолетов в бело легко управлять?

Евгений пожал плечами. Этот вопрос не раз возникал в разговорах летчиков. Единого мнения на этот счет не было. Он ответил, как думал сам:

— В простом полете нетрудно, а вот в бою управление теряется, вы же знаете. Впрочем, мне рано делать выводы: воюю недавно.

Сев поудобнее, Иван Трофимович вытянул вперед руки, изобразив ими летящие самолеты. Левую руку он выдвинул несколько вперед, правую оттянул назад и приподнял над левой. Евгений вопросительно посмотрел на него.

— Не понимаешь?

Еременко двинул вперед ладони и показал ими несколько маневров.

— Был у меня заместителем Виктор Кузнецов. Сейчас он уже дома. Великолепный летчик. Так вот, пробовали мы с ним против фашистов парой драться. То я ведущий, то он. В чем суть? Ведомый прикрывает ведущего, он его щит.

— Значит, действительно, третий — лишний?

— Только здесь существует одно жесткое условие: ведомый ни в коем случае не должен отрываться от ведущего, — продолжал Еременко. — Воздушные бои показали, что пара более маневренна и управляема. После Кузнецова мы с Леонидом Рыбкиным летали парой, хорошо получалось.

«А пожалуй, он прав. Ведь многие об этом же толкуют, например, Антонов и Якушин», — подумал Евгений.

— Значит, ведущий — меч, а ведомый — щит? — проговорил он. — Но в наставлениях…

— Видно, устарели кое-какие наставления, — улыбнулся Еременко.

Заговорили о предстоящем вылете. Договорились о порядке построения, взаимного прикрытия, уточнили сигналы.

— Только ни в коем случае не отрываться. От начала и до конца мы должны быть как связанные, — еще раз напомнил Иван Трофимович…

К исходу дня республиканские танки и пехота вышли в район Уэрвы. Перерезав шоссейную и железную дороги, они прервали сообщение между Уэской и Сарагосой.

Незадолго до наступления темноты эскадрилья Серова подошла к району прорыва. В сумеречном небе стоял дым пожаров. У станции Уэрва, за насыпью железной дороги, шел сильный огневой бой между фашистской артиллерией и республиканскими танками. Станция горела.

Еременко и Степанов летели под нижней кромкой облаков. Ниже шла девятка И-15 во главе с Анатолием Серовым. Разворот на юг. Показался удерживаемый противником пылающий Вилья-Майор.

Неожиданно Еременко рванулся вверх. Евгений устремился

за ведущим. Проскочили тонкий слой облаков, и только тут Степанов увидел: в густо-синем небе летела целая стая фашистских самолетов. Это были итальянские легкие бомбардировщики «ромео». Евгений впервые встречался с ними. «Ромео» внешне походил на «фиата», только двухместная кабина с турельным пулеметом отличала его от истребителя. «Чатос» оказались сзади и ниже фашистской эскадрильи, замыкавшей боевой порядок «ромео». Еременко решительно пошел на сближение и тут же сбил одного из фашистов. Проскочив выше строя вражеских самолетов, И-15 вновь устремились в атаку. В упор Еременко расстрелял второй «ромео». Он ни разу не обернулся — все внимание на противника. «Значит, верит, что я надежно его прикрываю», — подумал Евгений.

Все это произошло в считанные мгновенья. Увидев падающие горящие машины, Серов понял, что выше идет воздушный бой. Рассредоточившись по звеньям, эскадрилья пробила облака и навалилась на противника.

Еременко и Степанов, набрав высоту, прикрывали своих товарищей от возможных атак фашистских истребителей. Пять горящих «ромео» один за другим исчезли в облаках.

Стало темнеть. Фашисты, отстреливаясь, ушли на запад. «Чатос» развернулись к Бахаралосу.

После посадки Еременко спросил Евгения:

— Ну как, парой удобнее в бою?

— Неплохо. Но, честно говоря, я сперва не понял вас, когда вы вверх пошли.

— А фашисты — хитрецы, хотели из-за облаков бомбы на наши войска сбросить. Не удалось…

В полдень 24 августа «чатос» возвратились из третьего за день боевого вылета. Облокотившись о крыло истребителя, Евгений Степанов просматривал «Правду» — только что прибыла почта. Он не сразу понял, почему так громко вскрикнул механик, до того спокойно готовивший вместе с оружейниками истребитель к очередному вылету.

— Смотрите! — показывал рукой в сторону гор Энрике.

Обернувшись, Евгений обмер. С запада курсом на Бахаралос шли фашистские бомбардировщики. Над ними едва видимыми черными точками кружились истребители.

Поперек летного поля неслась легковая машина. У стоянки «крейслер» резко затормозил:

— Всем в воздух! — скомандовал выскочивший из машины Серов.

В сторону от самолетов полетели стремянки. Один за другим на взлет пошли Якушин, Евтихов, Добиаш, Короуз, Антонов,

Горохов, Степанов.

Евгений Степанов шел низко над землей. В голове лихорадочно проносились мысли: «Взлетели впопыхах. Баки полностью не заправлены, ленты пулеметов наполовину пусты». И тут он увидел на одной высоте со своим самолетом два светлых остроносых монопланa. «Мессеры»! Это была первая встреча Степанова с новым немецким истребителем, недавно появившимся над Пиренейским полуостровом.

Самолеты сближались. Ведущий Ме-109 с ходу открыл огонь. Евгений выжидал. Когда в перекрестие прицела вписался серебристый диск винта и крылья «мессера» легли на горизонтальные нити, он дал очередь.

Избегая столкновения, фашисты рванулись в разные стороны и пропали из виду. «Неужели все-таки к аэродрому пошли?» И тут блеснули крылья пикировавших на него истребителей. «Попробуем сойтись на лобовых». Степанов взял ручку управления на себя. Из-под крыльев «мессеров» брызнул пулеметный огонь. На крыле «чато» осталась рваная строчка. Степанов уже различал голубые коки винтов «мессершмиттов». Казалось, столкновение неизбежно. Но фашисты вновь отвернули.

Разворот. С двух сторон на «чато» шли фашисты. Евгений нажал гашетки, и трассы впились в один из «мессеров». Тот метнулся вверх, и тут Евгений в упор вогнал целую очередь в его живот. Истребитель опрокинулся на спину, вспыхнул и пошел вниз…

Как видно, фашисты рассчитывали застать и разбомбить эскадрилью на земле. Но «чатос» все-таки успели уйти в воздух. Теперь противнику на ходу нужно было менять план боя. «Курносые» отчаянно защищали подступы к своему аэродрому.

Первый «юнкерс» был сбит Короузом и Сюсюкало-вым. Видя, что внезапный налет не удался, флагман бомбардировщиков стал разворачиваться на обратный курс. «Мессершмитты» и «фиаты» прикрытия навалились на небольшие группы И-15, разрозненно взлетевшие с Бахаралоса. Но «чатос» дрались с яростным упорством. Это был первый визит бомбардировщиков на Бахаралос после того, как туда перелетела эскадрилья Серова. Летчики понимали, что следует сразу отбить фашистам охоту бомбить аэродром.

Впыхнул «фиат», расстрелянный Мастеровым. Вслед за ним — «юнкерс», зажженный Якушиным. Бомбовозы стали уходить на запад, вместе с ними «фиаты». В воздухе остались «мессершмитты».

Вышел из боя подбитый Горохов. Прикрываемый друзьями, он направился к своему аэродрому.

Оказавшиеся рядом Том Добиаш и Михаил Котыхов дрались против двух «мессеров». Их «чатос» получили уже солидную порцию свинца. Летчикам приходилось трудно, а на помощь товарищей вряд ли можно было рассчитывать. Михаил прижался к более опытному Тому. На вираже им наконец удалось поймать «мессера». Тремя очередями австриец поджег противника. Фашист, покинув истребитель, раскрыл парашют.

Тут Котыхов с удивлением заметил, что Том перевел истребитель в пике. «Что с ним?» — заволновался Михаил. Он устремился за товарищем. То, что увидел Михаил, поразило его. Подлетев к медленно спускавшемуся парашюту, австриец стал грозить кулаком висевшему на стропах фашисту. Потом он положил истребительв глубокий вираж и закружился около сбитого летчика.

Пилот «мессершмитта» приземлился в нескольких километрах от Бахаралоса. Рядом сел и «чато» До-биаша.

Подрулив истребитель к дороге, австриец, не выключая мотор, направился к запутавшемуся в стропах парашюта фашисту. Над ним пронесся самолет Котыхова. Добиаш махнул товарищу рукой по направлению к своему аэродрому, показывая, что у него все в порядке.

Увидев севший истребитель и подходившего с пистолетом в руке высокого летчика, фашист застыл. Он не успел освободиться от лямок парашюта и, сжав руками карабин грудной перемычки, уставился на Тома. Некоторое время они рассматривали друг друга. Фашист первым нарушил молчание:

— На какой территории я нахожусь?

— Во всяком случае, не на германской, — последовал ответ на немецком языке.

— Вы мой соотечественник! — обрадованно вскрикнул немец.

— К счастью, нет. Палачей испанского народа я не могу считать своими соотечественниками.

— Но мы с вами говорим на одном языке. Помогите мне! — взмолился фашист.

— Что ж, пожалуй, я могу оказать вам небольшую услугу.

— Какую?

— Попросить этих камарадас, — Том указал на бегущих от виноградников крестьян, вооруженных кольями, лопатами и мотыгами, — чтобы они вас не так сильно лупили.

Подойдя к немцу, Добиаш вытащил из его кобуры пистолет «вальтер».

— Это мне на память о нашей встрече. Правда, от негодяев подарки брать нехорошо. Но при случае он может пригодиться. Тем более, что эта система мне знакома.

Том Добиаш не стал объяснять фашистскому летчику, где и когда пришлось ему пользоваться пистолетом «вальтер». Это было в феврале тридцать четвертого года в Линце, где он сражался на баррикадах. Из таких пистолетов восставшие австрийские рабочие стреляли по солдатам, танкам и самолетам, которые бросил противних премьер-министр Австрии Дольфус. Другого оружия у повстанцев тогда не было.

Том Добиаш сдал крестьянам взятого им в плен летчика. Сопровождаемый приветственными возгласами испанцев, он направил истребитель к Бахаралосу.

«Чатос» и подоспевшие им на помощь «москас» Григория Плещенко уже отогнали фашистов от аэродрома.

Продолжая наступление, соединения Арагонского фронта 25 августа овладели Вилья-Майор. Линия фронта пролегла в восьми километрах от Сарагосы.

На Южном фронте передовые части республиканских войск вышли на подступы к Гранаде. В эти дни рабочие завода Матрилья около Гранады, перебив фашистскую охрану и захватив три артиллерийских орудия и несколько пулеметов, ушли в горы.

На Северном фронте положение оставалось напряженным. Еще 23 августа фашисты перерезали все дороги из Сантандера в Астурию. В этот день Иван Евсевьев выполнил специальное задание командующего Северным фронтом. Прорвавшись к окруженному Сантандеру, он сбросил вымпел-приказ о направлении выхода республиканских войск.

В ночь на 2& августа противник ворвался в Сантандер.

С утра 26 августа, несмотря на продолжавшиеся сильные наземные бои в районе Бельчите, авиация противника активности не проявляла. Только на большой высоте над линией Арагонского фронта и ближайшим тылом рыскали воздушные разведчики.

Один Хе-111 был сбит взлетевшими с аэродрома Каспе Мануэлем Сараузом и Антонио Ариасом. Самолет упал в расположении республиканских войск. Среди обломков разбившегося о скалы «хейнкеля» была найдена уцелевшая фотокассета. В штабе авиации проявили пленку. Оказалось, что воздушный разведчик успел сфотографировать аэродромы Сариньены, Бахаралоса и Каспе.

— Вот что их интересует, — рассматривая принесенные Аржанухиным фотоснимки, задумчиво проговорил Птухин. — При случае ударят, это факт.

Начальник штаба (после возвращения с Северного фронта Федор Аржанухин был назначен начальником штаба советских летчиков-добровольцев и советником начальника штаба республиканских ВВС) молча развернул перед Птухиным

полуобгоревшую полетную карту.

— Вот что, Федор, — продолжал Птухин, — нужно и нам собирать данные обо всех их аэродромах, расположенных в полосе Арагонского фронта.

Аржанухин согласно кивнул головой.

— Все? — спросил Птухин.

— В Сарагосе проходит фиеста в честь какого-то святого, покровителя города. Фашисты сегодня в воздухе почти не появляются.

— Перегруппировывают свою авиацию, — рассматривая карту, ответил Евгений Саввич. — А нам с тобой, Федор, нечего перегруппировывать. Маловато у нас самолетов.

— Сейчас в патрульном полете над линией фронта эскадрилья Девотченко. В готовности номер один «чатос» Серова.

— К вечеру я собираюсь на Бахаралос, а сейчас поеду к Сиснеросу. Беспокоят меня эти снимки.

На боевом аэродроме спокойная жизнь продолжается недолго. В полдень на Бахаралос позвонил из штаба Аржанухин:

— Посты ВНОС докладывают, что над Сарагосой кружит большая группа самолетов противника. Взлетай, но дальше Вилья-Майор ни шагу, — предупредил он Серова.

— Понял…

Фиеста в Сарагосе в этот час была в полном разгаре. Нарядные толпы заполнили узкие улицы и площади города. Люди не боялись авиации и артиллерии. Это была одна из особенностей гражданской войны в Испании: в воскресенья и праздники боевые действия с обеих сторон почти не велись. Но в этот день фашисты решили устроить над Сарагосой что-то вроде воздушного парада.

К городу на небольшой высоте подошли двадцать «фиатов». Впереди основной группы летел эскортируемый пятью истребителями «ромео», окрашенный в оранжевыйцвет. Над ним развернутым фронтом шло до десятка «мессершмиттов». Дважды пройдя над Сарагосой, воздушная кавалькада направилась к Вилья-Майор. Тут-то и вырвалась из облаков девятка И-15 Серова. Удар республиканских истребителей был дерзок и стремителен. Им удалось сразу зажечь двух «фиатов». Но, увидев, что «курносых» во много раз меньше, фашисты быстро опомнились. Сверху на помощь им спикировали «мессершмитты». В небе завертелось огненное колесо.

Еще в момент первой атаки внимание летчиков привлек двухместный «ромео» с необычной для боевого самолета оранжевой окраской. По солидному прикрытию нетрудно было догадаться, что в нем находится кто-то из старших командиров

фашистской авиации. Особенно заинтересовал огненный «ромео» Антонова. Командир звена принял смелое решение атаковать фашистского флагмана. Это было нелегко. Три «фиата» сразу бросились на дерзкого «чато», а два других остались охранять «ромео». Истребители противника издалека открыли огонь. И тут слева от «чато» Антонова навстречу фашистам пролегла длинная заградительная трасса. Антонов быстро обернулся. Сзади и выше своего самолета он увидел истребитель с бортовым номером двенадцать. «Кустов!» Не опасаясь теперь за свой тыл, Антонов решительно устремился вперед. Оранжевый биплан круто отвернул. Пулеметная очередь, выпущенная одним из «фиатов», срезала у «курносого» ветровой козырек. Упругие волны воздуха больно ударили летчика в лицо. Антонов резко переложил рули, мастерским зигзагом обошел оказавшегося перед ним «фиата». Теперь «ромео» был рядом. Пулеметные очереди впились в оранжевую машину.

Едва не зацепив колесами за крылья «ромео», «чато» перескочил через вспыхнувший фашистский самолет. Положив истребитель в боевой разворот, он увидел под собой два купола парашютов и валившуюся вниз оранжевую машину…

Гибель «ромео» явилась кульминационным моментом боя. Потеряв флагмана, фашисты бросились к Сарагосе. Их неотступно преследовали республиканские истребители.

Дальше произошло то, о чем долго вспоминали в эскадрилье Анатолия Серова.

«Чато» и «фиат» внешне были схожи друг с другом. Фашистские зенитчики не сразу разобрались, какие это самолеты вдруг появились над городом. И принялись палить без разбора.

В это время в городском соборе заканчивалась служба. Люди запрудили площадь. Услышав стрельбу, жители высыпали из своих домов. Им представилось драматическое зрелище: в небе носились «фиаты», а по ним вели бешеный огонь зенитчики. От своего зенитного огня фашисты потеряли еще несколько машин. Так закончилась «фиеста» в небе над Сарагосой…

Выпрыгнувший из горящего «ромео» экипаж ветром снесло на республиканские позиции. К месту приземления подбежали солдаты. Один из фашистов — пилот оранжевого биплана — сразу поднял руки вверх, второй пытался оказать сопротивление.

— Ты даже не предполагаешь, кого сбил! — сказал Антонову Серов, которого сразу после посадки потребовали к телефону.

— Почему не знаю? Знаю… Начальство какое-то…

— Командующий бомбардировочной группой Арагонского фронта Перес Пардо — вот кто там летел! Это еще не все. Мне Аржанухин сказал, что этот самый Пардо когда-то был у

Сиснероса штурманом. А затем, как видишь, их пути разошлись…

— Где же он сейчас?

— В госпитале…

На встречных курсах

30 августа войска Арагонского фронта завершили окружение Бельчите. Гарнизон крепости, насчитывавший свыше двух тысяч человек, оказался в мешке. Впервые за все время боевых действий в Испании авиация противника создала «воздушный мост» между Сарагосой и окруженным Бельчите, куда с самолетов Ю-52 фашисты сбрасывали на парашютах контейнеры с боеприпасами, продовольствием и медикаментами.

В этот день в воздушном бою с «фиатами» эскадрилья Александра Гусева уничтожила три фашистских истребителя. Спустившийся на парашюте итальянский капитан заявил, что с Северного фронта в спешном порядке снимают и перебрасывают на аэродромы врайон Сарагосы истребительные и бомбардировочные группы. Он также сообщил, что из-под Сантандера вы ведена и направлена к Бельчите итальянская мотодивизия «Черные стрелы», усиленная немецкими танками…

Воздушная разведка подтвердила сосредоточение и направлении Бельчите фашистских танков, пехоты И марокканской кавалерии.

К исходу дня 31 августа на Каспе командующий республиканской авиацией Игнасио Сиснерос спешно собрал своих заместителей и советников. Были приглашены также Еременко и Сенаторов.

Два часа назад начальник генерального штаба республиканской армии полковник Висенте Рохо приказал Сиснеросу к рассвету следующего дня силами авиации Арагонского фронта подготовить удар по районам сосредоточения войск противника перед Бельчите. Часть сил выделить для поддержки республиканских частей, ведущих действия против окруженного гарнизона.

Времени оставалось в обрез. По пути из штаба фронта на Каспе, подняв стеклянную перегородку, отделявшую шофера от пассажиров, Сиснерос с Птухиным набросали предварительное решение. И если б даже ехавшая с ними Александровская не переводила скупые фразы, которыми они обменивались, им и так были бы понятны мысли друг друга, которые воплощались на карте Сиснероса в условные тактические знаки.

В тесном штабе собрались все вызванные на Каспе авиационные командиры. На сдвинутых столах разложена карта Арагонского фронта. Сиснерос начал сразу:

— Есть решение командования: завтра с рассвета в районе Бельчите осуществить удар по противнику с воздуха.

Медленно водя головкой измерителя по карте, командующий коротко изложил предварительный замысел. Распрямился, отошел от карты, спросил:

— Какие будут мнения и предложения? Птухин, Еременко и Сенаторов не раз присутствовали на подобных совещаниях, но никак не могли привыкнуть к манере испанских офицеров обмениваться мнениями. Часто разгорались такие страсти, что могло показаться, будто спорят и доказывают свою правотуне товарищи по оружию, не начальники и подчиненные, а заклятые враги. К счастью, это было не так. Просто такова была манера испанцев, и к ней следовало привыкнуть…

С невозмутимым видом Сиснерос слушал. Наконец, когда все высказались и страсти улеглись, он, взглянув на часы, хлопнул ладонью по карте:

— Итак, камарадас, завтра на рассвете три эскадрильи И-16, которые возглавит камарада Арагон[28], перехватят воздушное пространство между Бельчите и Сарагосой. Вслед за ними «чатос» капитана Чиндосвиндо с бреющего полета наносят штурмовой удар по головному полку дивизии «Черные стрелы». Камарада Александра, — обратился Сиснерос к Сенаторову, — ваша цель — танки.

Он обвел на карте синий кружок, в центре которого был нарисован ромб.

— Эскадрилья Р-зетов капитана Алонсо под прикрытием истребителей Родриго Матеу бомбардирует противника в опорных пунктах Бельчите. Две эскадрильи И-16 с Ихара и Сариньены — наш резерв. С рассвета они должны быть в готовности номер один. Все!

Взяв тонко отточенный карандаш, Сиснерос своим великоленным почерком сделал надписи на полях карты время взлета и подхода к району Бельчите истребитеельных и бомбардировочных эскадрилий.

— За работу, товарищи!

В долине Эбро еще курился седой туман, когда с аэродромов Арагонского фронта стали взлетать республиканские истребители и бомбардировщики.

В пять часов двадцать минут утра между Бельчите и Сарагосой группа Еременко, в которую входили эскадрильи Сарауза, Девотченко и Гусева, обнаружила идущих на встречных курсах не менее пятидесяти «Фиатов» и Хе-51. За ними шла вторая волна фашистских машин — это были бомбардировщики.

Конечно, все ждали встречи с авиацией противника, Но никто

не предполагал появления такой огромной группы фашистских самолетов. Однако выбора не было. Республиканские истребители устремились в атаку…

Для Игнасио Сиснероса и Евгения Саввича Птухиня ночь на 1 сентября пролетела незаметно. Они почти не спали. С рассвета оба находились на наблюдательном пункте вблизи окруженного Бельчите, где ни на минуту не затихала артиллерийско-пулеметная стрельба.

Когда над ними прошла группа Еременко, Сиснерос, і щелкнув крышкой золотых карманных часов, удовлетворенно проговорил:

— По камарада Арагону и его летчикам можно сверять время.

— Но с ним летят и испанские летчики, — ответил Птухин. Сиснерос улыбнулся:

— Я заметил, мой генерал, что вы неплохой дипломат. Не правда ли?

Над наблюдательным пунктом с ревом пронеслись И-15 Гонсалеса Чиндосвиндо.

— Как видите, я прав, — показал на циферблат часов Евгений Саввич.

Сиснерос, не отрываясь, наблюдал в бинокль завязку воздушного боя. Уже загорелось несколько самолетов. Раскрылись зонты парашютов.

— Пока волноваться нечего. Падают машины противника, — спокойно сказал Птухин.

Но это спокойствие давалось ему с большим трудом. Сиснерос оторвался от бинокля:

— Неужели фашистам стал известен наш замысел?

Птухин неопределенно пожал плечами. Такой же вопрос он уже задавал сам себе. И, понимая волнение Сиснероса, ничего определенного не мог ему ответить.

Откуда было знать в этот день командующему республиканской авиацией и его главному советнику, что вчера, в то же время, когда они на Каспе планировали нынешнюю операцию, на стороне фашистов в затемненной Сарагосе проходило аналогичное совещание. Командующий франкистской авиацией, его немецкие и итальянские пособники вырабатывали план действий авиационных групп по поддержке наземных частей, которые получили личный приказ Франко деблокировать Бельчите…

Становилось ясно, что предстоит большое воздушное сражение. Теперь все зависело от летчиков, для которых появление огромной массы самолетов противника, несомненно, явилось полной неожиданностью. Сиснероснапряженно

всматривался в небо. Посуровело лицо Птухина. На наблюдательном пункте установилось тревожная тишина.

Севернее Бельчите послышались взрывы. Ввысь потянулись бурые столбы дыма.

— Чиндосвиндо! — облегченно вздохнул Сиснерос. Над наблюдательным пунктом чуть растянутым клином, поблескивая серебром обшивки, прошли двенадцать скоростных бомбардировщиков.

— Кажется, все по плану, мой генерал?

Теперь Сиснерос был уверен, что фашистам не удастся внезапным ударом с воздуха пробить коридор к Бельчите.

— Мне думается, пора поднимать резервные эскадрильи с Сариньены и Ихара, — предложил Птухин. — Что-то долго Р-зеты и Чиндосвиндо обратно не возвращаются…

Капитан Алонсо вывел свою эскадрилью Р-зетов к Бельчите, когда воздушный бой был в самом разгаре, а «чатос» Чиндосвиндо штурмовым ударом расстроили боевой порядок головного полка дивизии «Черные стрелы».

На улицах объятого огнем Бельчите кипел ожесточенный бой. Сквозь дым и пламя на крышах уцелевших зданий, занятых республиканскими войсками, были видны флаги. Над боевыми порядками правительственных войск взвивались сигнальные ракеты, обозначая линию соприкосновения с противником.

Эти знаки были обусловлены заранее. От экипажей бомбардировщиков требовалась ювелирная точность: бои шли на улицах и площадях, и противников иногда разделяло расстояние, равное броску ручной гранаты.

Над казармами гражданской гвардии — основным опорным пунктом окруженных мятежников — Мигель Алонсо и его ведомые Мануэль Хисберт и Франсиско Рамос попали под плотный огонь зенитных пулеметов. Снизившись до двухсот метров, Р-зеты сбросили первую серию бомб. Вслед за разрывами на штурм казарм с нескольких сторон устремились республиканские подразделения. Алонсо и его ведомые вновь сбросили бомбы.

На третьем заходе, когда бомбардировщики подходили к цели, загорелось правое крыло у самолета Хисберта. Молодой пилот не растерялся. Он резко переложил машину на левое крыло и, срывая пламя, ввел ее в глубокое скольжение. Когда казалось, что Р-зет врежется в крышу полуразрушенной казармы, под самолетом Хисберта вздыбились султаны разрывов сброшенных им бомб. Из черного облака дыма появился почти потерявший скорость бомбардировщик с белым бортовым номером 13.

И тут подошли «фиаты»…

Когда камуфлированные «фиаты», с нарисованными на бортах черными котами атаковали Р-зеты, Евгений Степанов, Том Добиаш и Вальтер Короуз оказались в самом нижнем ярусе закрутившегося над Бельчите клубка. Выполняя свою задачу — прикрыть Р-зеты, дать им отбомбиться, «чатос» бросились на противника.

В момент резкого разворота от них оторвался Короуз. Добиаш, подбив «фиата», бросился вдогонку за фашистом. Евгений остался один. Вдруг он скорее почувствовал, чем увидел подстроившийся справа к его истребителю самолет. Вальтер? Евгений повернул голову, и дрожь пробежала по его спине. Рядом летел «фиат». Первым пришел в себя понявший свою оплошность фашистский пилот. Резко убрав газ, «фиат» отстал. И это чуть не стоило жизни Евгению. Проскочивший вперед «чато» оказался под пулеметами противника. От самолета полетели куски обшивки. «Ах ты, гад!» — Евгений, дав газ, одновременно рванул на себя ручку управления. «Чато» взмыл вверх. Потерявший скорость «фиат» не смог повторить его маневр. Выполнив полупетлю, Евгений бросил свой истребитель на противника.

Когда на солнце сверкнул бешено вращающийся винт фашистского истребителя, Степанов с силой нада-д вил пулеметные гашетки. «Фиат» вспыхнул, лениво лег яа крыло, опрокинулся вверх колесами и плашмя ударился о землю…

Евгений облегченно вздохнул. К нему подстроился Том Добиаш. Сблизившись с командиром звена, он большим пальцем левой руки показал вниз. Евгений понял: значит, добил Том атакованного им в начале боя «фиата».

Отстреливаясь из пулеметов, от Бельчите отходили Р-зеты. За ними потянулись прикрывавшие их «чатос».

Степанов оглянулся: до самого горизонта небо было заполнено самолетами, столкнувшимися на встречных курсах…

С секундной точностью флаг-штурман Иван Душкин вывел эскадрилью скоростных бомбардировщиков к району сосредоточения фашистских танков.

Над выжженными солнцем Арагонскими горами стелился густой дым. За десять минут до подхода эскадрильи Сенаторова по этому району нанесли удар «чатос» Чиндосвиндо.

— Вижу танки и бензоцистерны. Вытянулись километра на два вдоль лощины, — доложил наблюдавший за землей в бомбоприцел Душкин.

— Бросаем с ходу?

— Доворот влево пять градусов. Так держать! На боевом!

Сенаторов, прекратив маневр, вывел бомбардировщик в прямолинейный полет. Ровно гудят моторы. С знакомым треском

рядом рвутся зенитные снаряды. Палец штурмана на боевой кнопке.

— Сброс!

Бомбы сорвались с замков.

— Сброс!

Следом за ведущим бомбят остальные экипажи.

— Сброс!

— В цель! — радостно кричит Мирек.

Внизу бушует огонь. Можно уходить.

Но тут произошло непредвиденное.

Из-под нижней кромки облака выплыли звенья фашистских бомбардировщиков «Савойя-Маркети-81». Сенаторов сразу понял: связанные боем республиканские истребители не смогут помешать бомбовозам прорваться к Бельчите. Что делать? Он хорошо знал маневренные и скоростные возможности своего СБ. И принял дерзкое решение: атаковать фашистов.

Когда двенадцать республиканских бомбардировщиков устремились навстречу «савойям», прикрывавшие их «фиаты» шарахнулись в сторону. Врезавшись в боевой порядок фашистских бомбовозов, республиканские летчики огнем турельных и штурманских пулеметов разметали их строй.

Сенаторов атаковал одну из «савой». Его СБ нырнулпод фашистский бомбовоз, и Душкин и Мирек пулеметными очередями как кинжалом распороли замасленное брюхо бомбардировщика. Вслед за командиром атаковали противника экипажи Владимира Шевченко, Петра Архангельского, Федора Пушкарева и другие.

Форсируя моторы и сбрасывая бомбы на свои войска, фашисты стали уходить.

Когда эскадрилья Сенаторова села в Лериде, Душкин сказал комэску:

— Если рассказать истребителям, как мы на «савой» в атаку ходили, трепачами назовут. Как думаешь?

Комэск промолчал. А штурман, любивший дисциплину, добавил:

— Как еще Хозе на это посмотрит? Не попало бы нам.

Сенаторов устало улыбнулся:

— Эх, Иван! Не знал бы я всех достоинств нашей «катюши», разве решился бы на атаку? И успокойся. За такие дела, штурман, не ругают. Это я уж, поверь, точно знаю…

Заметив подходящие к Бельчите резервные эскадрильи, Еременко облегченно вздохнул. Время нахождения в воздухе республиканских истребителей истекало. Многие летчики израсходовали боеприпасы. Кончалось горючее. Но они не

выходили из боя.

На самолете Еременко отказало оружие. Последние десять минут пришлось резким пилотажем уходить от наседавших фашистских истребителей. Пристроившийся к нему Антонио Ариас из эскадрильи Сарауза отгонял фашистов от машины командира авиагруппы. Вместе они вышли из боя.

В первые минуты, когда в небе все перемешалось, Еременко обеспокоенно думал о молодых испанцах, впервые попавших в такую сложную ситуацию. Но его опасения оказались напрасными. Первые два «фиата» были сбиты как раз пилотами Мануэля Сарауза. Смелые атаки летчиков истребительной авиагруппы смешали ряды фашистов, и им пришлось позабыть свой план единовременного массированного удара по позициям республиканцев.

Заходя на посадку в Каспе, Еременко тревожно осмотрел стоянки. Отсутствовало несколько И-16.

Зарулив истребитель, командир авиагруппы увидел, что к нему бегут только что севшие Мануэль Сарауз и Иван Девотченко.

— Еще ни разу столько машин в небе не видел, — забасил Девотченко, вытирая платком бритую голову.

— Многовато, — согласился Иван Трофимович. В его ушах еще стоял звенящий гул моторов.

— У меня сбит Эмилио Эррера. И не вернулся Вилкин, — глядя на Еременко запавшими от перегрузок глазами, доложил Сарауз. — Мы пытались прикрыть Змилио. Он держался до последнего. Самолет весь в пламени, а они бьют и бьют. Эррера выпрыгнул. Поверите? Не человек, а ком огня падал вниз. Так и не раскрыл парашюта, — печально закончил Сарауз.

— Остальные все целы? А Вилкин что?

Вопрос Еременко остался без ответа.

— В чем дело, Мануэль? — Еременко с недоумением смотрел на совершенно растерявшегося Сарауза.

Вместо ответа тот вытянул руку по направлению к и взлетно-посадочной полосе. Еременко обернулся и невольно присвистнул. На Каспе садился «фиат»; вслед за ним планировал И-16.

— Вилкин? — крикнул Сарауз.

Фашистский истребитель уже бежал по полосе.

Все это было так неожиданно и неправдоподобно, что никто из находившихся на аэродроме в первую минуту даже не двинулся с места.

Окончив пробег, «фиат» остановился. Заходивший вслед за ним на посадку И-16 вот-вот должен был коснуться колесами земли. Остальное произошло в считанные мгновения…

Рыкнув мотором, «фиат», как ужаленный, рванулся вперед и

пошел на взлет. И тотчас же пилот И-16, дав мотору полный газ, устремился вслед за «фиатом».

— Ах ты, сволочь! — бросаясь к своему самолету, закричал Девотченко.

Было ясно, что в суматохе боя итальянец заблудился и не понял сначала, что садится не на свой аэродром.

Вилкин догнал «фиата» и колесами неубранного шасси начал прижимать его вниз. Фашист рванулся в сторону, но молодой испанец преградил ему путь короткими трассами.

В небо уже поднялся Девотченко, но его помощь непотребовалась. Насевший на фашиста Вилкин принудил летчика посадить свою машину на табачном поле в нескольких километрах от Каспе. Летчика-итальянца поймали и привезли на аэродром работавшие на уборке крестьяне…

Поздно вечером, когда в небе стих гул авиационных моторов, а горы поглотила темнота, Иван Еременко условным шифром, понятным только ему, записал в свой дневник следующее:

«1 сентября 1937 года. Рассвет. Район Бельчите. Самый крупный с начала Сарагосской операции воздушный бой. В течение дня эскадрильи совершили по 7–9 боевых вылетов.

Истребитель И-15 испанского летчика Гонсалеса Чиндосвиндо во время штурмовой атаки получил 130 пробоин. На изрешеченном самолете Чиндосвиндо совершил повторный вылет. «Чато» выдержал…

Эскадрилья Анатолия Серова после сопровождения Р-зетов при подходе к Бахаралосу была встречена двенадцатью «фиатами». У половины летчиков эскадрильи отсутствовали боеприпасы. У всех кончалось горючее. Бой шел над самым аэродромом.

У Серова остановился двигатель. Он снижался, а его пытались добить фашисты. Командира прикрыли Михаил Якушин и Евгений Степанов. Истребитель Серова был настолько иссечен пулями, что после посадки у него пришлось менять крылья и хвостовое оперение.

Летчики эскадрильи в этом бою проявили завидное упорство. «Фиаты» вынуждены были уйти. Радуют Григорий Попов, Виктор Кустов, Михаил Котыхов, Никита Сюсюкалов, Семен Евтихов, Алексей Горохов, Евгений Степанов — лишь месяц они в Испании.

Итог дня:

Только на республиканскую территорию упало 26 сбитых самолетов противника. Взято в плен 19 фашистских летчиков. В числе сбитых известный франкистский ас капитан Карлос Айя…

Наши потери: два истребителя. И все-таки у фашистов большой количественный перевес. Но советские добровольцы и

испанские летчики дерутся отчаянно».

Через двое суток в дневнике появилась еще одна запись:

«3 сентября. Бельчите взят штурмом республиканских войск. Бои пошли на убыль…»

Бои на земле стали затихать, но борьба в воздухе продолжалась. В ночь на 15 сентября Иван Еременко в жестоком воздушном бою над Сариньеной уничтожил «юнкерса». После этого до середины ноября ни один фашистский бомбардировщик не осмелился ночью войти и зону Бахаралоса и Сариньены.

Волонтеры свободы

Наступил октябрь. К африканскому берегу Средиземного моря потянулись косяки перелетных птиц. Длиннее и прохладнее стали ночи, а по утрам на землю и горы ложился густой осенний туман. Зачастили дожди.

Временно оставив свою основную базу Бахаралос, «чатос» с аэродромов Сагунто и Сабадель прикрывали районы Валенсии и Барселоны. Они отражали налеты фашистских тяжелых бомбардировщиков, действовавших с аэродромов островов Ивиса и Мальорка.

В один из дней Степанов, готовясь к вылету вместе с Добиашем и Короузом, уже намеревался сесть в кабину истребителя, когда к самолету подъехал «крейслер». Из машины вышли Серов и широкоплечий двухметровый гигант, одетый в защитного цвета тесноватый китель и грубые желтые ботинки.

— Диос мио! Мой бог! — воскликнул Энрике, обрадованный появлением старого знакомого.

— Наш новый пилот. Брат Божко Петровича, погибшего над Брунетским выступом, — представил прибывшего Анатолий Серов.

Вытянувшись по стойке «смирно», великан отрапортовал:

— Петрович! Югославия! Салут!

— Так вот, Женя, этого богатыря отдаю на твое попечение. За несколько дней введи его в строй. Парень огнем крещенный, — хлопнув Петровича по плечу, проговорил Серов.

— Есть! Вернусь — займусь им, — с удовольствием оглядывая нового летчика, ответил Степанов…

В свободное от боевых вылетов, время Степанов сталзаниматься с Петровичем. Хорошо понимая по-русски, югослав внимательно слушал наставления своего нового инструктора. Выяснилось, что в летной школе Лос-Алькасареса, где обучался Добре Петрович, ему пришлось летать на нескольких типах самолетов. Дело было в том, что будущие пилоты учились на устаревших машинах; какая была исправна, ту и использовали для обучения.

— А на И-15 приходилось когда-нибудь летать? — спросил Евгений.

— Нет. Но я полечу. Ведь тебе командир приказал выпустить меня в воздух? — ничуть не смутился таким препятствием югослав.

— Приказал, — улыбнулся Евгений.

Добродушный великан пришелся по душе летчикам и механикам эскадрильи, в которой не забывали о его трагически погибшем брате. Все в Добре Петровиче располагало к нему: и его общительный, непосредственный характер, и его любовь к авиации, и необычные обстоятельства его жизни, о которых скоро узнали в эскадрилье.

Фашистский мятеж в Испании застал Петровича в югославском порту Сплит, куда он, демобилизовавшись из армии, приехал в поисках работы. С большим трудом Добре удалось устроиться в бригаду грузчиков, которая обслуживала лесовозы, доставлявшие в Англию ценные сорта древесины.

Из Испании тем временем приходили неутешительные вести. Франко, поддержанный Гитлером и Муссолини, используя предоставленные ими в его распоряжение оружие, денежные средства и воинские части, рвался к Мадриду.

«Я должен быть там, где честные люди дерутся с фашизмом», — сказал тогда себе Добре. Но как добраться до Испании? Королевское правительство Югославии объявило вне закона граждан своей страны, добровольно отправившихся сражаться на стороне Испанской Республики. Многие югославы, пытавшиеся пробраться к испанской границе через Италию и Германию, оказались в застенках гестапо и итальянской полиции.

Помог Добре случай. В октябре тридцать шестого года бригада грузила корабль, готовившийся к отплытию в Англию. Перед концом погрузки Петровича подозвал помощник капитана:

— У нас заболел матрос-такелажник. Хочешь на корабль? Я давно за тобой наблюдаю, парень ты крепкий, работящий.

Ошеломленный неожиданным предложением, Добре не сразу нашел, что ответить.

— Если согласен — оформляйся. В твоем распоряжении сутки.

Добре успел написать короткое письмо жене: «Я наконец получил хорошую работу, принят матросом на лесовоз. Ухожу в рейс. Возможно, он затянется надолго. Не волнуйся. Целую тебя и дочку…»

Пройдя Адриатику, лесовоз вошел в Средиземное море. За время плавания Добре выработал план действий: он решил при проходе корабля вблизи Испании добраться вплавь до республиканского берега.

На шестые сутки на горизонте появилась горная цепь. Услышав от штурманского помощника, что лесовоз будет проходить от берега в семи милях, Добре решил ночью покинуть корабль. «Доплыву…»

Так он и сделал. Всю ночь, ориентируясь по звездам, плыл Добре. Когда рассвело, югослав увидел испанский берег. Надежда с новой силой овладела им. Выплыл он к примостившемуся на скалистом берегу поселку. У небольшой деревянной пристани качалось с десяток рыболовецких баркасов. Шатаясь от усталости, он медленно побрел по мелководью и, выйдя на берег, тяжело опустился на мокрый песок.

Сбежался весь рыбацкий поселок. Югослава привели к дом алькальда. Напоили крепким кофе, растерли спиртом. Но во всем поселке для гостя не нашлось обуви и одежды подходящих размеров.

— Извините, мы не рассчитывали на ваше появление, — с присущим испанцам юмором сказал полуголому Добре алькальд. — Можно узнать, где рождаются такие богатыри?

— Югославия! — догадался Петрович, о чем его спрашивают.

Рыбаки подарили Добре пестрое шерстяное одеяло, завернувшись в которое он и предстал перед командиром отряда «милисианос» города Альмерия, куда югослава доставили на моторном баркасе.

Его единственными документами были матросский билет и фотография жены и дочери, завернутые в клеенку, но все же пострадавшие от морской воды.

— Хочу воевать с фашистами! — коротко сказал Добре.

Появление Петровича вызвало у испанцев восторженное удивление. В течение нескольких часов по приказу командира отряда ему сшили брюки и куртку, из толстого брезента смастерили какое-то подобие сандалий.

— Доедешь до Альбасете, там тебя приоденут, — на прощание сказал командир «милисианос».

В Альбасете, небольшом городке провинции Мурсия, был центр формирования интернациональных бригад. Добре зачислили в батальон имени Эдгара Андре, куда входили немцы, австрийцы, югославы, болгары, чехи и добровольцы из Скандинавских стран.

Испанские интенданты на чем свет стоит проклинали рост, непомерную ширину плеч и огромный размер обуви югослава. Наконец в старых королевских складах под Мадридом раздобыли для него одежду и обувь.

— Единственные экземпляры во всей Испании, — торжественно заявил Петровичу интендант, раскладывая на нарах обмундирование.

Восьмого ноября 1936 года 11-я интернациональная бригада под ликующие возгласы мадридцев чеканным шагом прошла по улицам столицы Испании. На правом фланге первой роты

батальона имени Эдгара Андре шел огромный доброволец, на плече которого сидел улыбающийся мадридский мальчишка.

Бригада с ходу атаковала прорвавшихся к западной окраине города фашистов, преградила путь противнику в Университетский городок и вынудила его отойти на западный берег реки Мансанарес.

Немало друзей потерял Добре Петрович в боях за Мадрид. Не миновала пуля и его В одной из контратак в югослава из пистолета в упор выстрелил фашистский офицер. Тяжело раненный Добре успел штыком перебросить через себя врага. Ранение оказалось серьезным, пуля прошла рядом с сердцем. Но могучее здоровье югослава помогло победить смерть. Через три месяца Добре выписали из госпиталя, запретив участвовать в боях, но он настоял на своем и вернулся в бригаду.

От добровольцев-югославов Добре узнал, что его жену арестовала королевская полиция. «Напиши мужу, чтобы бросил воевать на стороне красных и вернулся на родину, тогда отпустим», — говорили ей. Но женщинакатегорически отказалась выполнить это требование. Вместе с ней в тюрьме находилась и их дочь…

Настал день первого вылета югослава.

Петрович получил новый, сделанный на авиационном заводе в Реусе «чато». Машину обслуживал Хозе, механик Якушина, находившегося в госпитале.

— Как же он в кабине уместится? — шепотом спросил Хозе Степанова.

Евгений пожал плечами.

Петрович с помощью Хозе стал надевать парашют и тут начались неприятности Оказалось, что подвесная система спасательного парашюта мала югославу. Это озадачило Евгения.

— А как ты в авиашколе летал?

— Там такая же история была, — махнул рукой Петрович. — Мне разрешали без парашюта летать — все равно на всех их не хватало.

— На боевой машине и без парашюта? — возмутился Степанов.

— Не отказываться же мне от полетов из-за такого пустяка?

В разговор вмешался Серов:

— Знаете, нечто подобное было и со мной. Но укладчики поколдовали над подвесной системой, что-то пришили и подогнали по мне лямки.

Целый час Энрике и Хозе возились с парашютом. Наконец они с трудом застегнули на югославе карабины подвесной системы. Стянутый лямками, улыбающийся Петрович кое-как

втиснулся в кабину.

Первым в воздух ушел Семен Евтихов: ему была поставлена задача прикрыть Петровича. Серов и Степанов направились к центру летного поля, чтобы понаблюдать за успехами нового летчика.

Не успел механик вытащить из-под колес самолета Петровича тормозные колодки, как «чато» сорвался с места и, задрав хвост «трубой», понесся по полосе. Едва истребитель оторвался от земли, Петрович лихо рванул его вверх.

Нахмурившись, Серов смотрел вслед удалявшемуся от аэродрома самолету.

— Взлетел? — не то с недоверием, не то с удивлением произнес он.

— Как видишь, — откликнулся Евгений, приходя в себя.

Тем временем, сделав круг, «чато» зашел на посадку. Выровнявшись высоко над посадочной полосой, истребитель стукнулся колесами о землю и дал «козла». Но летчик, увеличив обороты мотора, все-таки как-то «притер» машину на три точки. Развернув самолет, он порулил к центру летного поля. Серов нетерпеливо махнул рукой: «Быстрее». Петрович понял этот жест по-своему. Развернув истребитель против ветра, он опять пошел на взлет.

Набрав высоту, «чато» начал выделывать в воздухе такие коленца, что повидавший много за свою летную жизнь Серов только диву давался.

— Меня в свое время за подобные штучки знаешь как прорабатывали? — неожиданно признался он Степанову. — И кто бы мог подумать: ведь на земле Добре тихоня, ну прямо ангел…

Не подозревая, какое впечатление он произвел своим полетом, Петрович после посадки, довольно улыбаясь, подошел к Серову:

— Командир, это не самолет, а золото. Готов на нем хоть завтра в бой!

— Сначала научись дисциплине и правилам полетов, а потом о бое будем речь вести.

Югослав растерялся:

— Но мне хотелось показать вам, на что я способен. По окончании летной школы мой инструктор-испанец так и сказал: «Смотри, камарада, Родриго Матеу нужно показать товар лицом». Мне очень жаль, что вы недовольны.

Тронутый его искренним огорчением, Серов смягчился. Он сам был лихим пилотом. В душе сочувствовал югославу и Степанов.

— Все-таки, друг, придется еще подучиться. И дай при всех

слово, что выбросишь из головы весь этот цирк!

Петрович подтянулся. Глядя прямо в глаза комэску, взволнованно произнес:

— Клянусь, командир!

Петровича назначили ведомым Антонова. В боевых вылетах югославу изрядно доставалось от фашистских истребителей. Виной всему был его богатырский рост. Несмотря на то что сиденье в кабине было опущено до нижнего упора, голова Петровича возвышалась над ветровым козырьком, а плечи выступали над бортами кабины.

В первом же вылете к Уэске Степанов, Антонов и Евтихов с трудом отбили Петровича от «фиатов», пилоты которых, привлеченные необычным видом республиканского летчика, как завороженные, тянулись к его истребителю. Правда, такое любопытство стоило итальянцам двух машин, которые сбили Антонов и Евтихов. Но в следующем вылете все началось сначала. Мешая друг другу, «фиаты» лезли к истребителю югослава.

В конце недели Антонов, осмотрев весь покрытый заплатами «чато» Петровича, смеясь, сказал ему:

— Придется тебе, друже, снабжать меня дополнительным питанием. В весе я сбавил, отгоняя от твоего самолета итальянцев. И что они в тебе нашли? Ну был бы ты сеньоритой..

Однако Петрович был всем доволен. Его мечта сбылась: он летает. А что в первых боях ему крепко попадает, так это не страшно. С такими ребятами, как Анатолио, Эухенио, Антонио, не пропадешь.

В день первого вылета Петровича уехали на Родину вернувшиеся из госпиталя Леонид Рыбкин и Михаил Якушин. Их тепло проводили друзья. А в эскадрилью пришли еще три новых летчика.

Широкоплечий, крепкий Анатолий Сидоренко сложением был под стать Серову. Опытный воздушный боец, он полтора месяца назад в районе Мадрида был тяжело ранен в лицо осколками зенитного снаряда После излечения в госпитале Сидоренко категорически отказался уехать в Советский Союз: «У меня свои счеты с фашистами». Вместо Якушина он был назначен командиром звена.

Сухощавый, подтянутый Яков Ярошенко стал вторым ведомым Антонова. А невысокий черноволосый крепыш Илья Финн занял место ведомого у Анатолия Серова, с которым еще на Родине работал в научно-исследовательском институте.

Все трое были отлично подготовленными летчиками. Через несколько дней никто в эскадрилье и не вспоминал, что они новички. Только майор Альфонсо, иногда задерживаясь у их

стола, с удивлением наблюдал, как небольшой ростом Илья Финн с аппетитом поглощает все, что подают официантки.

— Еда летчику необходима как воздух, — объяснил майору заметивший его внимание Илья.

— Да кушайте на здоровье, камарада, — ответил Альфонсо, которому кроме отменного аппетита Финна очень нравилось еще одно его качество: Илья быстро запоминал испанские слова и целые фразы…

Каждого нового человека с далекой Родины в эскадрилье встречали с радостью, жадно выспрашивали новости. Можно представить, как был взволнован Евгений Степанов, когда он встретил на испанской земле дорогого человека — комиссара Федора Усатого…

Евгений со своим звеном возвращался из разведывательного полета над Средиземным морем. Еще сверху он заметил на аэродроме у самолетной стоянки «испано-сюизу», которую обступили летчики.

Зарулив истребитель, Евгений поспешил с докладом к Серову и вдруг услышал голос, который мог бы узнать среди тысяч других. Он обернулся: облокотившись о крыло машины, одетый в серый костюм и черный берет, стоял в окружении пилотов и механиков комиссар Федор Усатый. По внимательным лицам своих товарищей Евгений догадался, что комиссар рассказывает что-то интересное.

— Эх, опоздал ты, — шепнул Кустов. Евгений осторожно протиснулся поближе к машине.

— В марте девятнадцатого года, когда стало известно, что в Венгрии победила пролетарская революция и провозглашена советская республика, — говорил Усатый, — Владимир Ильич Ленин немедленно распорядился установить с Будапештом прямую воздушную связь.

Усатый обвел взглядом летчиков. Его глаза встретились с глазами Евгения. Комиссар, будто они расстались только вчера, дружески кивнул Степанову и продолжал:

— Это было не так-то просто. Во-первых, мы не имели самолетов, обладавших достаточной дальностью действия. Во-вторых, путь в Венгрию пролегал над территорией, занятой белогвардейскими армиями, и над враждебной нам тогда боярской Румынией. Несмотря на это, для выполнения специального задания Ленина срочно были созданы две авиационные группы, по три самолета в каждой. Местами их базирования стали Проскуровский и Винницкий аэродромы. Проскуровская авиагруппа имела самолеты «эльфауге», на них были установлены дополнительные бензобаки. А вот пулеметы

пришлось снять, потому что наши самолеты должны были пролетатьнад территорией иностранного государства. На крылья и борта машин были нанесены опознавательные знаки — красные звезды.

В ту весеннюю пору на Украине неожиданно забушевали снежные метели, потом пошли проливные дожди. Погодные условия не позволили быстро осуществить воздушную связь с советской Венгрией. Все же двенадцатого апреля из Винницы на Будапешт стартовал самолет, пилотируемый красвоенлетом Виктором Ходоровичем. На борту машины находился пассажир — один и венгерских товарищей, принимавших участие в работе первого конгресса Коммунистического Интернационала, который проходил перед тем в Москве. В Будапешт они прилетели только пятнадцатого апреля.

— Долго летели, — вырвалось у кого-то. Усатый кивнул головой:

— Долго. Дело в том, что на самолете Ходоровича но успели установить дополнительный бак. Летчику пришлось совершить несколько посадок для дозаправки горючим и устранения неисправностей в моторе. Летел он на очень изношенном самолете: других машин тогда у нас не было.

В Ленинградском коммунистическом университете со мной училось несколько венгерских товарищей — участников встречи Ходоровича в Будапеште. Они рассказали, как, сбросив над городом листовки с приветствием венгерским трудящимся от рабочих Советской России, Ходорович посадил свой сильно поврежденный самолет на аэродром в предместье Будапешта. Оказалось, что машина несколько раз подвергалась атакам белогвардейских и румынских истребителей. Только смелость и мастерство советского летчика позволили благополучно запершить перелет. Ходорович доставил в Будапешт шифр для радиосвязи с Москвой. Задание Владимира Ильича Ленина было выполнено.

Летчики переглянулись.

— Вернулся он обратно?

— Вернулся, — кивнул Усатый. — Вскоре начали летать в Венгрию и летчики Проскуровской авиагруппы. А Виктор Ходорович еще несколько раз побывал в Будапеште. Между прочим, в нашей печати сообщалось о его замечательном выступлении на заседании будапештского Совета рабочих и солдатских депутатов. По этой же трассе к нам стали летать и венгерские авиаторы. С одним из рейсов в Советскую Россию прилетел один из руководителей советской Венгрии, Тибор Самуэли, который был принят Владимиром Ильичем в Москве.

Конечно, не все полеты кончались благополучно. Бывало, что гибли наши и венгерские товарищи. Но трасса интернациональной солидарности, трасса свободы, проложенная по указанию Ленина, соединила народы России и Венгрии в один из ответственнейших периодов их истории, — закончил комиссар.

На стоянке оглушительно заревел мотор истребителя. Все, как по команде, повернулись и замахали руками на механика:

— Да выключи, нашел время…

— Зачем же? — возразил Усатый. — Человек делом занимается, готовит машину к вылету.

— Как положение на севере? — задал Серов волновавший всех вопрос.

— Очень тяжелое. Бои идут на подступах к Хи-хону. В руках республиканских войск остался единственный аэродром — Карреньо. А самолетов на нем единицы…

Как ни странно, но встреча с комиссаром на испанском аэродроме Сабадель вблизи Барселоны не очень удивила Евгения Степанова. Усатый тоже не был поражен, увидев Евгения. Видимо, они оба считали, что настоящему коммунисту и солдату место здесь, где развернулась первая битва с фашизмом, где тысячи волонтеров свободы стали грудью на пути фашистских орд.

Улыбнувшись, комиссар спросил, как спрашивал всегда при их встречах:

— Ну как дела, истребитель?

Серов, положив руку на плечо Евгения, ответил за него:

— Воюет как надо!

— Рад слышать. Вчера был на Альканьисе. Пришла из боя эскадрилья Гусева. Смотрю, выскакивает из И-16 маленький такой шарик. Вы думаете кто? Виктор Годунов. Лучшим курсантом у нас в Ленинградской военно-теоретической школе летчиков был. Приезжаю к вам, а навстречу спешит Илья Финн — в этой же школе у меня учился. Вот и тебя, Женя, встретил.

— Вы давно здесь, товарищ комиссар?

— Третью неделю. Должность у меня, правда, неавиационная[29], так что не часто будем видеться. Впрочем, кто знает, — улыбнулся Усатый. Над взлетной полосой взмыли ракеты.

— По самолетам!

— До свидания, товарищ комиссар!

Короткая встреча, даже поговорить толком не успели. Но весь день Степанова не покидало радостное чувство близости Родины…

Солнце медленно садилось за отроги Каталонских гор, когда с Сабаделя взлетели Серов, Кустов и Финн. «Чатос» легли на курс

к Сагунто — аэродрому вблизи Валенсии. Тем временем Степанов, Антонов и Горохов заканчивали подготовку к ночному патрулированию над Барселоной.

Быстро темнело, в небе проглянули первые звезды. К Евгению подошел Вальтер Короуз. Молчаливый австриец часто провожал своих более опытных товарищей в ночные полеты, втайне лелея надежду со временем и самому войти в состав ночного патруля.

— Знаешь, Эухенио, — сказал Вальтер, — слушал я сегодня комиссара и вспомнил свою родину.

— Скучаешь?

— Скучаю. Помнишь, мы как-то летали в разведку к Уэске? Так вот, когда прошли над городом, мне вдруг мой родной Линц увиделся. Тоже очень красивый. И стоит он в горах, чем-то похожих на испанские. А ведь Гитлер и Муссолини на Австрию, как и на Испанию, давно зарятся.

— Знаю. Только Муссолини хотел бы отхватить кусочек с прилегающими к Италии провинциями, а Гитлер намеревается заграбастать Австрию всю.

— Да, это так. Недавно попалась нам с Добиашем к руки австрийская газета. Ни слова о том, что грозит Австрии, но о войне в Испании такую чушь городят — читать стыдно. Такую же грязь лили на восставших австрийских рабочих буржуазные газеты в тридцать четвертом году. Только печать Советского Союза правдиво освещала нашу борьбу…

…Впервые Вальтер Короуз увидел фашистов в октябре тридцать второго года. С отцом-железнодорожникомон приехал в Вену. На вокзальной площади под гром барабанов и рев фанфар маршировали коллонны дико орущих молодчиков. Это местные фашисты встречали приехавших из Германии сподвижников Гитлера — Германа Геринга и Эрнста Рема.

«Смотри, сынок, и запоминай, — сказал ему тогда отец. — Придет время, и те, кто сейчас шагает под знаменами со свастикой, предадут Австрию».

Старый железнодорожник не ошибся. Через полгода реакционное правительство Дольфуса издало чрезвычайный декрет: Коммунистическая партия Австрии объявлялась вне закона. Начались массовые аресты коммунистов.

12 февраля 1934 года в Вене и в Линце, где жили Короуз и его друг Том Добиаш, вспыхнуло вооруженное восстание. Трое суток рабочие двух крупнейших городов Австрии сражались с полками правительственных войск. Восставшие дрались отчаянно, но силы были неравны: у правительства были танки, авиация и артиллерия.

Тому Добиашу и Вальтеру Короузу, до последней минуты

находившимся на баррикадах, как и другим участникам восстания, нельзя было оставаться на родине. Они ушли в Чехословакию, но после перехода границы были заключены в концентрационный лагерь вблизи Братиславы.

Премьер Дольфус упорно добивался у чехословацкого правительства выдачи участников восстания, которых на родине ожидал военно-полевой суд. В это время Советский Союз протянул австрийским рабочим братскую руку помощи, предоставив участникам восстания политическое убежище.

Москва встретила их как героев. В день международной солидарности трудящихся 1 Мая 1934 года они открыли демонстрацию тружеников советской столицы. Под бурные аплодисменты москвичей австрийцы, одетые в черные брюки, синие рубашки и береты, торжественным маршем прошли по Красной площади.

Еще во время февральских боев в Линце, когда правительственная авиация безнаказанно расстреливала и бомбила восставших, Вальтер Короуз и Том Добиаш мечтали, если останутся в живых, научиться летать и отомстить фашистам за кровь своих товарищей. Теперь это желание смогло осуществиться. Комсомольскаяорганизация завода «Каучук», где работали оба австрийца, направила их на учебу в Центральный аэроклуб. Учиться было трудно: они не знали русского языка, занимались без отрыва от производства. Тем не менее через год Том и Вальтер получили дипломы пилотов.

В ноябре 1936 года, когда легионы Франко стояли у стен Мадрида, Добиаш и Короуз, проделав тяжелый путь почти через всю Скандинавию, Бельгию, Францию, перешли испанскую границу и приехали в Альбасете. Их спросили:

— Каким оружием владеете?

— Мы летчики.

— Но у республиканцев сейчас нет самолетов. Вам придется ждать, пока они появятся.

— Зачем ждать? Мы оба умеем стрелять из пулемета, — ответили они.

Их зачислили в батальон, который носил имя Василия Чапаева. В составе 13-й интернациональной бригады в декабре 1936 года «чапаевцы» атаковали Теруэль, превращенный мятежниками в крепость. Стояли сильные морозы, склоны окружавших Теруэль гор были покрыты глубоким снегом. Перед новым, 1937 годом республиканские части ворвались на северную окраину Теруэля, но дальше продвинуться не смогли. Анархистское командование, осуществлявшее руководство на этом участке фронта, провалило операцию.

Австрийцев вызвали в штаб авиации:

— Есть несколько старых, изношенных «ньюпоров». Это самолеты конца двадцатых годов. Из четырех машин мы попробуем собрать две. Согласны вы летать на них?

— На чем угодно полетим, лишь бы там пулеметы были!

— К сожалению, на «ньюпоре» всего один пулемет, да и он не всегда надежно работает.

— Заработает, заставим.

Так Короуз и Добиаш попали в отряд, патрулировавший Средиземноморское побережье Испании. Через несколько месяцев они пересели на «чатос».

Всю ночь не переставая лил дождь. А на рассвете завеса тумана закрыла аэродром Сагунто, на котором/ заканчивал дежурство ночной патруль во главе с АнатолиемСеровым. Туман был настолько плотен, что в нескольких шагах уже ничего не было видно.

К истребителю Серова, вынырнув из молочной белизны, подошли Виктор Кустов и Илья Финн.

— Проклятая погода! — пробурчал комэск. К 10 октября эскадрилье предстояло вновь перелететь на Бахаралос, и непредвиденная задержка на Сагунто беспокоила Серова.

— Как погода на Сабаделе? — поинтересовался Кустов.

Серов неопределенно махнул рукой:

— Такая же. Правда, туман пореже.

Нет для летчиков ничего привычнее и вместе с тем тягостнее, чем ожидание погоды… Сначала все трое молчали, потом начали вспоминать разные случаи полетов в тумане и облаках.

— Помнишь, Анатолий, как мы с Чкаловым в такой же туман специально летали? — спросил вдруг Финн.

— Зачем это? — заинтересовался Кустов. — Расскажи.

— Да что тут рассказывать? Летали, чтобы другие знали, как это делать. По приборам выходили к верхней кромке тумана, а там чистое небо. Потом брали курс к другому аэродрому, где условия посадки были лучше. Кажется, семь полетов тогда сделали, Илья?

— Си, ми хефе! — кивнул Финн.

— А если б сейчас пришлось, взлетел бы? — спросил комэска Кустов.

— Появится противник — буду взлетать, — твердо ответил Серов. Помолчали.

— Вернусь из Испании — опять на испытательную работу пойду, — раздался голос Финна.

— А у меня другой прицел, — откликнулся Кустов. — Буду проситься на учебу в академию. Но кабину истребителя никогда

не оставлю.

— Я за Виктора, — решительно сказал Серов. — Ох как нам надо учиться, ребята!

— У каждого своя мечта, — проговорил Финн. — Когда я строгальщиком в Москве работал, засела мне в голову мысль научиться летать. Но дорога в небо для меня оказалась ухабистой.

— Что же тебе мешало?

Первая попытка Ильи Финна поступить в аэроклубокончилась полным конфузом. «Ростом ты мал, паренек: до педалей управления не дотянешься. Подрасти немного», — посоветовали ему на приемной комиссии. На следующий год он вновь не прошел — комиссия была неумолима…

На заводе, где работал Илья, ему дали направление в Ленинградскую военно-теоретическую школу летчиков имени Ленинского комсомола. Здоровьем Ильи медики остались довольны, а с ростом помог случай. Сестру, измерявшую рост будущих курсантов, вызвали к телефону. Финну терять было ничего, и он передвинул планку вверх на несколько сантиметров. Сестра не заметила подвоха и записала в карточку лишние, так нужные Илье сантиметры.

Окончивших военно-теоретическую школу направляли в летные и технические учебные заведения. Свою мечту непременно стать летчиком Илья доверил бывшему в ту пору комиссаром школы Федору Усатому, поведав ему свои злоключения на медкомиссии. Когда пришло время решать, кому быть летчиком, а кому техником, Усатый, внимательно следивший за успехами в учебе «малыша», так прозвали курсанты Финна, добился направления Ильи в одну из приволжских военных школ нилотов, написав в аттестации, что его целесообразно использовать в истребительной авиации.

Прошло два года. Однажды в том военном округе, где служил Финн, проводились крупные авиационные учения. Группа истребителей, в составе которой находился Илья, провела показательный воздушный бой, за которым наблюдал народный комиссар обороны Климент Ефремович Ворошилов. Когда Финна вместе с другими летчиками представили маршалу, тот неожиданно спросил молодого пилота; «Какие у вас планы на будущее?»

— Мечтаю стать испытателем самолетов, — не задумываясь, ответил Илья.

Через неделю Финн был вызван на один из подмосковных аэродромов, где он встретился с Валерием Павловичем Чкаловым. Эта встреча решила его судьбу…

Разговор прервал послышавшийся со стороны моря нарастающий гул моторов.

— «Савойи» к Валенсии идут! Кустов и Финн выжидающе смотрели на комэска. Серов понимал, что не имеет права взлетать с аэродрома, окутанного непроницаемым туманом. Молчал стоявший на крыле командирского истребителя телефон: команды на вылет им не давали.

В районе Валенсии глухо забили зенитные орудия.

От сознания того, что ни они, ни находящаяся на аэродроме Лирия эскадрилья капитана Чиндосвиндо не смогут помешать фашистам сбросить бомбы на Валенсию, Анатолию Серову стало не по себе. В душе командира эскадрильи шла борьба. Он хорошо знал тех, кто стоял рядом с ним на узком, закрытом туманом аэродроме Сагунто. Не беда, что Финн недавно в Испании, — летать он умеет, да еще как. Виктор Кустов — третий месяц бессменный ведомый Серова; в него Анатолий верил, как в себя. И он подал команду:

— По самолетам!

Круто задрав вверх носы своих «курносых», летчики, не отрываясь от приборов, вели их сквозь туманную мглу навстречу противнику.

Томительно тянулось время. На высоте шестьсот метров истребитель Анатолия Серова вырвался к чистому небу. В глаза ударили ослепительные лучи солнца. На мгновение летчик зажмурился. Когда он открыл глаза, то увидел линию горизонта и слева спокойное синее море. А впереди, прижимаясь к верхней кромке тумана, шла девятка трехмоторных машин.

Бомбардировщики летели без прикрытия. Но Серов хорошо понимал, как мало значит его крошка-истребитель против защищенных со всех сторон пулеметными постами «савой». Тем не менее он, не размышляя, бросился наперерез противнику. Вот уже в прицел вписалась крайняя машина. Что за наваждение? На руле поворота бомбардировщика виднелся трехцветный республиканский знак — красно-желто-фиолетовая полоса. Свои? Но это же «савойи»!

Из тумана выскочил И-15 Кустова и открыл огонь по замыкающему бомбовозу. И тут же от флагманской машины отделилась серия бомб. «Вот подлецы!» Серов с яростью обрушился на фашистского флагмана. Вслед за ним противника атаковал Илья Финн.

Беспорядочно бросая бомбы и отстреливаясь, фашисты потянулись к острову Ивиса.

О том, чтобы совершить посадку на Сагунто, не могло быть и речи. Серов решил продолжать патрульный полет. Когда же

горючего в баках истребителей останетсяна полчаса, взять курс к Эбро и попытаться сесть в Альканьисе или Каспе. Во всяком случае, они должны пробыть в небе над Валенсией как можно дольше. Серов был уверен, что фашисты попытаются повторить налет. Кивнув своим ведомым, комэск повел их на высоту.

Ровно через тридцать минут со стороны Мальорки и Ивиса появились еще две группы «Савойя-Маркети-81». «Чатос» опять ринулись в атаку. Часть бомб «савойям» все-таки удалось сбросить, но массированного налета республиканские истребители не допустили. А это было главное…

Серову и его ведомым не хотелось покидать небо, но небольшой остаток горючего в баках заставил их задуматься о возвращении на один из своих аэродромов. Скрепя сердце Серов развернулся на северо-восток.

Внизу лежал непроницаемый туман. Ровно гудели моторы. Но летчики понимали, что их успокаивающий гул скоро сменится гнетущей тишиной: стрелки бортовых часов неумолимо отсчитывали время. Несмотря на весь трагизм положения, Серов не жалел, что поднял в воздух с Сагунто своих подчиненных. Если даже они разобьют эти бесценные для республики истребители и сами погибнут, никто их не осудит.

Какой короткой показалась ему в эти минуты прожития жизнь! Что в ней было? Надеждинский металлургический завод, где он работал подручным сталевара… Польская военно-теоретическая авиационная школа, Оренбургская летная школа… Потом прославленная в боях гражданской войны 1-я Отдельная Краснознаменная эскадрилья имени Владимира Ильича Ленина… Дальше — служба на дальневосточных рубежах Родины… Работа в институте, где был собран цвет советской авиации… Все-таки ему есть что вспомнить. Он честно выполнял свой долг.

Вот-вот должен кончиться бензин. Неужели придется прыгать? Нет, надо спасти машины во что бы то ни стало. Его острое зрение уловило несколько разрывов и гуманной пелене. Анатолий всмотрелся. Мелькнули знакомые складки рельефа, изгиб реки. Альканьис! Туман расступился, и летчики увидели прижатый к речному берегу аэродром.

— Откуда вы в такую рань? — здороваясь с Серовым и его ведомыми, спросил встретивший их Александр Гусев.

Анатолий устало ответил:

— Кажется, с того света, Саша.

На следующий день из сообщения агентства «Эспанья» стало известно, что на центр Валенсии фашистам сбросить бомбы не удалось: им помешали республиканские истребители. Но все же пострадали порт и пригород Дель-Грао. Бомбы огромной

разрушительной силы разнесли на куски кинотеатр и упали на базарную площадь. К счастью, в этот ранний час людей там не оказалось…

Прерванный разговор

«Чатос» подходили к Бахаралосу. В баках плескались последние литры горючего, пулеметные ленты были пусты. Оканчивался восьмой за этот день боевой вылет.

Едва показался аэродром, как двигатель истребителя Степанова стал давать перебои: кончался бензин, С трудом зарулив на стоянку, Евгений, не выходя из кабины, наблюдал за приземлением товарищей.

«Устали ребята, — думал Евгений, — нелегко им пришлось над Уэской».

Уэска, Уэска… Крошечные домики, амфитеатром взбегающие по зеленому склону горы. Собор, вонзившийся шпилем в небо. Красивый город…

Сегодня, 12 октября, в конце дня они потеряли над Уэской Мишу Котыхова.

Днем Михаил сбил на подходе к Сарагосе Ю-52. Трехмоторная фашистская машина под прикрытием истребителей пыталась на небольшой высоте проскользнуть к своему аэродрому Гарапинильос. В пылу боя никто не заметил крадущийся бомбардировщик, но Михаил бросился к крестастой громаде и тремя очередями зажег ее…

Евгений Степанов был крепко привязан к молодому пилоту. На Родине Михаил летал в его звене. И в Испании он по старой привычке звал Евгения командиром и по-прежнему делился с ним всеми своими заботами и новостями.

Евгений хорошо помнил, как провожал Котыхова в первый ночной полет. Это было в январе тридцать седьмого года под Ленинградом. Они прогуливались по расчищенной от снега дорожке в ожидании очереди лететь.

Поскрипывал под меховыми унтами снег. Вспыхивал и гас голубоватый луч посадочного прожектора. Тихо, будто прислушиваясь к гулу моторов, стоял темный еловый лес. Евгений чувствовал волнение Михаила. Понимая состояние молодого пилота, он старался отвлечь его разговором. О многом переговорили они в ту морозную ночь…

Отец Михаила Котыхова погиб в гражданскую войну, с сестрой Тоней жил мальчик у своего деда — кузнеца Акима в селе Приречье. С малых лет Михаилу были привычны яркий огонь горна, звон железа, золотистые брызги металла, запах окалины.

— Присматривайся, внучек, — говорил старый кузнец. —

Уйду на покой — заменишь меня.

Ни внук больше смотрел в небо. Там с восхода солнца и до вечерней зари кружили самолеты: рядом находилась Борисоглебская военная школа пилотов.

Зимними вечерами дед любил рассказывать внукам о войне с турками, участником которой он был. Михаил слушал старого солдата и отчетливо представлял затерянный в Балканских горах перевал, русских гренадер и болгарских ополченцев, атакующих Шипку…

Ежегодно в день взятия Шипки дед с утра отправлялся в стоявшую у ручья жарко истопленную баньку. Долго и шумно парился. Придя из бани, вытаскивал из сундука пропахшее нафталином свое гренадерское обмундирование, начищал мелом до блеска бляху ремня, пуговицы, кресты и медали и перед зеркалом облачался в форму.

Вздыхая, подолгу рассматривал литографию с картины Верещагина «На Шипке все спокойно».

— Всю правду нарисовал Василий Васильевич. Всю правду, — неизменно говорил дед. — Какой художник был? Из одного котелка с солдатом ел, а сам ведь из помещиков происходил. В атаки с нашим братом ходил. Не обошла и его вражья пуля — ранили его турки. Погиб он уже к японскую войну при Порт-Артуре. Утонул вместе с адмиралом Макаровым на броненосце «Петропавловск».

Усаживаясь после бани за стол, старый кузнец выпивал стопку и, подняв указательный палец, говорил жене своей Степаниде Васильевне:

— Не перечь. Я клятву дал: пока живой — поминать дружков своих, оставшихся навечно у Шипки.

Выпив, дед начинал петь лихие гренадерские песни. Сгепанида Васильевна, привыкшая к «вывертам» мужа, только головой качала. Потом отправляла ребят подальше от дома: зачем, мол, им слушать, что пели солдаты в старину…

Дед поднимался с табурета и, печатая шаг, отправлялся на противоположный край села. Там жили родные его однополчан, погибших на перевале.

Возвращался домой Аким к вечеру. Молча брал потертую трехрядку. Примостившись на лавочке под старой грушей, наигрывал, отбивая такт ногой, походные марши своей солдатской молодости. Перед сном кузнец с сожалением снимал форму и аккуратно складывал ее в сундук.

Случалось, что в такие дни в Приречье наезжал участковый милиционер.

— Не положено, Аким Алексеевич, подобную форму носить и

к тому же кресты… Порядок нарушаете, — говорил он с начальственными нотками в голосе.

— А ты мне не указ. Тебя на свете еще не было, когда я теми крестами был за храбрость награжден.

— Да ведь я, Аким Алексеевич, для вашей же пользы, — оправдывался участковый.

— Для какой это пользы? — наступал кузнец. — Если хочешь знать, я и Советскою властью отмечен. — Дед вытаскивал из кармана часы и щелкал крышкой. — Смотри! «От Реввоенсовета 1-й Конной армии Акиму Котыхову за храбрость», — торжественно читал дед. — От самого Буденного!

Разговор обычно заканчивался тем, что участковый заходил в дом и садился к накрытому столу.

— За сливовый самогон не заарестуешь? — хитро прищурившись, спрашивал кузнец. — В Болгарии научился делать. Зовется он сливовицей, надо сказать, довольно неплохая вещь.

Аким разливал в стаканы пахучую янтарную жидкость. Высоко поднимая граненый стакан, провозглашал:

— За русское наше оружие! За тех, кто с Шипки не вернулся! За братьев болгар!..

— Значит, мы с твоим дедом одной профессии? — глядя на снижающийся в луче прожектора истребитель, спросил Михаила в тот вечер Евгений.

— Я и не знал, что вы кузнец, — удивился Миша. — Дед мой считает эту профессию наравне с солдатской — самой древней и почетной…

Раскаленный диск солнца уже зацепился за вершины Иберийских гор, когда эскадрилья возвратилась из боя пил Сарагосой.

Подложив под голову куртку, Степанов отдыхал под и рылом самолета. Покачивая головой, Энрике заклеивал серыми кусочками перкаля пулевые пробоины. Мотористы и оружейники снаряжали самолет бензином, маслом и боеприпасами. Запах эмалита привычно щекотал ноздри.

Под крыло заглянул Котыхов: их истребители стояли рядом.

— Можно?

— Заходи, — улыбнулся Евгений. Хлопнув рукой по карману, Михаил сказал:

— Тереза вместе с сидром письмо мне прямо к самолету принесла. От сестры…

— Как дома?

— Пишет, приезжай скорее. Урожай в этом году небывалый. Спрашивает, долго ли будет моя командировки длиться…

— А старый гренадер как — все работает?

— В сторожах теперь. Зрение подводить стало. Не то до сих пор стучал бы в кузне, у него силища огромная.

— Хотел все спросить тебя: как дед отнесся к тому, что ты стал летчиком?

— Гордился. Вернемся — поедем к нам отдыхать. Места у нас раздольные, в лугах заблудиться можно. Осенью свадьбы играют, веселье…

Застегивая на ходу шлем, к стоянке быстро шел Серов.

— Над Уэской крупный воздушный бой. Там дерутся эскадрильи Девотченко и Плещенко. Нас предупредили — быть готовыми к вылету. Ты, Степанов, пойдешь у меня справа. Все равно твои ведомые лететь не могут. — Он указал на стоянки, где механики хлопотали у изрешеченных самолетов Добиаша и Короуза.

— По самолетам!

Будто подхваченный внезапно налетевшим вихрем, рванулся на взлет «чато» Серова. Рядом с ним пошли Степанов и Финн.

Над Уэской кипел воздушный бой. Используя свое численное превосходство, фашистские истребители располагались несколькими ярусами — от трех тысяч до пятисот метров.

Серов рукой показал Евгению и Илье на большую группу истребителей противника, — не ввязываясь в бой, они виражили на самом верхнем ярусе. Видно, кого-то ждут.

Подойдя к изгибу железной дороги, «чатос» развернулись к Уэске. И почти одновременно с ними появилась группа Ю-86. Серебристый клин бомбовозов четко вырисовывался в закатном небе. Степанов ждал сигнала ведущего. Серов качнул крыльями истребителя: «Иду в атаку». Томительные секунды сближения… «Юнкерсы» ощетинились свинцом пулеметов. Сверху на республиканские истребители бросились «фиаты». Эскадрилья, сближаясь с «юнкерсами», шла сквозь косой дождь фашистских пулеметов.

В прицеле истребителя Степанова появился флагман противника. Еще немного… Но тут же, почти вертикально став на крыло, «юнкерс» рванулся в сторону. «Ого… там, видно, бывалый волк сидит». Серов, Степанов и Финн одновременно огнем пулеметов полоснули бомбовоз. «Юнкерс» завалился на бок и штопором пошел к земле. В воздухе забелели парашюты.

Боевой разворот. Звено устремилось к следующей машине. Евгений любил такие атаки, когда чувствуешь дыхание товарища, словно связанного с тобой невидимой прочной нитью.

В воздухе все перемешалось.

Атакованные республиканскими истребителями

бомбардировщики развернулись и стали уходить на свою территорию. И тут Степанов увидел горящий «чато». Увидел и Серов. Он подал сигнал Евгению, и оба истребителя в отвесном пике понеслись вниз.

Горел самолет Котыхова. Пытаясь скольжением сбить пламя, охватившее обшивку верхнего крыла и фюзеляж, Михаил отстреливался от окруживших его фашистов. Едва не столкнувшись с одним из «фиатов», летчик вогнал в него очередь всех четырех бортовых пулеметов. «Фиат» стал падать. Серов, Степанов и присоединившийся к ним Григорий Попов с трудом сдерживали атаки фашистов, но силы были неравны. После того как Котыхов сбил «фиата», фашисты совсем остервенели. Не жалея боеприпасов, рвались они к едва державшемуся в воздухе «чато».

Бой оттянулся на республиканскую территорию. Котыхов не спешил покидать горящий самолет. Он шел к Сариньене, видимо надеясь посадить там свою машину. Ободренный поддержкой друзей, Михаил боролся с огнеми фашистами. Но вдруг ярко-оранжевое пламя охватило весь истребитель, от центроплана до хвостового оперения. На высоте около двух километров Михаил покинул самолет. В затяжном прыжке он падал к подернутой белесой дымкой земле. Потом над летчиком взметнулся белый купол.

«Фиаты», обладавшие на пике большой скоростью, чуть раньше успели с повисшему на стропах парашюта летчику. Степанов видел, как Михаил, вытянув руку с зажатым в ней пистолетом, стрелял в фашистов.

Положив свои истребители в глубокий вираж, Серов, Степанов и Попов образовали круг, в центре которого снижался Котыхов. Прикрывая попавшего в беду товарища, лишенные возможности маневрировать, «курносые» шли вниз, подставляя себя под удары истребителей противника. Но вот пятнистый «фиат» с переворота устремился к Котыхову. Медлить нельзя. Евгений толкнул ручку управления от себя и оказался в хвосте у фашиста. Нажал гашетки — пулеметы молчали…

От «фиата» к куполу парашюта Михаила протянулись яркие пунктирные дорожки. Евгений дернул рукоятку перезаряжения пулеметов. Вновь нажал гашетку. Пулеметы молчали. Времени размышлять не было. Дав полный газ мотору, Евгений бросил истребитель на хвостовое оперение «фиата». Казалось, столкновение неизбежно, но и последний момент фашист кинулся вниз. Евгений пронесся рядом с Михаилом. Купол парашюта во многих местах был пробит пулями. Голова летчика безжизненно склонилась на грудь.

Убедившись, что добились своего, фашисты развернулись к Уэске. Парашют опустил на скалы иссеченное пулями тело Михаила…

Долго еще в Приречье будут ждать писем. Не скоро страшная весть придет в далекое от Уэски русское село…

Товарищи по оружию

Утро 13 октября выдалось пасмурное. Северный ветер срывал с деревьев листья, гнал над Арагоном темные дождевые облака. В это холодное утро друзья и жители Базаралоса проводили в последний путь Михаила Котыхова.

Обнажив головы, молча стояли летчики около усыпанной осенними цветами могилы. Выступил алькальд Бахаралоса:

— Камарадас! Могила «русо пилото» для нас священна. Каждый год в этот день мы будем приходить сюда и вспоминать, как в тяжелую для нашей родины пору Россия отдавала Испании самое дорогое — своих сыновей…

На аэродроме уже ожидал приказ о вылете к Фуэнтес-де-Эбро. Задача обычная — сопровождение бомбардировщиков.

Осунувшийся за эту ночь Серов стал медленно надевать парашют.

«Болен он, что ли?» — встревожился Степанов. Еще утром он заметил, что у Анатолия воспаленные глаза и нездоровый румянец, но подумал — наверное, от холодного ветра.

Показалась эскадрилья бомбардировщиков Р-зет. Подойдя к Бахаралосу, самолеты повернули к кладбищу. Стрелки-бомбардиры нажали гашетки пулеметов. В небе прогремел салют погибшему товарищу. Вслед за Р-зетами над могилой Михаила пронеслись И-15. Раздался горохот бортовых пулеметов. Прощай друг…

Выполнив задание, эскадрилья уже возвращалась на Бахаралос, когда у машины Антонова остановился подбитый в бою двигатель. Серов махнул рукой: «Прикройте». Степанов, Ярошенко и Петрович кружились над узкой долиной, пока Антонов не посадил свой истребитель на берегу горной реки.

После разбора вылета Серов сказал Степанову:

— Кажется, я, Женя, заболел. Горит у меня все внутри. Чувствую, сегодня мне уж не летать. Оставайся за меня. Отправь к Антонову механиков и горючее.

Когда летчики пошли на обед, Степанов, Том Добиаш и Вальтер Короуз остались у самолетов.

Вскоре на стоянку пришел взволнованный Рыцарев.

На вопрос: «Как командир?» — коротко ответил:

— Едва уложили. Врач говорит: нервное перенапряжение. А он смеется: «Завтра здоров буду». — Начальник штаба посмотрел на серое небо и озабоченно добавил: — Погодка! Сейчас самое

время бомберам нам на голову гостинцы высыпать. Любят они подличать из-за облаков.

Разговор прервал приближающийся гул мотора.

— Не Антонов ли?

Почти над самой землей к аэродрому подходил «чато». Вид у самолета был странный. На крыльях и хвостовом оперении трепыхались куски сорванной обшивки. В некоторых местах фюзеляжа перкаль был содран настолько, что истребитель походил на скелет какого-то диковинного животного.

— Здорово его пощипали. — Летчики с тревогой наблюдали за самолетом.

Когда машина закончила пробег и из нее выскочил летчик, Степанов невольно вскрикнул:

— Моркиляс!

Он не ошибся. Это был Леопольд Моркиляс, тот самый Моркиляс, который на Северном фронте командовал эскадрильей «курносых», а затем в тяжелом состоянии был вывезен на «Дугласе» в Валенсию.

После лечения в госпитале командование предложило Леопольду месячный отпуск. Он отказался. «Но сейчас нет должности командира эскадрильи», — сказали ему в штабе авиации. «Разве в такое время думают о должностях? Пошлите меня в любую эскадрилью рядовым летчиком», — ответил Моркиляс. Его направили на аэродром в Реусе, где заканчивалось формирование новой эскадрильи И-15, командиром которой был уже назначен Хаун Комас, в прошлом ведомый Моркиляса на Северном фронте.

Серов и Степанов несколько раз побывали в Реусе, помогая быстрее ввести молодых летчиков в строй. Теперь эскадрилья Хуана Комаса уже участвовала в боях. Базировалась она всегда в нескольких километрах от Бахаралоса…

— Лечу и чувствую, что в баках сухо, вот и завернул к вам. Не пожалеешь бензина, Эухенио? — улыбаясь, спросил Моркиляс.

— Куда ж его заливать? — кивнул на изуродованную машину Степанов. — Где это тебя так потрепали?

— Над Бельчите. Пришлось из боя выходить. А но дороге еще «фиата» встретил. Ну, он от меня не ушел.

Рыцарев, успевший бегло оглядеть «чато», успокоил испанца:

— Обтянут самолет полотном, покрасят, и будет как новый. С Серовым был такой же случай, за два дня его истребитель поставили на ноги…

Рыцарев не успел закончить — из облаков вынырнул Ю-86. Развернувшись над аэродромом, он ушел в сторону Сарагосы.

— Разведчик! Второй раз сегодня к нам пожаловал. Нужно

занимать готовность номер один, — встревожился Рыцарев.

— Ракету! — скомандовал Степанов.

Заняв место в кабине истребителя, Евгений с удивлением увидел у самолета Моркиляса бензозаправщик и оружейников. «Неужели он думает лететь?».

Из облаков вновь вынырнул «юнкерс» с приглушенными моторами. Навстречу воздушному разведчику взлетели Финн и Мастеров. И тут же в просвете облаков показалась девятка Ю-86. Мешкать было нельзя. Ракеты и эскадрилья звеньями пошла в воздух.

Остывший двигатель истребителя Степанова никак не запускался. С отчаянием смотрел он вслед взлетевшим товарищам. Последним с Бахаралоса в воздух ушло звено Николая Соболева. На своем покалеченном само лете взлетел и Леопольд Моркиляс.

Бомбардировщики медленно наплывали на аэродром, Степанов выскочил из кабины.

— В укрытие! — крикнул он механику. Энрике только рукой махнул.

— Убьют ведь! — Степанов стащил механика со стремянки.

— Пустите! Мне мотор исправить нужно.

В воздухе раздался дробный перестук пулеметов. Первые три звена, возглавляемые Никитой Сюсюкаловым, пошли в атаку, звено Соболева осталось над аэродромом.

Никогда еще Евгению Степанову не приходилось с земли наблюдать настоящий воздушный бой. С замиранием сердца смотрел он на развернувшуюся в небе схватку.

Один «юнкерс» вспыхнул. Остальные начали сбрасывать бомбы. Султаны взрывов поднялись на склонах горы, у подножия которой находился аэродром. Разрозненными группами «юнкерсы» потянулись в облака. И тут же с другой стороны появилась вторая девятка бомбардировщиков.

За спиной Евгения взревел мотор. Он быстро занял место в кабине. Послышались привычные команды и сигналы. Энрике высоко поднял над головой тормозные колодки. Евгений дал газ. Набирая скорости, «чато» пошелна взлет. Однако сегодня беды следовали одна за другой. Едва самолет набрал высоту, оборвался гул работавшего на полных оборотах мотора. «Поспешил с взлетом. Следовало прогреть двигатель», — мелькнуло в голове у летчика. «Что делать?» Совсем близко была площадка, на которой базировалась эскадрилья Хуана Комача. Туда и направил Степанов свой истребитель. Жуткое это было зрелище: по всему периметру площадки виднелись воронки от авиабомб. «Чатос» испанцев взлетели и атаковали «юнкерсов».

Другого выхода не было, и Степанов повел истребибиель на посадку. Пройдя над стоянкой, он заметил одиноко стоящий на земле «чато» и сцепленный с ним автостартер. Видимо, с летчиком что-то случилось. Решение пришло мгновенно: «Уйду в воздух, если машина исправна. Комас не будет в обиде…»

Выбравшись из кабины, Степанов побежал к стоящему на земле истребителю, на борту которого белой краской была крупно нарисована цифра 13. Навстречу из щели выскочили трое испанцев.

— Самолет исправен?

— Си! Да! — Субида! Взлет! — крикнул Степанов, садясь в кабину.

Испанцы удивленно переглянулись. Но в следующее мгновение они поняли намерение неизвестно откуда появившегося «русо пилото». Механик, шофер автостартера и моторист бросились к истребителю. Через несколько минут Евгений был уже в гуще боя…

Бомбардировщики пожаловали на сей раз без сопровождения истребителей. На первый взгляд их расчет был правильным: неожиданное появление из-за облаков, бомбежка, уход в облака. Фашистское командование знало, что на республиканских аэродромах нет зенитного прикрытия, а то, что «чатос» смогут взлететь при такой облачности и под бомбами, очевидно, в расчет не бралось.

«Юнкерсы» подходили с разных сторон и с временным интервалом. Фашисты, как видно, полагали, что если республиканские истребители и взлетят, то после израсходования горючего вынуждены будут сесть и бомбардировщики добьют их на земле.

Оказавшись среди истребителей эскадрильи Комаса, Евгений вместе с ними атаковал бомбовозы. Где-то встороне преследовал фашистов Сюсюкалов с тремя звеньями. Соболев и его ведомые вели бой над самым аэродромом. Несколько раз Степанов видел мелькавший в небе «чато» Моркиляса.

Минут двадцать гонялись «чатос» за рассеянными по небу бомбовозами Испанцы сбили двух «юнкерсов» Наконец фашисты стали уходить. Прекратив преследование, эскадрилья Комаса направилась к своей площадке. Но там, где еще недавно был просвет в облаках, летчики увидели сплошную, непроницаемую облачность.

«Что же делать? Нужно всех вести к Лериде, — подумал Евгений. — Там большой аэродром и горы пониже. Долина реки Сегре и железная дорога Барселона — Сарагоса — хорошие ориентиры», — решил он.

Подлетев к Комасу, Степанов подал сигнал «Следуй за мной!». В ответ из кабины появился кулак Хуана. В чем дело? При вторичной попытке подать сигнал испанец еще более выразительно потряс кулаком и указал Степанову место в строю эскадрильи, в звене, где не хватало одного самолета. Только тогда Евгений догадался, что комэск принимает его за своего подчиненного. Расстегнув застежку, он сорвал с головы шлем и очки. Встречный поток воздуха больно резанул глаза. И тут Евгений увидел изумленное лицо Хуана. Действительно, откуда мог знать комэск, каким образом «русо пилото» оказался в кабине истребителя его эскадрильи? Но вот Комас согласно кивнул головой и развернул эскадрилью на курс девяносто пять градусов…

Когда Евгений подлетел к Никите Сюсюкалову, повторилась та же история, что и с Хуаном Никита никак не мог понять, что нужно испанскому летчику, настойчиво подающему сигнал «Следуй за мной!». Пришлось Евгению опять снимать шлем и очки. Сюсюкалов кивнул: «Все ясно».

Двадцать один самолет, шел теперь за истребителем Степанова.

Что думал он в эти мгновения, когда на его плечи легла ответственность за жизнь людей, за самолеты? Когда он потом пытался вспомнить, то на память приходило только одно: как он считал минуты.

По расчету времени, под ними уже должен был быть город и Евгений решил, оставив над облаками всю группу, самому пробиться вниз, к аэродрому. Затем вернутьсяобратно и, одного за другим, отправить к спасительной земле все истребители.

Дав сигнал Сюсюкалову и Комасу, чтобы они со своими ведомыми ожидали его здесь, Степанов, опустив нос истребителя, окунулся в липкую пелену облаков. Теперь все его внимание было сосредоточено на приборной доске. Казалось, что «чато» находится в огромном матовом колпаке. Даже привычное пение мотора звучало тише в плотной вате облачности. Томительные мгновения… Евгений нетерпеливо смотрит на стрелку высотомера, медленно ползущую по черному циферблату.

На высоте двести метров истребитель вынырнул из облаков. Совсем недалеко темнели колокольни Лериды. Летчик облегченно вздохнул. Сделав круг над аэродромом, «чато» круто задрал кверху нос и вошел в облака.

Вскоре истребитель вновь вырвался к солнцу, к голубому небу. Но Евгению, тревожившемуся за судьбу оставленных за облаками товарищей, было не до небесных красот. Качнув крыльями истребителя, он повел всю группу к точке, где

находился аэродром.

Один за другим «чатос» по сигналу ныряли вниз. Степанов, Комас и Сюсюкалов ходили над облаками, пока из их глаз не скрылся последний самолет. Тогда Евгений дал сигнал Хуану и Никите уходить к земле.

Через минуту, осмотрев пустынное небо, он отдал от себя ручку управления Пробив облака, развернулся над центром Лериды и направил истребитель к аэродрому. И конце взлетно-посадочной полосы стояли «чатос» Хуана и Никиты. На стоянке ровными рядами выстроились истребители обеих эскадрилий. К остановившемуся самолету Степанова, подбрасывая в воздух шлемы, бежали испанские и советские летчики.

Ему не дали снять парашют. Летчики подхватили Степанова и с силой бросили вверх.

— С ума вы сошли, что ли? — закричал он, пытаясь ухватиться за летную куртку Леопольда Моркиляса, но тут же вновь взлетел на уровень верхнего крыла истребителя, подброшенный крепкими дружескими руками.

Адриашенко выстрелил ракету. Истребители пошли ни взлет. Рядом с Виктором Ивановичем, провожая тревожным взглядом самолеты, стоял подполковник Луна. Обычно веселый, жизнерадостный, командующий ВВССеверного фронта в последнюю неделю осунулся, помрачнел.

С моря донеслись артиллерийские залпы. Луна тяжело вздохнул.

— Город полон беженцев и раненых, а фашисты все бьют и бьют по Хихону. Днем и ночью, днем и ночью…

Адриашенко промолчал. Что он мог ответить командующему?

Аэродром Карреньо, на котором они сейчас находились, был единственным, оставшимся в руках республиканцев здесь, на севере. Но и он все время подвергался налетам фашистов. Всю авиацию Северного фронта составляли теперь шесть истребителей И-16 и три И-15. На этих израненных машинах летчики Иван Евсевьев, Нестор Демидов, Сергей Кузнецов, Франсиско Тарасона, Уэрта, Луис Фрутос, Ладислав Дуарте, Роман Льорента и Кастильо уходили в опаленное огнем небо над Хихоном.

Последний опорный пункт республиканцев на севере обороняли лишенные боеприпасов, медикаментов, продовольствия, окруженные с суши, блокированные с моря и воздуха батальоны астурийских шахтеров…

— Коронель, получен приказ отправить советских летчиков во Францию. Сегодня из Тулузы должен прибыть самолет, — тихо проговорил Луна.

Адриашенко нахмурился:

— Понимаю, что Хихон удержать трудно, но уйдем мы из него последними.

— Это приказ, коронель! Завтра всем оставшимся на Карреньо летчикам будет нечего делать. Мы эвакуируем аэродром — Голос Луны звучал глухо. — Выхода нет. Горючего у нас осталось не более трех тонн. Боеприпасов почти нет. Все, что было, сгорело вчера. Вы же знаете… Совесть летчиков, живых и мертвых, защищавших небо севера Испании, чиста. Всего девять истребителей против трехсот фашистских самолетов…

Со стороны Кантабрийских гор появились фашистские истребители и бомбардировщики.

— Вон их сколько, — с гневом проговорил Луна. — Что могут сделать наши несколько истребителей?

— Они атакуют противника, — ответил Адриашенко, Евсевьев, Кузнецов и Демидов, маскируясь за облаками, сближались с фашистами. Не замечая трех И-16, «мессеры» на большой скорости неслись на шедших ниже и сзади Тарасону, Фрутоса и Уэрту.

Доворот. Евсевьев, Кузнецов и Демидов устремились наперерез фашистам. Тарасона и Фрутос успели развернуться и снизу пошли навстречу «мессерам», Уэрта с маневром промедлил. «Собьют!» Евсевьев приник к прицелу. В перекрестие вошли крылья фашистского истребителя. «Не спеши, не спеши». Молчат пулеметы Кузнецова и Демидова. Патронов мало, бить нужно только наверняка…

Длинное тело ведущего Ме-109 закрыло почти весь окуляр прицела. Пора! Евсевьев нажимает гашетки. Почти одновременно открывают огонь его ведомые. Фашист валится вниз…

Три И-16 прорываются через строй «мессеров». Перед ними — бомбовозы противника. Сзади закрутились в карусели боя Тарасона, Фрутос, Уэрта, Дуарте, Льоренте и Кастильо. Только после посадки на Карреньо они узнают, что в эти минуты в воздухе было более тридцати истребителей и сорок бомбардировщиков противника…

«Атакуем», — подает сигнал Евсевьев. Сверху на них бросаются «мессершмитты». Но республиканские истребители успевают помешать «хейнкелям» лечь на боевой курс и прицельно сбросить бомбы на порт.

Из-за облаков вырывается новая группа «мессеров». Она замыкает кольцо вокруг тройки И-16. Кузнецов и Демидов открывают огонь Евсевьев знает: это их последние патроны. И в этот момент Тарасона прорывает вражеское кольцо, бросает свой истребитель вверх и камнем падает на ведущего «мессера».

Длинная очередь. Фашистский самолет ложится на крыло, затем взрывается.

Тарасона пристраивается к «камарада Иванио». Евсевьев успевает заметить сверкнувшую на миг белозубую улыбку испанца. «Спасибо, товарищ!»

Вверх, вниз… Вверх, вниз… Они носятся, стреляют, маневрируют среди крестастых машин. От перегрузки в глазах Евсевьева стоит красный туман. Кончились боеприпасы у Кузнецова и Демидова. «Сколько патронов у меня?» — думает Евсевьев. А фашистские самолеты все подходят…

Отсечен от товарищей Демидов. Выходит из боя подбитый Уэрта. Проваливается в дымовое облако Сергей Кузнецов; «Что с ним?»

Вспыхивает «чато» Кастильо. К нему устремляются фашисты. На горящей машине испанец входит в вираж, «мессеры» повторяют его маневр. Евсевьев бросается наперерез паре фашистских истребителей. Несколько коротких очередей, и один из «мессершмиттов» падает и волны залива. Кастильо, пытаясь сбить огонь, бросает «чато» в пике. Евсевьев идет за ним. «Да прыгай ты!» — мысленно кричит он. Но Кастильо в этот момент думает не о себе. С трудом сажает он свой «чато» на мелководье. Клубы белого пара скрывают летчика и самолет…

Когда пар рассеялся, стали видны торчащее из води хвостовое оперение полузатопленного истребителя и крошечная фигурка летчика, ползущего по верхней части фюзеляжа. Это увидел не только Евсевьев, круживший над местом вынужденной посадки Кастильо. Фашистские пилоты не хотели оставлять летчика живым. Введя свои машины в пике, они открыли по нему огонь. А Кастильи все полз и полз…

От берега, стреляя по фашистам, к месту посадки «чато» мчался катер. Евсевьев бросился наперерез фашистским самолетам. Его пулеметы молчали. Но истребитель продолжал сражаться. Он не уходил до тех пор, пока не увидел, как моряки сняли Кастильо с борта лежавшего в воде «чато».

Шла девяносто пятая минута боя. Кончалось горючее. Надо было возвращаться.

На горящем, изрытом бомбами аэродроме лежал опрокинутый вверх колесами самолет Уэрты. В стороне от него, накренившись, стоял истребитель Кузнецова. В конце полосы виднелись машины Демидова, Тарасоны и Фрутоса. Обессиленные боем, летчики все еще сидели и кабинах…

К середине дня передовые части фашистов подошли к Карреньо на расстояние орудийного выстрела.

На имя советника командующего ВВС Северного фронта

Адриашенко пришла шифрованная радиограмма. В ней приказывалось советским летчикам-добровольцам покинуть Карреньо.

— Придется нам все-таки собираться, — нахмурившись, сказал Адриашенко Евсевьеву.

Но обещанного самолета из Тулузы все не было.

Наступили сумерки, когда со стороны залива послышалось стрекотание мотора. На небольшой высоте каэродрому подошла авиетка с французскими опознавательными знаками.

— Уж не за нами ли этот дилижанс? — невесело пошутил кто-то.

Совершив посадку, самолет подрулил к стоянке. Из кабины на землю выпрыгнул худощавый летчик. Он сообщил, что в Карреньо должен был вылететь двухмоторный «потез», но самолет оказался неисправен.

— Мне поручено вывезти во Францию вас, коронель! — обратился он к Адриашенко.

— Но я не один.

Француз только развел руками:

— Вы видите, на чем я прилетел?

— Я покину Карреньо только со своими товарищами, — твердо ответил Адриашенко. Пилот заволновался:

— Вы шутите? Возвратиться одному! Мне за полет уплачены деньги. Не могу же я обмануть мадам!

— Что еще за мадам? — удивился Адриашенко.

— Вы не знаете мадам Александру? Она мне о вас говорила как о своем самом близком родственнике. Она очень волнуется…

Адриашенко задумался.

— Если посадить троих на пол, да поплотнее, а я рядом с тобой — взлетишь?

— Вы шутите, коронель? При такой загрузке самолет с места не тронется.

— Не только тронется, но и взлетит.

Француз улыбнулся:

— Коронель, когда-то меня за подобные проделки выгнали из военной авиации. Правда, тогда мы втроем летали за вином и виноградом в Шампань и ничем не рисковали, кроме своих погон. Но сейчас…

— Фашистов боишься?

— Совсем нет, — обиделся француз. — Просто опасаюсь, как бы вместе с вами не рухнуть в залив. А в октябре вода очень холодная…

Адриашенко решил прекратить споры.

— Так летим?

Француз приложил руку к летному шлему:

— Я в вашем распоряжении, коронель!

— Значит, завтра на рассвете. Мне еще в Валенсию успеть нужно…

— А нам? — спросил Евсевьев.

— Приказано вернуться на Родину.

Вечером Луна пригласил всех на скромный ужин. В темном небе выли фашистские самолеты. С залива, озаряя небо яркими вспышками, стреляли орудия фашистских кораблей.

Невеселое было прощание. По-солдатски помянули тех, кто пал в бою. Подняли тост за дружбу. Было решено, что при приближении противника к аэродрому Дуарте, Льорепте, Тарасона и Фрутос на оставшихся истребителях перелетят во Францию.

— Самолеты у них отнимут, зато людей сохраните, — сказал Луне Адриашенко.

Тот согласился.

Тарасона достал из кармана летной куртки фотокарточку. Волевое лицо, русые волосы, прямой взгляд.

— Это Сергио Плыгунов, человек, научивший нас лобовым атакам и стрельбе с короткой дистанции. Снимок сделан в Валенсии, после того как мы прошли у него подготовку в Эль-Кармоли. Сейчас на Карреньо из всех, кто учился у Плыгунова, остались только я и Фрутос, Ты его знаешь, Иванио?

— Нет, Франсиско, — ответил Евсевьев.

— Если случайно встретишь, передай, что его уроки не прошли для нас даром.

— Непременно передам — поднялся Луна:

— Прощайте, камарадас. Мы никогда не забудем, как вместе с вами сражались в небе Испании…

Серый рассвет 13 октября Адриашенко, Евсевьеп, Кузнецов и Демидов встретили на аэродроме. Их пришли проводить испанские летчики. Обнялись.

— Желаем вам счастья. Мы верим в победу испанского народа, — сказал Адриашенко, прощаясь.

Французский пилот с сомнением смотрел, как его пассажиры втискиваются в узкую кабину авиетки.

Подняв в приветствии руки, Луна, Дуарте, Льоренте, Тарасона и Фрутос отошли от самолета. Тарахтя мототором, авиетка медленно пошла на взлет. Когда до конца полосы оставалось меньше пятидесяти метров, машин;! неохотно оторвалась от земли. И тут же на аэродром обрушился огонь фашистских батарей…

Три часа безоружный, до предела перегруженный самолет

шел низко над волнами Бискайского залива. Справа по курсу в туманной дымке угадывались берега Астуриии Басконии. Там теперь были фашисты… Несколько раз вплотную к авиетке подходили «фиаты» и «мессершмитты», но, увидя французские опознавательные знаки, отворачивали в сторону. Самолет шел над нейтральными водами…

Когда показался французский берег, Адриашенко, отняв у своих спутников пистолеты, выбросил их за борт.

В это время хрипло закашлял мотор: кончилось горючее. С ходу летчик направил машину к видневшейся впереди каменистой площадке. Ударившись о валун, авиетка накренилась и остановилась. Шасси и крыло были сломаны, но пассажиры не пострадали.

— Большего я не мог сделать, — извиняющимся тоном сказал пилот.

— Ты настоящий парень. Настоящий француз, — пожав ему руку, ответил Адриашенко.

Через двадцать минут после посадки они были арестованы полицейским патрулем и доставлены в комиссариат. При обыске у пассажиров авиетки не оказалось документов и никаких личных вещей. Только у Адриашенко нашли триста долларов, которые в последний момент сунул ему в карман Луна — на всякий случай.

— Кого ты привез во Францию, негодяй? — набросился на пилота полицейский комиссар.

Тот усмехнулся — ему это было не впервой.

— Комиссар, я советовал бы выбирать выражения. Это порядочные люди.

— Прошу соединить меня с советским полпредством в Париже, — требовательно произнес Адриашенко. — Разговор будет оплачен.

Он вынул несколько долларовых бумажек и положил их на стол.

Полицейский сразу стал любезнее.

— И еще, мсье комиссар, прошу, чтобы нам доставили еду. Со вчерашнего вечера мы ничего не ели.

Виктор Иванович положил на стол еще несколько бумажек.

Поздно вечером советские добровольцы приехали в Париж. Здесь Адриашенко узнал, что мадам Александра, о которой говорил пилот, была жена советского военно-воздушного атташе Александра Николаевна Васильченко. На следующий день Адриашенко вылетел в Валенсию…

«Ход конем»

На Бахаралосе ожидали Птухина и Агальцова. Но вместо знакомого всем «драгона» со стороны Сариньены показались четыре истребителя.

— Вот тебе на! Никак Антонов прихватил «фиата», — всматриваясь в приближающиеся самолеты, проговорил Рыцарев.

Тем временем подошедшие к аэродрому «чатос» легли в вираж. Тот, что летел выше «фиата» дал длинную очередь, и фашистский истребитель пошел на снижение.

— Смотри, какой послушный, — смеялись столпившиеся у стоянок летчики.

Заходивший на посадку «фиат» промазал. Взревев мотором, пошел на второй круг. И вновь перед его носом простучала пулеметная очередь.

Наконец фашист сел. К нему на «пикапе» бросились Рыцарев и несколько вооруженных механиков. Начальник штаба рукой показал летчику, в каком направлении ему рулить. «Пикап» медленно тронулся вперед, за ним «фиат», а по бокам — «чатос» Петровича и Кустова, замыкал кавалькаду Антонов.

В это время показались легковые машины. Из них вышли Птухин, Агальцов и Соня Александровская.

— Мы вас с воздуха ждали, а вы по земле, — удивился Серов.

— Пути начальства неисповедимы. А Антонов, как всегда, сюрпризы преподносит, — улыбнулся Агальцов.

— Да тут Кустов инициатор этого дела, — поспешил возразить Антонов. — Возвращаемся мы из патрульного полета. Я уже предвкушаю, чем нас майор Альфонсо потчевать будет, как вдруг вижу: над линией фронта «фиаты» летят. Идут таким четким строем, как на параде. Мы сразу смекнули, что это новички. А Виктор тут подошел вплотную ко мне, сигналит: «Вижу противника!» Полетное время на исходе, бензину маловато. Глянул я на Петровича, а тот едва из кабины не вывалился — смотрит на фашистов и тоже сигналит: «Давай атакуй!» Ну что тут делать? — развел руками Антонов.

— Атаковать, — подсказал Горохов.

— Спасибо, Лешенька, мы так и сделали, как ты советуешь. Идем от солнца, они нас не видят, а сами как на ладони. Вот когда я пожалел, что нас только трое. Дали мы по ним изо всех стволов. Одного сбили. Остальныев разные стороны. Я уже хотел своих ребят домой нести, но не тут-то было. Один «фиат» к земле

прижался и как начал петлять! А к нему пристроился Кустов. Смотрю: батюшки, за ними и Петрович припустился. Все трое несутся на Сариньену, прямо к Грише Плещенко. Что делать? Бросился вдогонку за этой троицей. Умаялись мы основательно, пока фашиста успокоили. Прыткий…

— Хорош, хорош. И черный кот на борту нарисован, — Серов был явно доволен.

— Хорош, — согласился Птухин. — Вот что, Анатолий, нам с комиссаром нужна небольшая комната для беседы с сеньором итальянцем. Есть к нему несколько вопросов…

Когда вошли Птухин и Агальцов, итальянец стремительно вскочил со стула. Стукнув каблуками, он вытянулся в струнку. Его лицо покрылось мелкими бисеринками пота.

Сев за грубо сколоченный стол, генерал Хозе молча рассматривал летчика. «Одет во все новое. Волнуется. Чересчур подтянут. Видно, и вправду недавно здесь летает».

Вошла Александровская, передававшая Рыцареву привезенные из штаба документы.

— Спроси его, Соня, давно он в Испании? Где базируется их часть?

Соня повторила вопросы по-испански. Пленный молчал. По его недоумевающему, напряженному лицу Александровская догадалась, что он не понимает ее.

С трудом подбирая нужные слова, он наконец проговорил:

— Ио но абло эспаньол! Я не говорю по-испански! «Как же я буду переводить? Ведь в запасе у меня не больше сотни итальянских слов», — заволновалась Соня. И тут летчик быстро заговорил. Александровская с трудом разбирала отдельные слова.

— Просит жизнь ему сохранить. Что вас интересует, он все расскажет, — перевела она длинную тираду пленного.

— Скажи ему, что никто и не собирается его расстреливать. — Птухин вынул из планшета карту и развернул се на столе. — Спроси, что ему известно об аэродроме Гарапинильос?

При упоминании о Гарапинильосе офицер весь напрягся. Это не ускользнуло от Птухина.

— Почему он молчит? Что — не знает, где расположен Гарапинильос? — недовольно спросил он.

— Знает! Только язык от страха проглотил. Дрожит как лист осиновый. Ведь наши ребята в него даже и не стреляли: зажали и привели на аэродром, — Агальцов пожал плечами.

Итальянец вновь взволнованно заговорил.

— Не спешите, говорите медленнее. Вам ничто не угрожает, — мягко сказала переводчица. Птухин жестом подозвал

летчика:

— Покажите, где Гарапинильос.

Офицер нерешительно шагнул к столу. Склонился над картой и указал пальцем место, где находится аэродром. Птухин поморщился: палец на мелкомасштабной карте закрывал довольно большую площадь.

— Укажите точнее, — терпеливо повторил Евгений Саввич, хотя сам отлично знал расположение этой крупной фашистской авиабазы.

Летчик карандашом сделал на полетной карте отметку. Птухин положил перед ним лист бумаги:

— Попроси его, Соня, начертить расположение самолетов на стоянках.

Но пленный без переводчицы понял, что от него требуется. Он быстро набросал схему Гарапинильоса, показав на ней стоянки бомбардировщиков, истребителей и другие объекты аэродрома.

— Если не врет, то густовато самолетов у фашистов. К чему бы это? — задумчиво произнес Агальцов.

— Его спросить нужно, — кивнул головой в сторону итальянца Птухин. — А может быть, он и не знает?

Но офицер знал многое. И главное: он утверждал, что завтра, 15 октября, на рассвете по республиканским аэродромам будут нанесены авиационные удары крупными силами.

Гарапинильос давно привлекал внимание Птухина. После окончания сентябрьских боев, когда на Арагонском фронте было отмечено большое сосредоточение фашистской авиации, Евгений Саввич часто задумывался о возможности нанесения удара по одной из авиабаз противника.

Начался сбор разведывательных данных. Было установлено, что Гарапинильос хорошо прикрыт зенитнымибатареями. В светлое время суток над ним патрулировали истребители, как правило — «мессершмитты». Птухин не раз выезжал на авиационный НП, расположенный у вершины горы Монте Оскуро, откуда с помощью оптических приборов просматривался Гаранинильос.

Своими мыслями о нанесении удара по одной из фашистских авиабаз Евгений Саввич делился с Агальцовым, Аржанухиным и Еременко. Однажды по этому поводу у него состоялся разговор с Сиснеросом. Командующий, выслушав главного советника, ответил:

— Давайте подумаем. Условно назовем операцию «ход конем». А когда и какими силами ее проводить, подскажет обстановка. Но пока никому ни слова.

Вчера на Ихаре, наиболее близком к Гарапинильосу республиканском аэродроме, Птухин долго беседовал с Петром Бутрымом. Этот спокойный, рассудительный москвич был незаурядным воздушным разведчиком. Бутрым, отлично знавший аэродромы противника в районе Сарагосы, подробно рассказал генералу о каждом из них.

— А к Гарапинильосу следует слетать, посмотреть хорошенько, — заключил Бутрым.

С нетерпением ожидал Птухин возвращения звена И-16, ушедшего к фашистской авиабазе. «Москас» вернулись через сорок пять минут. Вид самолетов говорил о многом. Бутрым коротко доложил. «Над аэродромом сплошной зенитный огонь, в воздухе истребители, а на земле…» Он замолчал и на обороте полетной карты генерала быстро набросал схему авиабазы и расположение сосредоточенных на ней самолетов противника.

То, что увидел сутки назад Бутрым, сейчас подтвердил пленный летчик.

«Не будут же фашисты несколько дней держать на аэродроме в бездействии свыше сотни самолетов. Дело ясное: не для парада они там собрались», — думал Птухин.

Следовало принимать решение. И немедленно. Через несколько часов будет поздно…

Вспомнив о пленном, генерал Хозе отрывисто приказал:

— Уведите!

«Удар по аэродрому… Неожиданно, на рассвете… Бросить на это все истребительные эскадрильи, — рассуждал про себя Птухин. — Почему, собственно, только истребители? А бомбардировщики? Мало их у нас. Да иэффект бомбометания даже со средних высот будет невелик: попасть в вытянутые вдоль стоянок самолеты при противодействии зенитной артиллерии и истребителей очень трудно. Следовательно, штурмовой удар истребителей с бреющего полета? Да! Бомбардировщики нанесут отвлекающий удар».

Карандаш Птухина заскользил по схеме фашистской авиабазы. Обозначив условными знаками эскадрильи И-15 и И-16, Птухин протянул от них красные стрелки к стоянкам самолетов противника. Написал фамилии командиров. Взглянул на подошедшего к столу Агальцова:

— Как думаешь, Мартин?

С минуту Агальцов внимательно рассматривал условные знаки на схеме авиабазы. Новизна замысла его поразила.

— Штурмовать истребителями авиабазу, хорошо прикрытую с воздуха и обеспеченную наземными средствами ПВО?

Птухин ответил спокойно и не спеша:

— Видишь ли, я уже давно думаю о том, что наш И-15 — незаменимая машина для нанесения штурмовых ударов. — Он разгладил рукой карту. — Ясно: большая часть авиации противника стянута на Арагонский фронт. Представь себе, что через день или два вся эта мощь обрушится на наши аэродромы, — можем ли мы это допустить?

— Итальянец сказал — завтра.

— Ну так, значит, решать надо сейчас. Сиснерос далеко, под Мадридом. В нашем распоряжении несколько часов светлого времени.

Агальцов молча прошелся по комнате. В свое время ему и Птухину уже пришлось брать на себя ответственность за организацию ночных полетов. Но тогда, в июле, речь шла о небольшой группе высококвалифицированных летчиков-добровольцев. Сейчас же намечалась крупнейшая операция, небывалое еще в истории авиации массовое применение истребителей в качестве штурмовиков для уничтожения самолетов противника на земле.

— А если фашисты завтра упредят нас со взлетом? — спросил Агальцов.

— Все может быть. Но что ты предлагаешь?

— Что я предлагаю? Истребителям взлететь как можно раньше, с рассветом. Где будешь собирать командиров для постановки задачи?

— На Каспе.

— Тогда поспешим, времени у нас в обрез. Выйдя из дома, Птухин и Агальцов встретили как псегда сияющего улыбкой майора Альфонсо.

— Мой генерал, обед!

Евгений Саввич отрицательно покачал головой. Взяв под руку майора, он отошел с ним в сторону. Позвал Соню.

— Альфонсо, у вас есть в достаточном количестве зажигательные патроны?

Заподозрив, что генерал Хозе хочет кому-то передать запасы эскадрильи, майор тяжело вздохнул:

— Мой генерал! Вы же знаете, как трудно с боеприпасами. Летчики нашей эскадрильи не любят оставлять патроны в пулеметных лентах.

— Хитрите! — погрозил пальцем Птухин. Ему не хотелось раньше времени даже намекать на завтрашнюю операцию. — Неужели комиссар Мартин ошибался, когда говорил мне, что лучшего интенданта, чем майор Альфонсо, не сыщешь на всем Арагонском фронте?

Такого Альфонсо вынести не мог.

— Но нашим пилотам хватает патронов. Разве были жалобы? — в голосе майора звучала обида.

— Жалоб пока не было. Но мне нужны зажигательные патроны. И как раз для пилотов камарада Матеу.

— Мой генерал! Если так срочно нужны именно зажигательные патроны, то Альфонсо достанет их даже у самого Франко.

— Ну, а поближе нельзя? — улыбнулся Птухин.

— Я жду вашего приказа, мой генерал!

— Приказ получите позже. А пока — до свидания…

— Мой генерал! Минуту внимания. Спасите меня!

— Это кто же на вас покушается?

— Жена, — трагическим голосом проговорил Альфонсо. — Она говорит, что вы не уважаете команданте Альфонсо. Вы ни разу у нас не обедали. Наверное, вам не известно, как остры на язык наши испанские женщины. А когда они насмехаются над мужчинами, то становятся страшнее разъяренного быка на севильской корриде…

Соня перевела длинную тираду Альфонсо, не подозревавшего, как спешит генерал.

Положив руку на плечо Альфонсо, Евгений Саввич успокаивающе сказал:

— Передайте сеньоре Виолетте мой поклон. И предупредите ее, что на днях мы непременно заедем к вам обедать А сегодня извините нас — спешим к сеньору Арагону.

— Тысяча приветов сеньору Арагону. Мы ждем вас завтра, мой генерал!

— Патроны сегодня будут?

— Так же точно, как и то, что меня зовут Альфонсо! Садясь в машину, Птухин сказал Серову:

— Через час прилетай на Каспе. Эскадрилье дается передышка для осмотра и подготовки материальном части. Работа моторов и оружия должна быть безотказной. Так всем и передай. До встречи…

Приехав на Каспе, Птухин попросил начальника связи срочно найти находившегося на Центральном фронте Сиснероса.

Командующего разыскали на аэродроме Мансанарес южнее Мадрида.

— Что-нибудь случилось? — в голосе Сиснероса была тревога.

— Нет, — поспешил успокоить его Птухин. — Но я жду вас доигрывать партию в шахматы. Мне хотелось показать вам интересный ход конем.

Сиснерос помолчал, потом с сожалением ответил:

— Сегодня я не имею возможности с вами встретиться. Пусть за меня доиграет партию Попурели[30]. Желаю удачи…

На Каспе слетались командиры эскадрилий. Последними появились Серов и Чиндосвиндо. Как будто сговорившись, они устроили над аэродромом такой головокружительный фейерверк фигур высшего пилотажа, что Птухин сначала хотел было рассердиться, а потом только рукой махнул. Из-за гор вынырнул белый штабной «драгон». Приглушив моторы, он пошел на посадку. Вслед за ним сели и оба «чато»…

Совещание проходило в помещении командного пункта. Когда все расселись, Птухин сказал:

— В нашем распоряжении остаток дня, вечер и часть ночи. Завтра, пятнадцатого октября, на рассвете семью истребительными эскадрильями Арагонского фронта решенонанести удар по авиабазе противника Гарапинальос. Группу истребителей возглавит Еременко. Бомбардировщики Сенаторова нанесут отвлекающий удар по Сарагосе. Всего в налете примут участие 64 истребителя и 16 бомбардировщиков.

По комнате прошло движение, зашелестели полетные карты. Жестом руки Птухин призвал собравшихся к тишине.

— Коротко о боевых задачах: эскадрильи Девотченко, Сарауза и Плещенко блокируют авиабазу с воздуха. Эскадрилья Гусева, действуя в отрыве от основной группы, выходит на траверз Альфаро северо-западнее Сарагосы и не допускает прорыва к Гарапинильосу фашистских истребителей. На эскадрилью, взлетающую с Ихара, возлагается задача перекрыть подходы к авиабазе с юго-запада.

Птухин сделал паузу, затем продолжал:

— Ударная группа — две эскадрильи И-15. Первая — Анатолия Серова — с бреющего полета штурмовым ударом уничтожает самолеты противника на стоянках. Две-три атаки, не больше, — предупредил Птухин, посмотрев на Серова. — Вторая эскадрилья — Чиндосвиндо — также с бреющего полета пулеметным огнем и мелкими бомбами подавляет зенитные батареи между Гарапинильосом и Сарагосой. Хочу подчеркнуть: самолеты противники необходимо уничтожить на земле, но это удар, имеющий целью господство в воздухе…

В комнате стояла напряженная тишина.

— Повторяю, не терять ни минуты. Время готовности и взлета, место сбора, боевые порядки, время отхода на свои аэродромы после нанесения удара, маршруты уточнить у Аржанухина и Еременко На это вам отводится сорок минут. Боевую задачу объявить летному составу за двадцать минут до взлета. Есть вопросы?

Командиры эскадрилий молчали.

— Ну что ж, молчание — знак согласия. Когда все встали, Птухин подозвал Кутюрье:

— Олег Владимирович, немедленно выезжайте на Лериду и доведите задачу до Сенаторова. Он должен нанести отвлекающий удар по казармам и военному заводу «Эскориас» в Сарагосе. Завтра в четыре утра встречаемся с вами на горе Монте Оскуро. К этому времени проверьте связь со всеми аэродромами.

Птухин поднял трубку:

— Сеньорита, Лериду!

— Ун моменто!

— С Лериды на Монте Оскуро поезжайте через Бахаралос, — продолжал он разговор с Кутюрье. — Следует убедиться, в достатке ли там зажигательных патронов.

Зазвонил телефон.

— Александр? Ты давно не виделся с Кутюрье? Соскучился? А он собрался к тебе в гости. Ждешь? Ну, будь здоров… Поезжайте, и как можно быстрее, Олег Владимирович!

Смеркалось. Один за другим покидали Каспе командиры.

Птухин задержал Серова:

— Передай ореликам: от действий вашей эскадрильи во многом зависит исход операции. Завтрашний день должен стать последним днем Гарапинильоса…

Перекинув через плечо ремень летного планшета, Серов твердо сказал:

— Если не выполним поставленной задачи — на Бахаралос не вернусь.

— Нет, Анатолий, не об этом ты должен думать. Ты должен со своими ребятами прорваться к Гарапинильосу. И вернуться обратно. Мы будем ждать вас.

Когда Серов вышел, Агальцов взял со стола планшет с картой.

— Пожалуй, я тоже поеду на Бахаралос — вопросив тельно посмотрел он на Птухина.

— Как раз об этом хотел тебя попросить …

Последний день Гарапинильоса

Возвратившись с Каспе, Серов вместе с Рыцаревым и Альфонсо до наступления темноты не уходил от самолетов, у которых работали механики и оружейники под руководством инженера эскадрильи.

Необычно рано Сильвия и Тереза накормили летчиков ужином, после которого Серов отправил всех спать, строго предупредив, чтобы никто не появлялся на аэродроме.

Антонов насторожился.

— Тут что-то не так, — сказал он Степанову, — командир словно воды в рот набрал, Альфонсо перестал улыбатьсяи выдает оружейникам по счету зажигательные патроны. Пойду-ка разузнаю, в чем дело.

— Ложился бы ты, тезка, спать, — посоветовал ему Евгений.

Но Антонов все же отправился на КП, где Серов, склонившись над полетной картой, ожидал приезда комиссара Филиппа Агальцова.

— Ну как там на Каспе? — безразличным тоном спросил Антонов.

— Каспе на месте. У Еременко новый заместитель — Адриашенко. Только что с Северного фронта прибыл. Высокий, худой такой, по-моему, строгий.

— Это не страшно. Я дисциплину люблю.

— Так почему бродишь по аэродрому, когда приказано отдыхать? — неожиданно напустился на него Серов.

Антонов опешил: никогда комэск так не разговаривал с ним.

— Видишь ли, Толя… — начал он.

— Вижу, что ты занялся наземной разведкой, в которой ничего не смыслишь, — перебил его Серов. — Спать пойдешь или отстранить от завтрашних полетов?

Нет, сегодня командир эскадрильи явно не был расположен к разговорам. А тут еще приехавший на Бахаралос Филипп Агальцов устроил Антонову настоящую головомойку, заметив, что Антонио, кажется, совсем отбился от рук.

— Ушел комиссар с Анатолием и этим молчуном Рыцаревым на стоянки, а нам никакого внимания, — натягивая на голову одеяло, жаловался Степанову Антонов после своей неудавшейся разведки.

— Успокойся. Утро вечера мудренее.

— Ладно, дождемся утра. Но чувствую я, что в воздухе пахнет

грозой. Ну скажи, разве можно в такой обстановке нормально спать?

— Вот я тебя за дверь выставлю, тогда узнаешь, можно или нет! — пригрозил проснувшийся от громкого разговора Сюсюкалов.

Тревожным был сон летчиков Арагонского фронта в ту ночь на 15 октября 1937 года. До рассвета на аэродромах работали у самолетов инженеры, механики и оружейники. Не гас свет в штабах. Перекликались телефонистки из узла связи штаба авиации с коммутаторами аэродромов…

Степанов проснулся от нарастающего гула моторов.

Одевшись, вышел во двор. Над Бахаралосом гасли звезды. По склону горы, поросшему густым кустарником, лениво тянулись клочья тумана.

У калитки, держа в руке зажженную папиросу, стоял Серов.

— Не спится, командир?

— Выспался. Где Антонов?

— Ботинки чистит.

Серов взглянул на светящийся циферблат часов.

— Пошли. Догоняй нас, Антонио.

Недалеко от стоянок Серов остановился и коротко рассказал своим спутникам о замысле предстоящей операции.

— Смело задумано! — восхитился Антонов. — Смело.

— Времени, ребята, у нас на разговоры не осталось. Что бы со мной сегодня ни случилось, помните: самолеты фашистов на Гарапинильосе должны гореть. В этом вылете вы оба мои заместители… Беспокоит меня одно: не висят ли над Гарапинильосом истребители? Вон сколько авиации они туда стянули.

— Рановато. Еще темно, — с сомнением проговорил Степанов.

— По-твоему, мы умные, а они… У истребителя комэска их ожидали всю ночь не сомкнувшие глаз Агальцов, Рыцарев и Альфонсо.

— Ставь, Анатолий, задачу, — сказал, поздоровавшись, комиссар. — Через десять минут майор Альфонсо обещал прямо к самолетам подать кофе и бутерброды.

Серов был краток. Назвал состав звеньев, идущих в штурмовой налет на Гарапинильос, указал время нахождения над фашистским аэродромом и количество заходов на цель. Сообщил о составе группы прикрытия. Предупредил, что основной удар наносится по самолетным стоянкам. Ну, а если кто будет подбит, спустится на парашюте или вынужденно сядет, — Антонов, Степанов или Финн садятся рядом и на крыле вывозят попавшего

в беду летчика; остальные их прикрывают.

Потом говорил Агальцов:

— Сегодня ваша эскадрилья выполняет главную задачу. Впервые в истории авиации истребтели применяются для уничтожения большого скопления самолетов противника на земле. Каждый из вас должен знать, чго налет на Гарапинильос, наряду с борьбой за господе!во в воздухе, является и морально-политическим ударом пофранкистам. Не забывайте, что вместе с вами в налете \частвуют две испанские истребительные эскадрильи, большинство летчиков которых совсем недавно обрели крылья. Успеха вам, ребята! — закончил комиссар.

— По самолетам! — скомандовал Серов.

Над Бахаралосом повис гул заработавших двигателей.

Выстрел ракетного пистолета Выбросив из патрубков мо юра длинный язык пламени, в воздух рванулся «чато» Анатолия Серова, вслед за ним взлетели еще десять истребителей. Через три минуты «чатос» развернулись на северо-запад, к большой петле реки Эбро.

Рядом с комэском летели Евгений Степанов, Илья Финн и Семен Евтихов; правее и выше ведущего звена — Евгений Антонов, Никита Сюсюкалов и Виктор Кустов; слева — Николай Соболев, Григорий Мастеров, Алексей Горохов и Григорий Попов.

На Бахаралосе в готовности номер один остались Анатолий Сидоренко, Том Добиаш, Яков Ярошенко, Вальтер Короуз и Добре Петрович. Такие же небольшие отряды на непредвиденный случай были оставлены на всех аэродромах.

Вскоре показалась подернутая сизым туманом долина Эбро. На петле сбора кружилось несколько эскадрилий.

Серов качнул крыльями самолета: «Внимание!» С юго-востока появились «чатос» Чиндосвиндо. И сразу с высоты спикировал И-16 Еременко. Подойдя к самолету Серова, он резкими взмахами руки дал сигнал ложиться на курс к Гарапинильосу.

Оттянутые уступом назад, истребительные эскадрильи, правее которых шли скоростные бомбардировщики Александра Сенаторова, напоминали занесенный над головой врага меч, острием которого были «чатос» Анатолия Серова и Гонсалеса Чиндосвиндо.

Над Арагоном разгоралась утренняя заря. Первые лучи солнца, прорезав мглу, догнали мчавшиеся к фашистской авиабазе истребители.

Евгений взглянул на карту. До цели — сорок километров…

Птухин стоял на выступе скалы у вершины горы Монте-Оскуро и напряженно всматривался в сторону Сарагосы. Сюда, на наблюдательный пункт, уже пришли доклады о взлете

эскадрилий, но генерал Хозе не мог скрыть своего волнения. Слишком многое должно было решиться в это утро 15 октября…

Он перешел на нависшую над глубоким ущельем площадку, где были установлены телефоны и стереотрубы. Здесь дежурили Кутюрье и испанский офицер-наблюдатель.

Послышался далекий гул авиационных моторов. Птухин насторожился.

— Идут! — радостно сказал Кутюрье. Генерал молча кивнул.

— Авьон! — воскликнул офицер-наблюдатель. Из-за поворота ущелья одна за другой вырвались две эскадрильи. «Чатос» шли так близко Друг к Другу, что казалось, будто они связаны.

— Серов и Чиндосвиндо. Но где Еременко? — оглядывая небо, проговорил Птухин.

И тут же, образуя в рассветном небе гигантскую воздушную «этажерку», появились эскадрильи И-16 и серебристые СБ.

Вскинув к глазам бинокль, Птухин неотрывно следил за приближавшимися самолетами.

— Где же Еременко? — спросила Александровская.

— Смотри, Соня, вот он идет, — указал на три едва видимых темных крестика Евгений Саввич. — За ним Мануэль Сарауз своих ведет Ниже — эскадрилья Александра Гусева, видишь? Он увеличивает скорость, ведь ему дальше всех выходить на рубеж прикрытия. А еще ниже идут эскадрильи Плещенко и Девотченко. Только «москас», которые взлетели с Ихара, мы не увидим. Они раньше повернули на свой рубеж. А те, что отражают лучи солнца, это «катюши» Сенаторова.

Кутюрье и шофер Сервандо вслух считали пролетающие над Монте Оскуро самолеты.

Еще хорошо были видны эскадрильи И-16 и СБ, когда в стороне, где находился Гарапинильос, горизонт озарился багровой вспышкой. Это «чатос» пошли в атаку…

Справа остались каменистые берега Эбро и железная дорога Сарагоса — Таррагона. Под крыльями истребителей промелькнула линия фронта. Степанов напряженно всматривался в светлеющий горизонт. Скоро цель.

Едва он подумал об этом, как эскадрилья Чиндосвиндо круто повернула к Сарагосе. И тут несколько раз качнулся «чато» Серова. Внимание!

Они проскочили над поросшей редким лесом горой.

И сразу Евгений увидел освещенное лучами восходящего солнца летное поле Гарапинильоса. По границам аэродрома плотно стояли фашистские самолеты; у нескольких истребителей работали двигатели.

Первая цель — стоянки «мессершмиттов». «Чатос» с ходу

ринулись вниз. Рассветный воздух разорвали пулеметные очереди. Огненным вихрем эскадрилья промчалась над аэродромом Уже ничто не могло остановить ее решительный натиск.

Развернувшись и набрав высоту, «чатос» устремились к северной границе аэродрома, где стояли бомбардировщики. Сюда как раз в этот момент подошли несколько автобусов с летными экипажами. Огонь! Из автобусов выскакивают люди, бегут к укрытиям, падают. Огонь!

Еще заход. Евгений вслед за Серовым круто разворачивает истребитель и бросает его к земле. Там, где только что пронеслась эскадрилья, клубится дым и бушует пламя. И все же два «мессершмитта» попытались подняться в воздух. Тот, что оторвался от земли, попал под трассы «чато» Антонова. Горящим метеором он обрушился на стоянку «юнкерсов». Раздался взрыв, вверх полетели обломки. Второго «мессера» пригвоздил к земле Илья Финн.

Опомнились фашистские зенитчики. Но, не разобравшись в происходящем, они сосредоточили огонь на появившейся как раз в это время над Сарагосой эскадрилье Сенаторова. И тут на позиции зенитчиков обрушились «чатос» Гонсалеса Чиндосвиндо…

Четвертый заход. Полыхают пламенем самолетные стоянки. Падая под пулями, в разные стороны бегут фашистские солдаты и офицеры. Соболев и Попов расстреливают серебристые резервуары бензохранилища. Горящий бензин хлынул на землю. Все горит.

После этого захода Евгений Степанов потерял в дыму Серова и Финна.

Пятый, шестой заходы. Как привидения, выскакивают из дыма и пламени тупоносые истребители, поливая пулеметным огнем фашистский аэродром. «А ведь было приказано сделать две-три атаки», — наконец вспоминает Степанов. Но видно, не он один забыл об этом; и никто не уходит от Гаранинильоса.

Расстреляв на земле трехмоторный бомбардировщик, Евгений боевым разворотом набирает высоту. Рядом никого нет. Из дыма выскакивает Антонов. Он показывает рукой вниз — под ними камуфлированный ангар. «Чатос» всаживают в гофрированную коробку длинные очереди, И вдруг — взрыв. Ангар раскалывается, как скорлупа ореха, на несколько частей.

Истекало время полета, когда воздух потряс новый, самый мощный взрыв. Глыбы земли взметнулись к черному небу. Истребители расшвыряло в стороны. Евгений ощутил во рту горький привкус взрывчатки. «Наверное, склад боеприпасов

взлетел на воздух», — мелькнуло в голове. И тут он заметил кружившийся над западной границей Гарапинильоса «чато» Серова. К комэску уже подстраивались выскакивавшие из дыма самолеты. Степанов и Антонов последними заняли свои места в строю эскадрильи.

Огибая Сарагосу с севера, «чатос» легли на курс отхода. Все ли целы? Степанов пересчитал самолеты: в звене Соболева отсутствовал правый ведомый — Горохов. Евгений тревожно посмотрел на Серова, но тот постучал пальцем по доске приборов: «Время».

По Французскому шоссе к Гарапинильосу мчались грузовики, наполненные солдатами, и красные пожарные машины Комэск перевел истребитель в пике. Атака!

Линию фронта прошли на небольшой высоте. Было видно, как бойцы республиканских войск размахиваю! привязанными к штыкам винтовок шарфами. Степанов в последний раз обернулся в сторону Гарапинильоса, но, кроме черного дыма, закрывшего весь горизонт, ничего не увидел. Он не знал, что там, в дыму, на отходе наносят удары по пылающей авиабазе эскадрильи Сарауза, Девотченко и Гусева.

Последними от аэродрома ушли эскадрильи Плещенко и Чиндосвиндо, которому немало хлопот доставили фашистские зенитки, прикрывавшие авиабазу со стороны Сарагосы…

Бахаралос напоминал растревоженный улей. Со всех концов аэродрома к заруливавшим на стоянки истребителям бежали люди.

Выключив двигатель и отстегнув привязные ремни, Степанов прислушивался к наступившей тишине. Истребительстоял на том же месте, откуда полтора часа назад ушел в рассветное небо. Всего полтора часа… Евгений устало откинулся на сиденье, заново переживая разгром фашистского аэродрома. Положив руки на борт кабины, чуть наклонившись вперед, рядом неподвижно застыл Анатолий Серов. Сняв шлем и подставив светловолосую голову прохладному ветру, не двигался с места Евгений Антонов. Зажав губами незажженную папиросу, чему-то улыбался Илья Финн. Все были здесь. Не хватало только Алексея Горохова.

Как бы нехотя летчики стали покидать кабины. Степанов подошел к Серову.

— Ты Алексея не видел? — хрипло спросил Анатолий. Евгений молча пожал плечами. Они стояли рядом, глядя на грязные, закопченные лица подходивших к ним пилотов.

И тут с юга послышался едва слышный звук мотора.

Все напряглись. Из-за домов вырвался «чато».

— Горохов! — радостно крикнул обычно сдержанный

Соболев.

— Ну сядь только, стервец! Сядь! Я тебе дам прикурить! — потрясая кулаком, радостно закричал Серов.

Между тем Горохов сел. Зарулив истребитель, он как ни в чем не бывало направился к командиру эскадрильи.

— Ты быстро ходить можешь, чертушка?! — взорвался Серов.

Схватив Алексея в охапку и прижав к себе, он долго не отпускал летчика.

Как оказалось, после шестого захода Горохов в дыму оторвался от своего ведущего Соболева и выскочил к Сарагосе. Тут он попал под огонь зенитных пулеметов и возвратился к Гарапинильосу. Пройдя над горящим аэродромом, на который уже пикировали И-16, и расстреляв последние патроны, он уклонился к югу и через Ихар и Каспе добрался до Бахаралоса.

— Ох и тосковал я без вас, ребята, — признался Горохов.

— В следующий раз привяжу к костылю своего истребителя, — сердито пообещал Алексею переволновавшийся за него Соболев.

Счастливое возвращение Горохова разрядило напряжение. Все разом заговорили, задвигались. Затянутые и кожу парни обнимали и целовали своих механиков и оружейников. Подъехавшие с КП к стоянке Агальцов и Рыцарев тоже попали в объятия летчиков.

Испанцы, с присущей им горячностью, сорвав с головы береты, подбрасывали их вверх и громко кричали:

— Виктория! Победа!

Серов, усмехнувшись, посмотрел на Антонова:

— Это ты, Антонио?

— Конечно, я, — закопченное лицо летчика сверкнуло его обычной улыбкой. — Да ты на себя посмотри, — он провел пальцем по куртке Анатолия, на которой лежал жирный слой сажи.

— Не летчики, а пожарная команда, — засмеялся Серов.

— Хозе! — крикнул кто-то.

По центру летного поля к стоянкам неслась «испано-сюиза». Не ожидая команды, все выстроились перед командирским истребителем.

Машина еще не остановилась, а Евгений Саввич, открыв дверцу, выпрыгнул на землю. Приложив руку к закопченному шлему, навстречу Птухину шагнул Серов Генерал Хозе остановил его движением руки:

— Все видел. Видел и благодарю.

Окружив плотным кольцом Птухина и Агальцова, летчики наперебой рассказывали о своих впечатлениях, Незаметно к

стоянке подъехал небольшой грузовичок, оттуда спрыгнул майор Альфонсо. Вслед за ним, держа в руках подносы, уставленные бокалами с шампанским, появились улыбающиеся Сильвия и Тереза.

Все подняли бокалы.

— За Испанию! За победу! — прозвучало над летным полем.

— А теперь как можно быстрее меняйте аэродром. Придут в себя фашисты и непременно попытаются взять реванш, — Птухин на карте показал Серову, куда следует перелететь эскадрилье.

Когда машина генерала скрылась за оливковыми посадками, Серов скомандовал:

— По самолетам! Идем на Сабадель.

Через три дня после налета на Гарапинильос эскадрилья Анатолия Серова возвратилась на Бахаралос Здесь летчиков застал приказ о создании истребитель ной авиагруппы «чатос», командиром которой назначалсяАнатолий Серов. В группу вошли эскадрильи: 1-я — Евгения Степанова, назначенного вместо Серова, 2-я — Гонсалеса Чиндосвиндо, 3-я — Хуана Комаса и четвертая, находившаяся в стадии формирования.

В этот же день на подходе к Каспе летчики Мануэля Сарауза в воздушном бою сбили «мессершмитта». Пиют — майор германских ВВС — спасся на парашюте. На допросе в штабе авиации он рассказал о последнем дне Гарапинильоса.

Оказалось, что штурмовой удар республиканских истребителей, совпавший с подготовкой к вылету нескольких фашистских авиационных эскадр, явился для них полной неожиданностью. Большую часть экипажей первая атака «чатос» застигла у самолетов. Из более сотни фашистских самолетов, находившихся на аэродроме, в результате налета восемьдесят были уничтожены, а остальные сильно повреждены. Сгорели многие объекты авиабазы, в том числе склады горючего и боеприпасов.

Огнем и тараном

День 24 октября закончился воздушным боем над Барселоной.

Незадолго до наступления темноты Евгений Степанов вел к Сабаделю пятерку И-15.

В эскадрилье стало правилом: прежде чем сесть на Сабадель, «чатос» низко проходили над Барселоной. И каждый раз жители города, завидев республиканские истребители, махали им руками, шляпами, платками. Но в этот раз И-15 столкнулись над Барселоной с «мессершмиттами». Появление противника в такой неурочный час насторожило Степанова. Ему еще не приходилось встречать перед наступлением темноты большие группы фашистских истребителей.

«Мессершмитты» появились со стороны моря. Семнадцать серебристых машин стремительно пошли вверх над горой Тибидабо. «Знают, что времени у нас в обрез, вот и полезли на вертикаль», — разгадал Степанов не очень хитрый маневр противника. Он мельком глянул вниз, улицы Барселоны были полны народу. Развернувшись, «мессеры» широким фронтом пошли в атаку.

Сомкнутым строем «чатос» выполнили боевой разворот. И тут летевший слева от Степанова Финн качнул крылом: с другой стороны на республиканские истребители шли «фиаты». Их было двенадцать. Двадцать девять против пяти. Внизу — один из крупнейших городов и портов Испании, столица Каталонии, город с сотнями тысяч мирных жителей…

Сигнал. «Чатос» ощетинились огнем бортовых пулеметов. Лобовой атакой они расшвыряли по небу «мессеров». Но на их пути оказалась неизвестно откуда вынырнувшая еще одна группа «фиатов». Теперь пятерка Степанова дралась против тридцати семи фашистских машин. Бой шел над самыми крышами и заводскими трубами Барселоны.

Противнику так и не удалось расколоть строй республиканцев. «Чатос», как спаянные, умело маневрировали на небольшой высоте. Уже темнело, когда после очередной атаки фашистские истребители, форсируя моторы, ушли к морю.

Когда «чатос» произвели посадку на Сабаделе, все пять «курносых» смахивали на решето.

— Как же вы ночью летать будете? — озабоченно спросил только что прилетевший из Валенсии Серов.

Каждую ночь эскадрилья прикрывала Барселону от ударов фашистских бомбардировщиков, действовавших с баз испанского Марокко, островов Мальорка и Ивиса.

— Латать нужно машины, — ответил Степанов.

— В темноте?

— Что поделаешь. Светить будем ручными фонарями. Если бомберы прилетят, уйдем в воздух с дырками. Еще разок выдержат наши «курносые».

Механики, мотористы, оружейники и даже шоферы, не ожидая команды, принялись за работу.

— Не зря они перед вечером пожаловали сюда, — Серов был встревожен.

— Думаю, не зря, — согласился Степанов. — Возможно, хотели на земле прихватить и сжечь. Ну и, конечно, разведать, много ли нас здесь. Что-то новое в их манерах появилось. Истребители большими группами перед самой темнотой ходят…

— Конечно, потрепать хотели, измотать перед ночью. Им-то что? Те, кто с вами дрались, спать лягут. Теперь бомбардировщики в воздух уйдут.

— Давай соберем летчиков. Нужно организовать дежурство, — предложил Евгений.

— Собирай. Ты комэск, тебе и карты в руки.

После короткого совещания ни один летчик не ушел отдыхать. Еще несколько часов работали они у самолетов, помогая механикам привести в порядок истребители, вернувшиеся из боя над Барселоной. Только за полночь люди ушли спать.

Ночь выдалась ветреная. Подсвеченные лунным сиянием, по небу быстро бежали рваные облака.

Боевое дежурство на Сабаделе с двух часов несли Евгений Степанов и Илья Финн.

Проверив готовность истребителя к вылету, Энрике положил на нижнее левое крыло парашют и накрыл его переносной сумкой. Включив карманный фонарь, он прошелся синим лучом под крыльями и фюзеляжем самолета, проверяя, нет ли посторонних предметов, которые могли бы помешать старту истребителя.

— Все в порядке, командир! Можно лететь. Последние дни механик помрачнел, стал молчаливее обычного. Степанов знал причину: 20 октября пал последний бастион Испанской Республики на севере — Хи-хон, родной город Энрике. Два месяца Астурия героически сопротивлялась фашистам, но силы были неравны… К Степанову подошел Илья Финн:

— Погодка для бомберов как. по заказу, Женя. Лети, швыряй

бомбы, лезь в облака? — раздраженно сказал, он, показав в сторону гор.

Евгений только что думал о том же. Он представил себе фашистские аэродромы на островах Мальорка и Ивиса — услужливые лучи прожекторов, освещающие иллетно-посадочные полосы, тяжело груженные бомбардировщики, с надрывным воем уходящие в ночь.

— Попробуй поймай его в этой тьме, — продолжал Финн. — Хоть бы один паршивенький прожектор подсветил.

— Ты что, Илья, не в настроении? Нет прожекторов к не предвидится, сам знаешь. А лететь нам все равно придется. Пока над Барселоной луна, жить можно.

— Разве я возражаю? Просто чувствую по погоде — прилетят сегодня. А условия поиска сам знаешь какие. Нот и берет досада, — Илья стукнул ладонью по крылу истребителя.

— Я вот о чем думаю, — откликнулся Степанов. — Беспокоит меня, что фашистские самолеты, идущие с аэродромов Мальорки и Ивиса, на всем протяжении полета над морем остаются необнаруженными. И только когда выходят к побережью, их слышат или видят посты ВНОС. Пока сообщат и мы взлетим, им остаются минуты до Барселоны Днем легче. А ночью?

Помолчали. Порыв ветра сбросил с высоты капли дождя.

— Это ерунда. Ты вот на север посмотри, — Евгений показал на темную полосу, надвигавшуся на Сабадель.

— Знаешь, что-то я плохо видеть стал, — признался вдруг Финн.

Евгений встревожился:

— Вот что, Илья: пока врач тебя не осмотрит, больше ночью не летай.

— Пустяки, это у меня от перегрузок. Просто нужно перед дежурством хорошо выспаться. Зайдем на КП к Анатолию, погреемся несколько минут, — Финн зябко поежился.

— На несколько минут можно.

Они направились к темневшему недалеко от истребителей небольшому домику, в котором располагался командный пункт. Едва открыли дверь и переступили порог, как протяжно запел зуммер телефона. Серов, игравший в шахматы с Антоновым, чертыхнулся и, переставив фигуру, рывком снял трубку. Тут же он нахмурился:

— Фашисты бомбят Матаро. В воздух! Илья плечом ударил дверь, и она с грохотом отворилась. Летчики выбежали из дома. После яркого электрического света перед глазами Евгения возникла темная стена. Он на миг остановился и услышал приближающийся к Сабаделю звук моторов. «Неужели аэродром

бомбить идут?»

— Субида, Энрике! — громко крикнул он в темноту… «Чатос» набирали высоту. Внизу, в стороне от курса полета, угадывалось размытое светом луны сероватое пятно моря. Южнее лежала не видимая с воздуха Барселона.

Евгений внимательно осматривал воздушное пространство. Чтобы не потерять и доли секунды перед атакой, он заранее откинул предохранитель пулеметов. Осеннее небо было пустынно. Пора разворачиваться. Он повернул истребитель к северной окраине Барселоны и в тот же миг увидел сверкнувшую в направлении Каталонскихгор трассу. «Илья фашиста поймал, — мелькнуло в голове. — Хитро задумали — город стороной обойти, потом с ходу сбросить бомбы, выйти к морю и домой. Недурно!» И тут Евгению показалось, что в разрывах облаков мелькнула тень. «Самолет?»

Облако, закрывавшее луну, сползло к морю. Взглянув вверх, Евгений встрепенулся. Над ним, тем же курсом, что и его истребитель, летело звено бомбардировщиков.

Не отрывая взгляда от ведущего бомбовоза, Степанов новел «чато» на сближение. Крыло фашистского флагмана закрыло половину диска луны, и ему показалось, что бомбардировщик расплывается в ночном небе. Неодолимое желание нажать на гашетки овладело Евгением, но он сдержал себя. Рано. Он видел короткие хвосты сине-оранжевого пламени, пульсирующего в обрезах выхлопных патрубков. Спутной струей моторов фашистской машины истребитель качнуло и повело в сторону. Рулями Степанов удержал «чато» от разворота.

Теперь Евгений отчетливо видел ярко освещенный луной бомбардировщик, летевший к Барселоне. «Да ведь это «Савойя-Маркети-81»!» В этот момент из-под фюзеляжа «савойи» ударил пулеметной очередью нижний стрелок. Заметили! В нескольких метрах выше И-15 друг за другом мелькнули короткие красно-зеленые строчки. «Верхний стрелок лупит. Не видит, а все равно наугад стреляет. Пора и мне!»

Степанов утопил сразу все гашетки. Пулеметы кинжальным огнем резанули бомбардировщик. Истребитель находился так близко от фашистской машины, что, когда вспыхнуло ее левое крыло, Степанова на миг ослепило. Ничего не видя, он вывел истребитель из атаки. Боевой разворот. «Чато» быстро поглощал расстояние, отделявшее его от подбитой машины.

Роняя в темноту хлопья горящего бензина, бомбовоз шел прежним курсом «Если сейчас я его не свалю — будет поздно: бомбы упадут на город». От этой мысли летчику стало не по себе. Он знал, что происходит там, внизу. Надрывно ревут в порту

гудки пароходов. На улица стоит пронзительный вой сирен. Переполненные женщинами, детьми и стариками подвалы домов и небольшие станции метро…

Евгений подвел истребитель к хвостовому оперению савойи». От огня всех четырех пулеметов вспыхнулоправое крыло бомбардировщика, но от курса фашист не уклонился. Он упрямо продолжал лететь к городу.

«Чато» находился теперь в так называемом мертвом конусе, и стрелки бомбовоза не могли поразить его. «Живуч, проклятый! Все равно не уйдешь! Буду колесами бить по хвосту». Степанов резко развернул истребитель. Удар! Летчика бросило вперед, и он едва не разбил лицо о приборную доску…

Сильно затрясло мотор. Описывая крутую дугу, истребитель несся к земле. Евгений уменьшил обороты двигателя и вывел машину в горизонтальный полет. В стороне ярким крестом падал уничтоженный огнем и тараном «савойя-маркети». «Только на город не свалился бы», — наблюдая падение «савойи», думал Степанов. В висках у него гулко стучала кровь, лицо покрылось липким потом. Евгений еще не успел полностью осознать, что сейчас произошло…

Огненная вспышка выхватила из темноты громады гор и окраину Барселоны. Это взорвался внизу фашистский бомбардировщик. «Вовремя я его стукнул», — подумал Евгений.

И тут он увидел еще один бомбовоз. Круто положив тяжелую машину на крыло, фашистский пилот разворачивал «савойю» в сторону моря.

В этот миг Степанов забыл о том, что трясущийся как в лихорадке мотор вот-вот может сдать и что в баке осталось не так уж много горючего. Он уже не помнил о пережитых мгновениях, когда ударом своего «курносого» сбил начиненный смертоносным грузом бомбардировщик. Перед ним снова был враг… И маленький «чато» рванулся к бомбовозу.

Истребитель настиг «савойю» уже над морем. Самолеты неслись на юго-восток, к острову Мальорка. Фашист начал прижиматься к воде. «Значит, меня заметил». Евгений полоснул бомбовоз очередью. Одновременно забили пулеметы стрелков «савойи», и «чато» облепил рой трассирующих пуль. Несколько минут самолеты мчались над морем, поливая друг друга свинцом «Этак он меня к своей базе приведет», — мелькнуло в голове у Степанова.

В каких-нибудь тридцати метрах под колесами истребителя в лунном свете мелькали белые гребни волн. Степанов толкнул вперед рукоятку газа. Тряска стала сильнее, но мотор тянул. «Еще немного потерпи, дорогой. Летчик подвел машину совсем близко

к бомбовозу — гофрированная поверхность «савойи» была почти рядом. Нажал гашетки Зажигательные пули впились в крылья и фюзеляж бомбардировщика. Над морем сверкнула ослепительная вспышка. Истребитель швырнуло в сторону и вверх. Когда Евгений опомнился, его самолет мчался в густой темноте. Он развернул машину и пошел к побережью.

В этой бешеной гонке над волнами Степанов потерял ориентировку. Положение усугубилось еще и тем, что Барселона и Сабадель уже были затянуты облаками.

Впереди полыхнул зенитный разрыв. Потом разорвались еще два снаряда. «Молодцы зенитчики. Видели, что над морем шел бой, и понимают, что истребителю в этой темени придется туго при возвращении». Евгений подвернул машину в ту сторону, откуда стреляла зенитка. Взглянул на часы: «Бензина должно хватить». Ветер инять разорвал облака, и в лунном свете мелькнули знакомые очертания вершин Тибидабо и Манжуич. Прошло пцс немного времени, и внизу вспыхнули автомобильные фары. Шесть желтых огней, расположенных уступом, — это был Сабадель. Убрав газ, Евгений осторожно подвел самолет к полосе.

В конце пробега «чато» резко развернулся. Наверное, повреждено шасси. Степанов быстро выключил контакты. Двигатель затих. Евгения охватило желание здесь же у истребителя лечь на землю и лежать неподвижно, пока не пройдет это чувство тяжести во всем теле. Потел дождь. Крупные капли падали на горячий капот мотора и с шипением испарялись. Прижавшись спиной к фюзеляжу, летчик стоял неподвижно, не в силах пошевелиться…

Рядом раздалась русская и испанская речь.

— Камарада Эухенио! — это был голос Энрике.

— Я тут, амиго! — откликнулся Степанов. В мокрых куртках подошли Серов, Антонов, Кустов и Горохов. Светя себе карманным фонарем, механик стал осматривать истребитель.

— Как Илья? — только и мог проговорить Степанов.

— Минут пятнадцать как сел. Все в порядке. Пьет чай. Давай в машину, чего под дождем мокнуть. В тепле поговорим, — скомандовал Серов.

Энрике тронул Евгения за локоть.

— Мой командир! — в его голосе была тревога.

— Ну что ты, Энрике? — остановил механика Серов. — Наговоритесь еще. Отрули истребитель на стоянку и приходи на командный пункт.

— Дайте, ребята, прикурить, — попросил Степанов. — Черт знает куда я дел зажигалку.

Закурив, он сел в машину рядом с Кустовым.

— Мы с аэродрома видели, как падал самолет, но не знали, кто валится на землю, — заговорил Виктор. — Сел Илья, а тебя нет и нет. Потом позвонили с поста ВНОС, докладывают, что видят воздушный бой над морем. Переволновались мы изрядно…

Заскрипели тормоза.

— Вылезай, приехали.

Из-за стола с радостным возгласом выскочил Илья.

— Наконец-то! — он крепко сжал плечи Евгения. — И впрямь нет ничего хуже, чем ждать и догонять. Сперва я «савойи» догонял. А вот тебя ждать, Женя, совсем тяжко было. Долго ты, брат, в ночи гулял.

— Так получилось, Илья. Значит, я не ошибся, что в воздухе были именно «савойи»?

— Они! Я двух бомберов встретил, но быстро из виду потерял.

— Видел твои трассы.

— Да что толку? — сокрушенно махнул рукой Финн.

— Толк есть. Фашисты убедились, что полеты к Барселоне — не увеселительная прогулка.

Сквозь тонкие стены домика слышны были шум мотора и громкие крики механиков.

— Ну, твою «шестерку» на место поставили. Теперь можно и выпить по рюмочке, — сказал довольный Серов. — Потом всем спать. Мы с Антоновым останемся до утра дежурить.

— Все готово, компаньерос! — весело провозгласил Антонов. — Извините за отсутствие сервиза.

— А где Гальярдо и Энрике? — спросил Анатолий.

— Где им быть — у самолетов возятся.

— Ну-ка, Алеша, одна нога здесь, другая там. Веди-сюда механиков! — приказал Серов.

Горохов выскочил на крыльцо. Через несколько минут в комнату вошли мокрые испанцы.

— Согрейся, Энрике. Тебе самая большая рюмка, — Серов протянул механику полный стакан. Энрике отрицательно покачал головой:

— Мне работать нужно Ой как много работы.

— Не убежит от тебя работа. Бери пример с Галь-ярдо — он от коньяка не отказывается. Так, Гальярдо?

Тот ничего не понял, но улыбнулся и, подняв над головой стакан, сказал по-русски:

— Ваше здоровье!

— Вот это молодец? — Серов хлопнул Гальярдо по плечу — Я добавлю: за здоровье и победу Евгения Степанова.

Евгения разбудил Алексей Горохов:

— Тебя ждут ехать на место падения бомбардировщика.

— А где он упал?

— До Барселоны всего три километра не дошел. В горах валяется, недалеко от шоссейной дороги.

В коридоре раздались грузные шаги, и в двери показался Серов.

— Встал?

— Как видишь.

— Вижу, вижу, — проворчал Серов. — Почему сразу не доложил, что истребителем ударил «савойю»?

Евгений пожал плечами. В начавшейся после посадки суматохе он действительно не успел толком рассказать Серову о всех перипетиях боя с «савойей». «Черт его знает, как докладывать? А может, еще и ругать будет за то, что стукнул фашиста?»

— Умыться можно?

— Умывайся, умывайся.

Пока Евгений стучал клапаном умывальника, Серов ходил по комнате Под его шагами жалобно попискивали половицы.

— Как же докладывать начальству? Комиссар Усатый уже дважды звонил из Валенсии. Евгений промолчал.

— Я тебя спрашиваю? Или пойти к твоему искореженному истребителю и у него получить ответ?

— Ну чего ты кипятишься! — нехотя ответил Евгений — Какая разница, как сбил? Доложи, сбит «савойя», упал там-то и на своих бомбах взорвался Я, Толя, больше всего боялся, что он на город бомбы сбросит, а о том, как докладывать, честное слово, тогда не думал. Извини. Ведь у меня другого выхода не было, вот и ударил.

А о том, что ты без головы остаться мог, не подумал. Моя голова не дороже других. Серов еще раз прошелся по комнате, остановился.

— Ночью, Женя, самолеты огнем пулеметов сбивали. Ты знаком с теми, кому это удалось. Но чтобы в ночном бою самолет был уничтожен таранным ударом — такого еще в истории авиации не было.

— Брось, командир, историческими исследованиями заниматься. Я готов. Едем?

— У нас еще есть время, — посмотрел на часы Серов. — Сходим к твоему истребителю.

Уже рассвело, но над Сабаделем стоял туман. У истребителя хлопотало несколько механиков под руководством Энрике.

— Буэнос диас! Доброе утро! — дружно приветствовали они летчиков.

— Полюбуйся, на что похожа твоя «шестерка»! — В голосе Серова была укоризна, но глаза улыбались.

Евгений обошел свой самолет. Фюзеляж и крылья во многих местах были пробиты пулями, на нижнем крыле зияла огромная дыра, у воздушного винта погнуты концы лопастей. Изуродованное левое колесо было уже снято с оси и лежало рядом на траве.

Степанов вздохнул:

— Я его, Толя, колесами по рулю поворота хотел ударить, но в темноте и от волнения немного не рассчитал, — извиняющимся тоном сказал он.

— Ну как, Энрике? — обратился Серов к Гомесу. Цокнув языком, механик пнул ногой колесо.

— Красивая работа, камарада Родриго. Повозиться придется, но ничего. К вечеру сделаем «чато».

— Вот как, — улыбнулся Анатолий. — Я думал, Энрике своего командира ругать будет за исковерканный самолет. А он туда же, восторгается.

Подъехала легковая машина. Открывая дверцу «крейслера», Евгений обернулся к Анатолию:

— Скажи своему шоферу, чтоб поосторожнее ехал. Не ровен час, опрокинемся. Никак не могу привыкнуть к испанской манере езды.

— Садись, именинник. Сам-то осторожно ездишь? — указав на самолет, усмехнулся Серов.

— Там правила другие. Машина рванулась с места.

Не доезжая до Барселоны, лимузин свернул с широкого шоссе. По ухабистой горной дороге, несмотря на ранний час, двигались большие группы людей.

— Наверное, к твоему «крестнику» идут. Стой! — неожиданно закричал шоферу Серов. — Заберем бабушку, — он показал на старуху во всем черном, с палкой в руке.

Старая женщина не сразу поняла, чего хочет от нее одетый в кожаное пальто русоволосый богатырь. Когда ей объяснили, что «камарада русо» приглашает ее доехать до места падения фашистского самолета, испанка радостно закивала головой. Приподняв юбки, она ловко села рядом с шофером.

— Вот так-то, мать! — довольно сказал Серов, устраиваясь рядом с Евгением.

Женщина обернулась к летчикам.

— Мать, — повторила она и улыбнулась ласково. Переваливаясь с боку на бок, «крейслер» медленно двинулся вперед.

За поворотом открылась широкая просека с поваленными и

обломанными апельсиновыми деревьями. Полусозревшие плоды, сломанные ветви устилали мокрую землю. Кругом валялись разметанные взрывом куски металла — все, что осталось от «савойи». Машина остановилась.

— Приехали, мать, на выставку, — засмеялся Серов.

— Пойду хвостовое оперение поищу, — сказал Евгений, вылезая из «крейслера».

— Смотри, Женя, раньше нас кто-то прикатил, — Анатолий показал на зеленую легковую машину.

Перепрыгивая через поваленные деревья, Евгений пошел по просеке. В конце ее он столкнулся с высоким, худощавым летчиком в кожаной куртке. Рядом стояла Аделина.

— Адриашенко, — представился тот. Они внимательно осмотрели обломки бомбардировщика, но ни киля, ни стабилизатора с рулями не нашли.

— В горах валяются, наверное, — предположил Адриашенко. — Я тут часа полтора хожу, все осмотрел.

Послышался нарастающий гул моторов. Прижимаясь к нижней кромке облаков, показалась шестерка И-15. Они плавно развернулись над горами. Неожиданно сзади раздался голос:

— Эухенио!

Степанов обернулся. К ним шли Сиснерос, Птухин и Агальцов в сопровождении начальника полиции Барселоны. Летчик вытянулся по команде «смирно», приготовившись рапортовать командующему.

— Хорошо, Эухенио! Молодец. Спасибо, — по-русски приветствовал его Сиснерос.

Плотная толпа жителей Барселоны и окрестных деревень окружила летчиков. К Сиснеросу с трудом протолкался морской офицер. Красиво отдав честь, он начал что-то оживленно говорить командующему. Тот внимательно слушал.

— Сеньорита, — обратился Сиснерос к стоявшей рядом с ним Соне Александровской, — спросите камарада Эухенио: вел ли он бой над морем?

Александровская перевела. Степанов утвердительно кивнул головой.

— Моряки, находившиеся в дозоре, сообщают, что они наблюдали воздушный бой, который шел над самой водой, — сказал Сиснерос. — На рассвете сторожевики обнаружили в море большие пятна масла и бензина, — переводила Соня. — Они полагают, что сбитый фашистский самолет и его экипаж утонули.

— Вы молодец, Эухенио! — Сиснерос обнял Степанова. Кто-то из испанцев крикнул:

— Вива Русия! Вива авиадорес русое!

Сиснерос поднял сжатую в кулак руку:

— Но пасаран!

— Но пасаран! — повторило горное эхо. К Степанову подошла женщина и протянула ему маленькую девочку в голубом платьице. Евгений растерянно посмотрел на нее, потом на Сиснероса. Тот ободряюще кивнул головой:

— Си! Кларо, Эухенио! Да! Конечно, Евгений!

— Она просит подержать девочку, — объяснила Евгению Соня. — У испанцев поверье: если победитель подержит ребенка на руках, это приносит счастье.

Евгений бережно взял из рук матери девочку, и та доверчиво прижалась к его плечу.

— Ее отец сражается под Теруэлем, — перевела Соня слова матери.

Толпа зашумела. Испанки одна за другой подводили к Степанову своих детей. Соня и Аделина не успевали переводить восторженные слова благодарности, раздп вавшиеся со всех сторон.

В окружении ликующих испанцев летчики медленно продвигались к машинам. Птухин взял Евгения за локоть:

— Слова с тобой сказать не дали.

— Приеду к тебе сегодня вечером, запремся — все по порядку мне выложишь, — пообещал Агальцов.

Стали садиться в автомашины. Необычный вид их поразил летчиков: с радиаторов и крыльев лимузинов свисали какие-то обгорелые лохмотья. Степанов догадался: кто-то «украсил» машины остатками парашютов фашистских летчиков.

— Прежде чем ехать на аэродром, проедем по Барселоне, — сказал Сиснерос. И обратился к Степанову: — Вижу, мой друг, что вас многое сегодня удивляет.

— Я не заслужил такого внимания! — Евгений был потрясен всем только что пережитым.

— Запомните, Эухенио, — продолжал командующий. — Испанские женщины доверяют своих детей только тому, в кого они безраздельно верят. Это высшая честь для мужчины в Испании.

Через несколько минут кавалькада была уже в центре Барселоны, на площади Каталонии. Площадь и прилегающие улицы были заполнены народом. Радостные улыбки, поднятые руки, сжатые в кулак. Медленно продвигаясь через запруженные толпой улицы, машины достигли въезда в порт, где на шестидесятиметровой колонне высилась статуя Христофора Колумба.

Когда машины подошли к Сабаделю, истребители были в

воздухе. На стоянке виднелся одинокий «курносый» Степанова. «К ночи будет готова машина, — вспомнил Евгений обещание Энрике. — А сегодня у меня вроде выходного…»

Пусть земля ему будет небом

Седьмые сутки фашистские бомбардировщики не подходили к Барселоне ночью. Однако днем, под сильным прикрытием истребителей, «юнкерсы» и «савойи» рвались к городам испанского Средиземноморья.

К вечеру 1 ноября с Бахаралоса взлетела группа И-15. Серов, Соболев, Мастеров и Сидоренко развернулись гтрого на юг — их путь лежал к аэродрому Сагунто. Степанов, Антонов, Финн и Горохов направились на Сабадель. Как и каждую ночь, они должны были осуществлять ночное патрулирование над Барселоной.

Подойдя к Сабаделю, Евгений заметил на обыкновенно пустующем аэродроме вытянутые в линию «чатос». Кто бы это мог быть? Недоумение разрешилось на земле, когда к Степанову вместе с комендантом аэродрома подошли два испанских летчика. Один из них, среднего роста, худощавый, с монгольским типом лица, оказался комэском капитаном Ладиславом Дуарте. Второй — высокий, подвижный лейтенант — был его заместителем.

— Роман Льоренте, — представился он.

Две недели назад они на своих истребителях покинули горящий Хихон и через Францию возвратились в республиканскую Испанию. Теперь им было поручено формировать новую эскадрилью И-15 из летчиков-испанцев, прибывших после обучения в Советском Союзе и возвратившихся из госпиталей.

— Просим вас поужинать с нами, — пригласил добровольцев Дуарте.

— Спасибо! Но нам необходимо подготовиться к ночному патрулированию. Поужинаем у своих самолетов.

— Понимаю. Я не знал вашей задачи, камарадас, — огорчился Дуарте.

— Мы еще не раз поужинаем и полетаем вместе, — заверил его Антонов. А когда испанцы ушли, со вздохом добавил: — Чертовы фашисты, из-за них и за столом спокойно не посидишь с хорошими людьми.

— Так тебе ведь представлялась возможность. Сейчас плыл бы на каком-нибудь лайнере, сидел бы в ресторане, — поддел его Горохов.

— Сорвался, Леша, мой отъезд. Узнало французское

правительство, что моя персона проследует через Тулузу, Париж и Гавр, и запретило выдавать мне визу. Нежелательный я для них элемент. А вдруг подниму на Елисейских полях восстание?

— Давайте, ребята, за работу. Время бежит. Скоро стемнеет, — прервал их Евгений.

Степанов с комендантом аэродрома отправились уточнять вопросы обеспечения ночного патрулирования, а Антонов и Финн решили проверить направление взлета, Они находились в центре летного поля, когда Илья вдруг остановился и приветливо замахал рукой:

— Смотри, Антонио, друзья наши вышагивают! По краю аэродрома медленно брел нагруженный хворостоммул. Вслед за ним с длинным прутом в руке шел худощавый мальчуган, рядом семенила маленькая девочка с букетом ярких желтых цветов.

— Салут, амигос! — весело закричали летчики.

— Салут! — сверкнув ровным рядом белоснежных зубов, ответил мальчик, а его сестренка подняла в приветствии сжатый кулачок.

Эти дети — Фелипе и Росита — жили совсем рядом с аэродромом и давно уже вели дружбу с «русое пилотос».

Едва Фелипе и Росита поравнялись с летчиками, как из-за гор, окружавших аэродром, вынырнули два «мес-сершмитта». Они пронеслись над окраиной Сабаделя. Раздался дробный перестук пулеметов, и маленькие фонтанчики вспоротой пулями земли поднялись перед ногами оторопевших детей. «Мессеры» ушли вверх.

Испуганная девочка застыла на месте с прижатыми к груди цветами, ее широко открытые глаза были полны ужаса. Фелипе с громким криком подбежал к упавшему мулу.

Вновь послышался рев моторов. Финн и Антонов кинулись к детям. Подхватив на руки онемевшую от испуга Роситу, Илья Финн побежал к буковой роще. Крепко держа за руку Фелипе, за ним бросился Антонов.

Спасительная чаща была совсем рядом, когда вновь раздались пулеметные очереди… Антонов оглянулся: «мес-сершмитты» неслись прямо на них.

— Ложись! — крикнул он Илье.

Упав на землю, Финн прикрыл собой Роситу. Куски каменистой земли, взметенной пулеметной очередью, больно ударили летчика по голове.

В этот момент открыл огонь счетверенный зенитный пулемет. «Мессеры» взмыли вверх и ушли на восток…

Небо быстро темнело, с гор потянуло холодом. Усадив на нижнее крыло истребителя Роситу, которую бил нервный озноб,

Илья нежно гладил ее длинные черные волосы. Рядом, не выпуская руки Антонова, стоял насупившийся Фелипе; он не сводил взгляда со своего бездыханного мула.

От домов, стоявших на окраине Сабаделя, с громкими криками бежали женщины. Они окружили летчиков, наперебой благодаря «русое пилотос». Одна из них схватила девочку и, плача и причитая, покрывала ее лицо поцелуями. Затем она ощупала Фелипе и, убедившись, что он цел и невридим, еще больше разрыдалась. Оказалось, что сеньора Кончита, выйдя встречать своих детей, видела, как на них бросились «мессеры»; от ужаса женщина потеряла сознание.

Когда испанки с детьми собрались уходить с аэродрома, Росита, до этого не проронившая ни одной слезинки, вдруг громко расплакалась и, вырвавшись от матери, подбежала к Илье.

— Ну что ты, маленькая? — присел перед ней на корточки Финн.

Оказалось, что Росита ни за что не хочет уходить домой без своего спасителя.

Илья стал ее уговаривать, и постепенно девочка успокоилась. Она потянула за ремень, на котором висел его пистолет, и неожиданно для всех спросила:

— А у тебя, Илио, есть маленькие дети? Летчик рассмеялся:

— Нет, Росита. Нам с Антонио еще предстоит купить себе таких, как ты и Фелипе. Когда мы вернемся к себе домой, возьмем большие корзины и пойдем на базар. Там купим себе у цыганки девочку или мальчика. Тебя ведь тоже мама купила у цыганки?

Росита радостно засмеялась. Сверкнув темными глазенками, спросила:

— А откуда вы знаете, что меня у цыганки купили? Разве вам мама рассказала?

— Нет. Просто я знаю, что во всем мире маленьких детей покупают у цыганок, — улыбнулся Илья.

— А как вы, Илио, назовете свою девочку? — не унималась Росита.

— Она будет болтать с вами до утра, — вмешалась сеньора Кончита, беря девочку из рук Финна.

Летчики задумчиво смотрели вслед уходившим женщинам. Антонов тяжело вздохнул:

— Дети Испании… Гляжу на них, и сердце кровью обливается. Растут под бомбами и пулями…

Стемнело, над Каталонскими горами повис золотой серп луны. Смолк грохот прогреваемых моторов. В прохладном воздухе установилась настороженная тишина…

Проверив готовность истребителей, летчики собрались у

самолета Степанова.

— Никак успокоиться не могу, — раздался голос Финна. — На детей бросаются — до чего дошли…

— Если б это в первый раз, — откликнулся Антонов. — У фашистов на этот счет даже приказы имеются — стрелять во все, что видят летчики и что движется по земле.

Помолчали.

— Честное слово, ребята, вернусь на Родину — сразу женюсь, — заговорил опять Антонов. — В жены себе выберу обязательно добрую и веселую дивчину, чтобы друзей моих хлебом-солью встречала. Чтобы петь и плясать могла…

— Нет, ты уж свадьбу отложи до того, как мы все из Испании вернемся, — потребовал Финн.

— Конечно, Илья. И ты на моей свадьбе будешь нам петь под гитару…

— Придется мне у Гальярдо срочно учиться андалузским песням.

— Договорились?

— Слово пилота…

Горохов и Антонов поднялись — ночному патрулю пора было в небо. Прошло несколько минут, и Степанов с Финном остались на аэродроме одни.

— Знаешь, Евгений, о чем я сейчас подумал? Когда вернемся домой, в Москву, хорошо бы пролететь нам всей эскадрильей в один из праздников над Красной площадью. Вот так дружно, крылом к крылу, как летаем здесь, в небе Испании.

— Да, Москва сейчас к двадцатилетию Октября готовится. Парад, конечно, будет, — откликнулся Степанов. — Вот что: шел бы ты, Илья, отдохнул немного. Я подежурю. Через час наша очередь…

Стихли шаги Ильи. Удобно устроившись под крылом самолета, Евгений смотрел в ту сторону, куда ушли истребители Антонова и Горохова. В любой момент со стороны Средиземного моря мог появиться противник. Он думал о Москве, о доме, о матери, которая изредка присылала письма, не подозревая, где находится ее младший сын, — ведь адрес был обычный. Быстро мчится время. Почти каждый день бои. «Чатос» не сидят на месте.

Первым возвратился на Сабадель Горохов, через пятнадцать минут — Антонов.

— Ты где это разгуливаешь? — спросил его Степанов.

— Над морем ходил — красотища! Вода переливается, словно в нее серебряных монет набросали. А Барселона здорово с воздуха видна…

— Скоро потемнеет. Ну что, камарадас, выпьем по чашке

кофе? А потом мы с Ильей будем собираться в путь-дорогу.

— Не спеши, Женя, до полуночи еще час. А насчет кофе предложение принимается.

Все направились к домику, где отдыхал Финн. Открыв дверь, летчики, к своему удивлению, увидели комиссара Филиппа Агальцова, читавшего за столом газету. На деревянном топчане спал укрытый кожаным пальто комиссара Илья.

— Где это вы, орелики, пропадаете? — здороваясь, улыбнулся Филипп Александрович, хотя прекрасно знал, что патруль только что вернулся на аэродром, а Степанов дежурил на самолетной стоянке.

— Не спится, товарищ комиссар?

— Да вот заглянул по пути. Вечер провел в эскадрилье Ладислава Дуарте. Они скоро перелетят поближе к Бахаралосу, станут вашими соседями. В бой ходить вместе будете.

Алексей Горохов налил из термосов кофе, а Антонов растолкал крепко спавшего Финна.

— Что? Пора? — Илья резко вскочил и сел на топчане. Увидя Агальцова, он улыбнулся. — Это под вашим пальто мне так сладко спалось?

Филипп Александрович молча кивнул.

— Как на фронте? — обратился Степанов к комиссару.

— Неспокойно. На Арагонском у Теруэля и на Центральном фронте в районе Сигуэнсы фашисты сосредоточивают высвободившиеся на севере войска. Иностранная печать много пишет о предстоящем наступлении мятежников. Фашисты в эти дни, без сомнения, попытаются какую-нибудь пакость устроить. Да они и не скрывают этого. Радио Саламанки и Бургоса захлебываются угрозами…

— Год назад в эти дни Франко обещал взять Мадрид, — напомнил Степанов.

— Обещал. А сегодня в Мадриде началась неделя Советского Союза. И не только в Мадриде — вся республиканская Испания готовится торжественно отметить двадцатилетие Октября.

Комиссар достал из планшета красочный листок с силуэтом Кремля.

— Вот программа. Третьего ноября — торжественныйвечер в честь Красной Армии в мадридском театре «Сареуэла». Будет показана пьеса Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия»…

— После которой все испанки захотят непременно стать комиссарами, — вставил Антонов.

— Возможно, — улыбнулся Агальцов. — Но бдительность в эти дни мы с вами должны утроить. Понятно?

— Не подведем…

В час ночи 2 ноября с Сабаделя в воздух ушел патруль. На прикрытие Барселоны взлетели Евгений Степанов и Илья Финн.

Небо было пустынно. Через час двадцать минут, когда истекло время нахождения в воздухе, Степанов направил истребитель к Сабаделю. На подходе к аэродрому, дав сигнал «Я свой самолет», он дважды включил и погасил огни АНО.

Напряженно всматривался летчик в темноту, ожидая увидеть вспышку посадочных огней. Но ничего не уловил, кроме мелькания тусклых полосок света в северной части аэродрома.

«В чем дело? Почему не включают посадочные огни? Сел ли Илья?» Воздух распороли красные ракеты. «Запрещают посадку? Что случилось?» Сердце Степанова сжала тревога. Но все-таки пришлось уйти на следующий круг.

А на аэродроме действительно стряслась беда.

Как и было условлено, закончив патрульный полет, Финн в два часа тридцать минут подошел к Сабаделю. Вспыхнули и погасли бортовые огни. Самолет пошел на снижение. Вновь на крыльях зажглись огоньки — зеленый и красный. Антонову, который наблюдал за посадкой истребителя, подумалось, что Финн четвертый разворот выполнил дальше, чем положено. Но он успокоил себя тем, что в истребителе находится опытный летчик, С мягким рокотом «чато» подходил к земле. И тут раздался глухой удар, вслед за ним треск ломающегося дерева. Стоявший рядом с Антоновым механик Гальярдо с криком бросился к рухнувшему на землю самолету, вслед за ним побежал Антонов. Осветив карманным фонарем землю, они увидели опрокинувшийся вверх колесами истребитель.

Случилось непоправимое. Зацепившись крылом завершину пробкового дуба, росшего на границе аэродрома, истребитель ударился о землю и несколько раз перевернулся. У самолета было сломано правое крыло, левое с разорванным перкалем торчком уставилось в темное небо.

Илью осторожно вытащили из смятой пилотской кабины. Летчик был без сознания и весь в крови. Его немедленно отправили в городскую больницу…

Ничего этого еще не знал Степанов, его только тревожило временное запрещение посадки. Он несколько раз прошел над Сабаделем, пока наконец внизу вспыхнул свет автомобильных фар. Приглушив мотор, Степанов повел истребитель на посадку. Не успел он расстегнуть привязные ремни, как к самолету подбежал Энрике. Из его сбивчивых объяснений Евгений понял, что десять минут назад «чато» Ильи Финна потерпел катастрофу…

Рассвет и наступивший день слились для Степанова в какой-то сплошной кошмарный сон. Закончив боевое дежурство, он и Антонов поехали к Илье в Сабадель. У кровати Финна они застали Аделину. Как выяснилось, летчик получил тяжелейшие травмы. У него были сломаны в нескольких местах обе руки и обе ноги, смята грудная клетка, пробита голова. Несмотря на все усилия врачей, Илья в сознание пока не приходил.

Устало опустившись на стул, Евгений всматривался в лицо друга. Тот в забытьи что-то несвязно шептал разбитыми губами. По палате неслышными шагами ходил Антонов.

Сильно уставший за ночь Степанов непроизвольно сомкнул веки, и тотчас ему показалось, что он проваливается в какую-то бездонную пустоту. Вдруг Евгений ощутил, что на него смотрят. Открыв глаза, он встретился с немигающим взглядом темных глаз Ильи.

— Худо мне, Женя, — тихо прошептал Финн. — Горит все внутри.

— Молчи, тебе говорить нельзя, Илюша. Все будет хорошо.

Вобрав в себя воздух, Илья опять заговорил:

— Вернешься — зайди к матери. — Он помолчал, собираясь с мыслями. — Никак она не могла привыкнуть к моей работе, всегда волновалась… И сейчас ждет… Иеще… ждет меня одна девушка… Напиши ей. Адрес у моей сестры…

— Сам, Илюша, напишешь им. И приедешь. — Евгению трудно было говорить, комок стоял у него в горле.

Финн на секунду прикрыл глаза, облизал пересохшие губы.

— Нет, камарада. Не увидеть мне Москвы. — Глаза Ильи расширились. Сделав над собой усилие, он продолжал: — Будешь лететь над Москвой — качни ей крыльями за меня. Помнишь, мечтали: пройдем над Красной площадью, крылом к крылу.

Илья тяжело задышал. Вошел врач и попросил всех выйти из палаты.

Молча стояли летчики в коридоре, глядя, как сильный ветер кружит по саду опавшие листья.

— Кажется, на войне ко всему можно привыкнуть, — заговорил Антонов. — Но когда случается вот такая нелепость, не могу примириться… Как же это он? Эх, Илья, Илья!

— Видно, усталость взяла свое, — нехотя проговорил Степанов.

Дверь резко отворилась, и показался Серов, только что прилетевший с аэродрома Сагунто.

— Как Илья? Жить будет? — бросился он к Степанову.

— Мало надежды.

— Пойду к нему.

— Обожди, там врачи.

И тут за их спиной раздался шум, мимо пробежала Аделина. Припав к окну, она громко зарыдала.

Незачем было спрашивать, и все-таки Серов спросил:

— Что там?

— Илюша… Илюша только что… — она не договорила.

Проститься с погибшим «русо пилото» пришло все население Сабаделя. Смерть советского летчика все восприняли как потерю близкого и дорогого человека. Прилегающие к мэрии улицы и переулки были запружены одетыми в траур людьми. Из открытых окон здания, где стоял гроб, доносились приглушенные звуки музыки.

Агальцов, Серов, Степанов, Антонов, Вальтер Короуз и Том Добиаш вынесли гроб на площадь.

— Смирно! На караул! — скомандовал командир воинского эскорта.

Блеснули шпаги офицеров. Застыл строй солдат Народной армии.

К летчикам, держа за руки Роситу и Фелипе, подошла сеньора Кончита.

— Какое несчастье! Какое несчастье! — рыдая, произнесла она. — Сеньор Антонио, поднимите Роситу, она хочет положить цветы на гроб Илио.

Антонов выполнил ее просьбу. Росита положила красные георгины на крышку гроба, покрытого трехцветным республиканским флагом.

Когда траурный кортеж тронулся к городскому кладбищу, Серов, Степанов и Антонов уехали на аэродром. Им предстояло проводить друга в последний путь с воздуха. Набирая высоту, «чатос» прошли над вытянувшейся на несколько километров траурной процессией. Потом, сделав круг над Сабаделем, взяли курс к кладбищу.

В семнадцать часов над крышами фабрик и заводов Сабаделя вспенились белые шапки пара. Сквозь рев моторов летчики не слышали заводских гудков, но догадывались, что это рабочий класс Сабаделя прощается с «русо пилото», отдавшим жизнь за Испанскую Республику.

Когда гроб стали опускать в могилу, над кладбищем прогремели залпы винтовочного салюта. Тройка И-15 в отвесном пикировании устремилась вниз. Почти над самой землей истребители вышли из пике и взмыли в небо. Раздался грохот бортовых пулеметов. В строю, покачивая крыльями, последний раз пронеслись самолеты над свежей могилой.

«Чатос» скрылись из глаз. Комиссар Филипп Агальцов бросил

на холм последнюю горсть каменистой земли.

— Пусть земля ему будет небом…

Минуты жизни

Дождливое утро 7 ноября встало над Сагунто. К сидевшему в кабине истребителя Евгению Степанову подошел Алексей Горохов. Они вдвоем дежурили сегодня на этом маленьком аэродроме, прикрывая от налетов фашистских бомбардировщиков район Валенсии.

— Как думаешь, командир, пройдем мы к Бахарало-су? Так хочется вместе с ребятами праздник отметить.

— Минут через сорок поднимутся облака, тогда и взлетим.

— Сейчас те, кто сегодня над Красной площадью полетит, уже на петле сбора находятся, — вздохнул Алексей.

Евгений взглянул на бортовые часы:

— Да, скоро пробьют куранты, нарком начнет объезд войск…

Не прошло и нескольких минут, как из Валенсии позвонил Федор Усатый:

— Поздравляю с праздником, камарада.

— Спасибо, — Степанов разговаривал, сидя в кабине истребителя, куда ему подали телефонную трубку.

— Звонил я на Бахаралос и Сабадель. Тебе от ребят привет. Спрашивают: не скучно вам вдвоем на Сагунто?

— Скучать не успеваем. Вы лучше скажите, когда встретимся. Второй месяц пошел, как вы в Испании, а толком еще не виделись.

— Разве за вами угонишься, — засмеялся Усатый. — Днем здесь — ночью там. Подожди, приеду…

Второй звонок был из штаба авиации: «В Сагунто вам находиться до вечера — приказ генерала Хозе», — передал дежурный.

Не успел Степанов положить трубку, как в центре летного поля взметнулся огненный столб. Вверх полетели комья земли. Еще разрыв, еще… Стреляли со стороны моря — это было ясно. Но кто?

— К запуску, Энрике!

Рев моторов заглушил звуки рвущихся снарядов. Истребители пошли на взлет. Прорвавшись сквозь полосу разрывов, они круто легли в левый разворот. Впереди блеснуло море.

Набрав высоту, Евгений увидел наконец темные столбы дыма. Фашистский крейсер, идя параллельно берегу, вел огонь из орудий главного калибра по Сагунто и Валенсии.

«Иду в атаку!» — подал Степанов сигнал своему ведомому.

Фашисты заметили истребители и открыли заградительный зенитный огонь. Когда до крейсера осталось не более ста пятидесяти метров, летчики нажали гашетки пулеметов. Почти над самыми мачтами Степанов и Горохов вырвали истребители из пике. Полупетля, переворот — и вновь «чатос» устремились на фашистский корабль. Евгений видел, как пули рикошетом отскакиваютот бронированных бортов и плит палубы, как прячется от огня орудийная прислуга.

Летчики понимали, что огонь их пулеметов для современного корабля был комариным укусом, но они продолжали носиться среди разрывов орудийных снарядов и огненных трасс зенитных пулеметов.

Прекратив обстрел побережья, крейсер полным ходом направился к острову Ивиса. Огрызаясь зенитным огнем, он уходил все дальше, в поднимавшийся над морем густой туман.

«Чатос» «клевали» крейсер до тех пор, пока он совсем не скрылся в тумане. Только тогда они повернули к берегу и увидели идущие к району боя «катюши». «Опоздали ребята. Теперь его не найти», — с досадой подумал Евгений. Он еще не знал, что судьба свела его в это утро с «Канариасом» — новейшим быстроходным военным кораблем мятежников. Об этом стало известно только в конце дня.

В этот же утренний час с аэродрома Бахаралос в разведывательный полет ушли Антонов, Ярошенко и Петрович.

Перед вылетом командир патруля подробно рассказал югославу о поведении летчика в разведке.

— Смотри, камарада, — предупредил Антонов своего ведомого, — ни в коем случае не ввязывайся в бой. Наше дело увидеть, нанести на карту, запомнить и доложить результат. Ясно?

— Да, командир! Я знаю, что такое разведка. Правда, на земле, — добавил Петрович.

Полет подходил к концу, когда севернее Уэски на горной дороге появилась движущаяся к линии фронта колонна крытых грузовиков. Одновременно Антонов увидел подходящую в этот район эскадрилью Р-зетов под прикрытием истребителей, которые вел Хуан Комас. Не успел он подумать, что Р-зеты подоспели вовремя, как Петрович взмахом руки показал вниз. Антонов кивнул головой, давая понять ведомому, что он видит автомашины фашистов.

Югослав по-своему понял кивок командира. Переворотом через крыло он оторвался от звена и ринулся на колонну. С первого захода ему удалось поджечь две головные машины. Движение на дороге застопорилось. Снизившись почти до земли,

Петрович пронесся над колонной, стреляя из всех пулеметов. В этот момент и подошли Р-зеты. Капитан Алонсо увидел носившийся над дорогой «чато» и, опасаясь поразить бомбами республиканский истребитель, пошел на второй круг. К счастью, увидя Р-зеты, Петрович свечой устремился вверх и как ни в чем не бывало пристроился к Антонову, кружившему вместе с Ярошенко над местом, где их покинул югослав.

— Послушай, Петрович, — сказал ему после посадки кипевший от негодования Антонов, — какая тебя муха укусила над автоколонной?

Лицо югослава выражало полное недоумение. Он растерянно посмотрел на Ярошенко и собравшихся вокруг летчиков.

— Но, командир, ты мне перед вылетом приказывал не вступать в бой с воздушным противником, а перед нами оказался наземный. Когда я тебе подал сигнал, ты согласно кивнул головой. Я понял, что атака разрешена. Разве не так?

— Кивал я тебе, давая знать, что вижу колонну. Петрович пожал плечами:

— Виноват…

— Вообще-то виноватых бьют. Но кто осмелится тебя поколотить?

— Бей!

Антонов, смеясь, обнял друга…

Комиссар Филипп Агальцов с полдня 6 ноября находился в пути. На старом «драгоне» он вместе с Кутюрье и переводчицей Аделиной до вечера успел облетать все аэродромы Центрального фронта, где находились советские добровольцы. Перед наступлением темноты они прилетели на Арагонский фронт и заночевали на Каспе, а на рассвете «драгон» снова вылетел по маршруту Бахаралос — Сариньена — Монсон — Барбастра.

Бахаралос был уже совсем близко, когда у самолета стал сдавать один двигатель.

— Всем надеть парашюты, — приказал командир корабля.

Но Аделина, словно не слыша команды, продолжала спокойно сидеть в кресле.

— Разве тебя приказ не касается? — возмутился Агальцов.

— Да мне ни на одном парашюте подвесная система не подойдет, — спокойно ответила переводчица, не раз попадавшая в подобные истории.

Ее никто не стал слушать; Агальцов и Кутюрье в спешке начали надевать на девушку парашют. Аделина была права: подвесная система действительно оказалась непомерно большой.

— Она же выпадет из лямок, когда прыгнет! — озадаченно проговорил комиссар.

— А я что вам говорила? И не подумаю прыгать, — девушка стряхнула с плеч лямки, в которые свободно могли поместиться две Аделины.

К счастью, усилиями экипажа удалось наладить работу двигателя. Самолет благополучно сел на Бахаралос…

Поздравив авиаторов с двадцатой годовщиной Великого Октября, комиссар передал им приветы от товарищей, сражавшихся в других эскадрильях. Привез Филипп Александрович также дорогие сердцу каждого письма с Родины. Приятным сюрпризом для летчиков были посылки-подарки от маршала Климента Ефремовича Ворошилова.

— Ну, а вы как живете-можете? — спросил Агальцов Антонова, возглавлявшего оставшуюся на Бахаралосе часть эскадрильи.

— Все в порядке. Жаль только — праздник будем встречать не в полном сборе.

— Побережье, Антонио, ночью нужно прикрывать, вот и забрали у вас летчиков. А Серова, командира авиагруппы, даже в Картахену отправили.

— Понимаю. Но вот что нам с Петровичем делать? Всей эскадрильей никак с ним не сладим.

— Что такое?

— Анархист!

И Антонов рассказал об утреннем вылете.

— Нехорошо, нехорошо, — покачал головой комиссар. А тут Антонов еще подлил масла в огонь:

— Только перед вашим прилетом звонили Комас и Алонсо. Сперва с праздником поздравили, сказали, что вечером к нам в гости собираются. Но по адресу моего ведомого отпустили несколько крепких выражений.

Хорошо понимая состояние Петровича, по одному виду которого можно было определить, как он переживает свой проступок, комиссар решил прийти ему на помощь:

— В нашем экипаже тоже есть свои нарушители дисциплины, — громко, чтобы все слышали, сказал он и тут же поведал летчикам, что произошло только что на борту «драгона».

Юную переводчицу в эскадрилье любили.

— Вы ее в наказанье оставьте суток на пять у нас, — посоветовал Антонов.

Эта мысль всем понравилась. Летчики окружили девушку, весело уговаривая ее остаться. Кто-то полез в свои карманы, и через минуту улыбающаяся Аделина держала в руках не меньше десятка плиток шоколада.

— Ну, Аделина, — сказал Антонов, — вот мой тебе совет.

После того как съешь весь свой мешок шоколада, поезжай немедленно в Валенсию.

— Это зачем?

— Найдешь там лучшую портниху, пускай она подгонит по твоей фигурке подвесную систему. Разве кто знал, что девочки, которым сподручнее выступать в балете, будут летать на этих проклятых «драгонах»?

— Вовсе он и не проклятый! А что у него иногда барахлят моторы, то в авиации это часто случается, — под общий хохот ответила Аделина.

Когда Евгений Степанов и Алексей Горохов в своих кожаных летных костюмах вошли в ярко освещенную комнату, Горохов не сдержался:

— Вот это да!

Им навстречу шла улыбающаяся Соня Александровская. Подхватив летчиков под руки, она повела их к столу.

— Нас Мартин предупредил: «Забронируйте два места «курносым». Они здесь одни, эскадрилья их далеко, пусть будут как дома», — она указала на середину стола, где действительно стояли два нетронутых прибора.

Евгения и Алексея окружили летчики — здесь, в Валенсии, собрались и добровольцы, и испанцы, чьи эскадрильи базировались в районе города. Всем хотелось узнать подробности боя с «Канариасом».

— Братцы, — взмолился Степанов. — Я обо всем доложил по телефону генералу Хозе. Ничего особенного — обычный боевой вылет.

После ужина к Степанову подошел стройный испанец.

— Лейтенант Бельтран, — представился он. — Разрешите вас спросить, камарада, это сложно — таранить машину противника?

— Таран — не самоцель, камарада, — ответил Евгений, — только крайняя необходимость может вынудить летчика на этот прием боя. В первую очередь истребитель должен владеть маневром и огнем. Мой таран над Барселоной был вынужденным.

— Понимаю. — Бельтран провел рукой по густым черным волосам. — Но все-таки каждый из нас, истребителей, должен быть готов к нанесению таранного удара. Жалко, что в летных школах не учат этому.

Лейтенант налил в бокалы вина.

— Предлагаю тост за ваших товарищей!..Через пять лет Евгений Степанов вновь услышит имя испанца. Летом 1942 года на дальних подступах к Москве Бельтран в течение одной недели нанесет два таранных удара по немецко-фашистским самолетам. «Я поступил так, как «русо пилото» камарада Эухенио в небе моей

родины в октябре тридцать седьмого», — скажет он…

На плечо Евгения Степанова легла чья-то рука. Он обернулся:

— Кутюрье?

— Последние сутки Кутюрье. Кончилась моя работа в Испании.

— Как кончилась? — не понял Евгений.

— Сегодня ночью уезжаю. Приказ…

— Приказ, — повторил Евгений. Он знал, что сегодня уезжает на Родину и начальник штаба его эскадрильи Александр Рыцарев. — На вечере хоть побудешь?

— Всего несколько минут. Через два часа уезжаю. До границы машиной, а там…

— Ну что ж, Олег Владимирович, до встречи?

— До встречи, Эухенио.

…Только через тридцать лет в подмосковном городе Железнодорожном вновь встретятся полковники Евгений Степанов и Олег Соболевский.

И, как тогда, тридцать лет назад, Олег Владимирович скажет:

— Салут, Эухенио! Вива Эспаниа!

И, как три десятка лет назад, друзья обнимутся, А потом поедут в Москву, к Софье Михайловне Александровской.

— Салут, София!

— Салут, камарадас! Испания! Далекая и близкая…

Крылом к крылу

Прибытие эскадрильи Ладислава Дуарте на Арагонский фронт ознаменовалось крупным недоразумением с английским генералом, представителем Комитета по невмешательству в испанские дела.

Еще на Северном фронте внешность Дуарте не раз вводила в заблуждение представителей комитета. На этот раз англичанин, прибывший на аэродром, без обиняков спросил Ладислава:

— Вы киргиз или казах? Я слышал, что в России среди этих национальностей сейчас немало летчиков?

— Я испанец, — с достоинством ответил Дуарте. Генерал через монокль без стеснения рассматривал комэска.

— В двадцать лет уже командуете эскадрильей? — с сомнением в голосе проговорил он. Дуарте обиделся:

— Кто же, по-вашему, здесь командир?

— Наверное, кто-либо из русских.

— В моей эскадрилье одни испанцы, — отрезал Дуарте.

— И вы?

Ладислав почувствовал, что теряет терпение.

— А если я не захочу с вами говорить, основываясь на предположении, что вы не генерал и не представитель комитета?

Англичанин потерял свою невозмутимость.

— Представьте мне ваших подчиненных! — раздраженно потребовал он.

Всматриваясь в лица, надолго задерживаясь около каждого из летчиков, генерал начал обход строя. К его удивлению, все пилоты и механики оказались такими же молодыми, как и их командир.

Взгляд генерала задержался на Рекалде.

— Вы русский?

— Если вам так уж хочется, я могу стать русским. Вас смущает мой нос, сеньор? Мне его расплющил папаша. Видите ли, я рано стал наведываться к сеньоритам, а у нас в провинции Ла-Манча нравы строгие… Переводчик, нервничая, перевел эту тираду. Генерал нахмурился, но продолжал обход. Он остановился перед Ромуло Негрином.

— Ваша национальность?

— Моя фамилия Негрин, — ответил летчик.

— Фамилия еще ни о чем не говорит.

Ромуло пожал плечами. Светловолосый, голубоглазый, он и

впрямь был похож на русского.

— Уж не родственник ли вы нынешнего премьера Испании? — с насмешкой спросил генерал. Красивое лицо Ромуло побледнело.

— Я сын Хуана Негрина.

Но и этот ответ не обескуражил англичанина.

— Однако вы все-таки летаете вместе с русскими, капитан? — допытывался представитель Комитета по невмешательству у Дуарте.

Дуарте порядком надоел этот допрос. Летчики и так мало отдыхают, а англичанин уже сорок минут держит их в строю. Приложив руку к фуражке, комэск четко произнес:

— Я вам докладывал, генерал: в моей эскадрилье одни испанцы.

— И они летают? — вновь повторил тот свой вопрос.

Комэск не ответил. Взяв из рук у стоявшего в строю стартера ракетный пистолет, он выстрелил. Взвилась зеленая ракета. Через две минуты эскадрилья под командованием заместителя Дуарте — Романа Льоренте — звеньями начала взлетать в осеннее небо.

Когда «чатос» четким строем прошли над аэродромом, Дуарте, смотря прямо в глаза англичанину, извиняющимся тоном произнес:

— Забыл вас предупредить. Самолеты действительно советские. Ну, а пистолет, который на мне, — Ладислав постучал по кобуре, — английский.

Молча кивнув, генерал направился к своему лимузину.

— Выкладывай знак намеренной посадки, — весело приказал Дуарте стартеру.

Когда истребители зарулили на стоянки, он подошел к Негрину:

— И как ты, Ромуло, удержался, не~пехвастал переданглича́нином, что мать у тебя действительно русская?

— И что мы с тобой, когда учились летать в Советском Союзе, заходили пить чай к твоим родственникам на улице Горького в Москве? — добавил Мануэль Ороско.

Ромуло улыбнулся:

— Боюсь, что тогда весь лондонский Комитет по невмешательству был бы лишен воскресного дня. А генерал получил бы за эту информацию орден. Шутка ли, в Испании обнаружен русский! И кто? Сын премьера!

Эскадрилье за четкие действия при взлете комэск объявил благодарность. А сам Дуарте за недостаточно вежливый прием английского генерала получил от командования нахлобучку.

— Ведь я каменщик и летчик, дипломатии меня никто не

обучал, — притворно вздыхая, жаловался Дуарте Степанову, и в его узких глазах играли веселые искорки…

В полдень Евгений Степанов повел девятку И-15 на штурмовку переднего края противника. Над ними шла эскадрилья Ладислава Дуарте. Это был первый совместный вылет обеих эскадрилий.

Пройдя Вилья-Майор, Степанов внимательно осмотрел воздушное пространство. Небо было пустынно. Он качнул крыльями самолета: «Внимание!» «Чатос» устремились в атаку. Вслед за ними в атаку пошли и три звена эскадрильи Дуарте.

Выходя из пике, Евгений привычно скользнул взглядом по небу. Под облаками по-прежнему кружило звено И-15 — четвертое звено эскадрильи Дуарте. Чего они медлят?

Евгений не знал, что в последний момент командир испанской эскадрильи удержал себя от соблазна «проутюжить» огнем вражеский передний край. А вдруг фашисты ударят из-за облаков! С собой для прикрытия друзей, штурмующих позиции противника, он оставил своих ведомых — Мануэля Ороско и Рекалде.

Предчувствие не обмануло Дуарте. Республиканские истребители делали четвертый заход на окопы франкистов, когда из-за облаков в отвесном пике стали вырываться «фиаты». Один из фашистских истребителей нацелился на выходившего из атаки Степанова. Ладислав дал длинную заградительную очередь. Фашист, очевидно, уже поймал в прицел республиканский истребитель. Еще мгновение… Но в этот момент Дуарте, подойдя под углом к «фиату», вновь открыл огонь. Вспыхнувшая машина ведущего показала фашистским летчикам, что внезапная атака не удалась. Рекалде и Ороско сбили еще два истребителя, которые упали на рыжие скалы.

Окончив штурмовку и набрав высоту, обе эскадрильи направились к своим аэродромам. Над ними под самой кромкой облаков шли Дуарте, Ороско и Рекалде На траверзе Бахаралоса испанцы повернули к своему аэродрому; только звено, шедшее сверху, не изменило курса.

Вместе с девяткой Степанова три испанских летчика сели на Бахаралос.

К стоянке подъехал Серов. Увидя Дуарте, он радостно улыбнулся:

— Салут, Ладислав! Как вылет?

— Муй бьен! Очень хорошо. Но над облаками было не меньше двух десятков «фиатов».

Евгений по достоинству оценил немногословное замечание испанца.

— Ты правильно поступил, что остался наверху. Кто знает, чем окончилась бы наша встреча с «фиатами». Во всяком случае, мы были внизу, а это уже плохо.

— Фашисты хитрецы, — согласился Дуарте. — Их любимый прием — удар из-за облаков и уход обратно в облака. Мне на севере почти ежедневно приходилось наблюдать подобные штучки.

Евгений положил руку на плечо испанца:

— Спасибо, друг, за то, что «фиату» дорогу ко мне перекрыл.

Дуарте молча похлопал Степанова по спине. Подошли летчики, участвовавшие в штурмовке. Дуарте представил своих ведомых, прилетевших с ним на Бахаралос. Невысокого большеглазого Ороско, если бы не усы, можно было принять за мальчика. Трудно было поверить, что этот застенчивый юноша полчаса назад сбил фашистский истребитель. Полной противоположностью Мануэлю Ороско был Рекалде. Ладно скроенный, крепкий, среднего роста — настоящий крестьянин, он, размахивая руками, что-то быстро говорил внимательно слушавшим его Попову и Короузу…

Изменчивой была погода в Испании осенью 1937 года. Редко светило солнце. Небо покрывали густые тучи. Лили дожди. В горах выпадал и быстро таял снег. «Давно не видели мы такой осени», — сокрушенно качал головой майор Альфонсо, словно извиняясь перед летчиками за дурную погоду, часто прижимавшую истребители к земле.

Еременко в эти дни то и дело оглучался с Каспе под Теруэль, куда были переброшены эскадрильи Ивана Гусева, Мануэля Сарауза и Григория Плещенко. А «чатос» Евгения Степанова по-прежнему кочевали с аэродрома на аэродром, прикрывая города Средиземноморского побережья. В центре Арагонского фронта действовали эскадрильи Хуана Комаса и Ладислава Дуарте…

19 ноября в предрассветном полумраке эскадрилья Степанова заканчивала подготовку к перелету на Саба-дель. Майор Альфонсо, как всегда, провожал летчиков. Сразу после отлета эскадрильи он вместе с обслуживающим персоналом должен был выехать в Сабадель на машинах.

— Мой командир! Вы не успеете еще зарулить на Са-баделе истребители, как я буду там.

— Не спешите, Альфонсо. После отлета проверьте здесь все как следует. Ведь уходим с Бахаралоса на целую неделю.

— Проклятые фашисты! Из-за них наши ребята почти не отдыхают. А моя Виолетта хочет обратиться к римскому папе с просьбой о разводе. Вы знаете, Эухенио, что значит иметь жену из Таррагоны?

— Мне Моркиляс говорил, что там самые красивые женщины в Каталонии, — улыбнулся Степанов.

— В этом и вся беда, — вздохнул Альфонсо. — В свое время пираты специально приходили к Таррагоне и похищали местных красавиц. Но, к сожалению, они не всех перетаскали…

— У вас прелестная жена, Альфонсо!

— Но ей не нравится, что я ночами торчу на аэродроме. А разве я могу бросить наших ребят?

— Ничего не поделаешь, Альфонсо.

— Аста пронто! До скорой встречи!

— Аста пронто.

Эскадрилья ушла в воздух. На опустевшей стоянке остались майор Альфонсо и его помощник. Альфонсо отдал последние хозяйственные распоряжения и уже собирался сесть в свою легковую машину, когда над Бахаралосомпоявились «юнкерсы». Снизившись, они прошли над летным полем. То, что республиканских самолетов не оказалось на аэродроме, не обескуражило фашистов. Сделав круг, они легли на боевой курс. Фашистские штурманы, как на полигоне, прицелились по лежащему в долине беззащитному городку.

С воем понеслись вниз фугасные и осколочные бомбы. Бахаралос окутался дымом и пламенем. «Юнкерсы» пошли на второй заход…

Все это видел майор Альфонсо, от неожиданности застывший около машины. Но когда «юнкерсы» стали делать второй заход на город и пустой аэродром, он бросился к своему «рено». Еще с начала боев под Бельчите майор возил с собой ручной пулемет и несколько дисков с трассирующими и зажигательными пулями. Выхватив из кабины пулемет, он, не откидывая ножек, положил его на крышу машины. Длинные трассы понеслись навстречу бомбовозам. Снизившись почти до земли, те делали один заход за другим. Но Альфонсо продолжал стрелять.

Вспыхнул «рено». Шофера и помощника Альфонсо ранило.

— Уходите! — крикнул им майор.

Строча из пулеметов, «юнкерс» шел прямо на него. Альфонсо прицелился. И в этот момент что-то острое ударило его в грудь и голову. Под ногами качнулась земля. С ревом пронесся фашистский самолет. Затуманенным взором Альфонсо видел несущийся на него второй «юнкерс». Он сделал несколько шагов вперед, навстречу врагу. Он задыхался. «Мой командир! Меня, кажется, ранили. Ты слышишь, Виолетта? Эти паршивые собаки все-таки попали в меня!»

Рев двигателей бомбовоза слился с пулеметной очередью. Майор рухнул на землю…

В результате налета «юнкерсов» на Бахаралос было убито 16 и ранено 57 человек. В это же утро фашистские бомбардировщики совершили разбойный налет на Са-риньену. Обо всем этом в эскадрилье Степанова стало известно только в середине дня.

Александра Сенаторова срочно вызвали к главному военному советнику республиканской армии генералу Штерну[31].

Поздоровавшись с командиром эскадрильи, генерал сказал:

— Разведка доносит, что в Памплоне закончилось формирование новой фашистской дивизии. Через двое суток она будет подтянута к линии фронта, точнее — в район Теруэля. Полагаю, вы понимаете: одно дело — застать дивизию в месте постоянной дислокации, другое — ловить ее на дорогах Арагона.

— Понимаю…

— Сиснерос и Птухин предлагают осуществить полет к цели вдоль границы с Францией, — генерал вопросительно посмотрел на Сенаторова.

— Зачем? По прямой ближе, — ответил тот.

— Главное в этом налете — внезапность. Вот почему и предлагается маршрут над Пиренеями, где противнику труднее вас обнаружить Может ваш флаг-штурман провести эскадрилью над горами, не нарушив воздушного пространства Французской Республики?

— Не сомневаюсь.

— Удар по Памплоне должен быть осуществлен так, чтобы в городе не пострадал ни один мирный житель, ни один дом. Ваша цель — объекты военного городка на северной окраине.

— Значит, удар с минимальной высоты?

— Да! На выполнение задачи вам отводится время до десяти утра завтрашнего дня Успеете?

— У кого можно получить данные об объектах удара?

— В этом вам помогут Сиснерос и Птухин. Со своей стороны хочу предупредить: Памплона — центр провинции Наварра. Город прикрыт семью артиллерийскими батареями. С ближайших аэродромов в любой момент могут быть подняты истребители. А вы пойдете без прикрытия…

— Для такого налета лучше всего ненастная погода… Штерн встал со стула и подошел к Сенаторову. Брови на его суровом лице сдвинулись.

— А если будет ясно?

— При всех условиях эскадрилья выполнит задание! — отчеканил Сенаторов. / Штерн, задумавшись, прошелся по комнате.

— После возвращения из Памплоны сколько вам потребуется времени для подготовки ко второму вылету?

— Смотря куда…

— На Сарагосу.

— Не более двух часов.

— Вы знаете, где расположены в Сарагосе казармы и пороховой завод?

— Конечно.

— Итак, во втором вылете вы наносите удары по этим объектам. Но с вами пойдут еще двадцать экипажей, которые по приказу генерала Сиснероса перебрасываются на Лериду с Центрального фронта. Всего в налет на Са-рагосу пойдут тридцать шесть экипажей. Вы — лидер.

— Все понятно.

— Оба задания очень сложные.

— Мы на войне, товарищ генерал.

С рассвета над аэродромом Лерида висели тяжельнЯ облака. Внизу стлался туман. Готовые к вылету экипажи шестнадцати скоростных бомбардировщиков выстроились у флагманской машины.

— Если через час погода не улучшится, будем взлетать. Сбор за облаками, — предупредил летчиков Сенаторов.

Вчера, разрабатывая план налета, Сиснерос и Птухин пришли к решению, что лучше всего нанести удар рано утром, пока части фашистской дивизии не разойдутся по учебным полям и полигонам. «Ни в коем случае не опоздай с вылетом», — предупредил на прощание Сенаторова Евгений Саввич.

Погода не улучшилась, только немного рассеялся туман. Экипажи заняли места в кабинах бомбардировщиков.

И вот ровно заработали двигатели.

— Экипаж, внимание, взлетаю!

Рванувшись с места, флагманский бомбардировщик иропал в серой мгле. Вслед за комэском с минутным интервалом друг за другом взлетели остальные.

Только на высоте три километра Сенаторов вывел СБ к чистому небу. Под бомбардировщиком громоздились облака. Ожидая ведомых, он положил самолет в вираж. Одна за другой серебристые машины выходили на петлю сбора. Когда последний самолет занял место в строю, флагман лег курсом к перевалу Компорт — поворотному пункту к Памплоне.

Через двадцать минут полета над строем эскадрильи появились редкие облака, а затем небо стало затягиваться плотным белым покрывалом. Самолеты шли теперь между двумя слоями облаков.

— Только этого нам не хватало, — обеспокоенно проговорил Сенаторов. — Штурман, уверен, что не залетим во Францию?

Они уже подходили к Пиренеям. Душкин не отвечал.

— Чего молчишь, Иван?

— Кажется, наше правое крыло находится над французской территорией.

— Все шутишь?

— Пускай шутят в Памплоне фашисты. А лучше пусть молятся. Выйдем мы точно, не беспокойся, командир.

— А я-то надеялся увидеть кусочек Франции. Проклятые облака! — откликнулся стрелок Мирек.

— Доворот влево десять градусов! Так держать! Идем над главным хребтом Пиренеев, — уверенно произнес Душкин. Прошло еще несколько минут. И вот:

— Разворот влево девяносто градусов! Так держать! Сенаторов круто положил бомбардировщик на крыло.

— Спокойнее. Курс норд-вест двести семьдесят градусов. Через десять минут с этим же курсом пробивай облачность.

— Интересно, командир, что сейчас в Памплоне? — раздался голос Мирека.

— Мне дали план военного городка и распорядок дня. Если верить этому распорядку, то там заканчивается завтрак.

— А зенитчики? Позавтракали уже? — не унимался Мирек.

— Насчет зенитчиков сейчас узнаем…

— Снижайся, Александр!

Самолет идет в густых облаках, в кабине темно.

— Через три минуты Памплона. Открываю люки.

— Две минуты. Высота девятьсот… — Одна минута. Высота шестьсот…

— Под нами цель! Высота четыреста!

Едва Душкин произнес последние слова, как самолет оказался под нижней кромкой облаков. Внизу виднелись здания казарм.

— На боевом. Бросаю с ходу!

Слева, на асфальтированном плацу, видны были построенные батальоны фашистских солдат.

— Влево три градуса! — крикнул Душкин.

Сенаторов нацелил бомбардировщик на кирпичного цвета водокачку, стоявшую в створе плаца. «За ней столовая и казарма», — всплыл в памяти план городка.

— Сброс!

Взрывы накрыли столовую. Обрушилась казарма. В дыму и пламени мелькали мечущиеся фигурки «рекете».

Все круче и круче вираж. Самолет идет над Пампло-ной. Но оставшиеся на борту бомбы предназначены не городу — они упадут на тех, кто готовился сеять смерть в городах и селах

Испании.

— На боевом!

Последними из облаков выходят СБ Зотова, Болина, Плешивцева и Дояра. Круг замкнут. Внизу артиллерийский парк.

— Сброс!

Вновь облегченная машина взмывает к облакам. Ко-мэск с трудом удерживает ее на курсе. Все машины эскадрильи сбросили первую серию бомб. Пылают склады, разрушена водокачка, горят артиллерийский и автомобильный парки. Еще одна казарма, объятая дымом и пламенем, разваливается на куски. Мечутся в панике застигнутые врасплох фашисты.

Освободившись от бомб, шестнадцать скоростных бомбардировщиков опустились еще ниже. С высоты двести метров стрелки и штурманы огнем бортовых пулеметов секут фашистов. Но уже опомнились зенитчики. Над военным городком море огня.

— Штурман, курс отхода!

— Разворот влево десять градусов.

Прижимаясь к южным отрогам Пиренеев, «катюши» отошли от цели и вскоре пропали из виду…

На Лериде их ожидал Птухин, приехавший для организации совместного вылета на Сарагосу.

— Сколько жить буду, не забуду этот полет, — только и проговорил Сенаторов вместо уставного доклада.

А через два часа Александр Сенаторов уже вел группу скоростных бомбардировщиков к Сарагосе. Крылом к крылу с его эскадрильей летели еще две эскадрильи «катюш», ведомые летчиками-испанцами.

Через несколько дней стало известно, что фашистское командование отсрочило намечавшееся наступление на Арагонском фронте.

Над огненным кольцом

В декабре начались редкие в этих краях снегопады и метели. Над долинами рек Эбро, Турия и Альфамбра круглые сутки клубился густой морозный туман. Непогода прижала авиацию обеих сторон к земле. В воздухе наступило временное затишье.

В это время мятежники и интервенты начали концентрацию крупных войсковых и авиационных соединений в треугольнике Калатаюд — Монреаль-дель-Кампо — Мо-лина. В иностранной прессе стали проскальзывать сообщения о подготовке Франко генерального наступления через Гвадалахару на Мадрид. Указывалось и второе направление — из района Теруэльского выступа, откуда было кратчайшее расстояние до побережья Средиземного моря.

А на стыке Центрального и Арагонского фронтов скрытно сосредоточивались три республиканских армейских корпуса. Готовилась первая в истории народно-революционной войны в Испании операция с маневром на окружение. Объектом удара был избран Теруэль…

Все эти тревожные дни Птухин находился на аэродромах под Теруэлем, куда, несмотря на непогоду, удалось перебазировать большую часть авиации Арагонского фронта. Вместе с начальником штаба республиканской авиации полковником Мартином Луной, замещавшим уехавшего на лечение в Советский Союз Игнасио Сиснеро-са, он тщательно готовил летчиков к предстоящим боям в условиях неожиданно суровой зимы.

В середине дня 14 декабря к аэродрому Баракас подошел «драгон», на борту которого находились Луна, Птухин, Агальцов и переводчицы штаба авиации. Их встречали Евгений Степанов, назначенный командиром истребительной авиагруппы «чатос» вместо готовившегося к отъезду на Родину Анатолия Серова, командиры эскадрилий Никита Сюсюкалов, Леопольд Моркиляс, заменивший уехавшего на учебу в СССР Чиндосвиндо, а также Ладислав Дуарте и Хуан Комас, аэродром которых — Эльторо — был расположен рядом с Баракасом.

Не успел «драгон» подрулить к командному пункту, как из низко висевших над горами туч повалил хлопьями снег. Налетевший ветер закрутил в воздухе снежные вихри.

На командном пункте эскадрильи прибывших угостили кофе. Сжимая обеими руками горячую чашку, Птухин молча рассматривал развернутую на столе карту. Луна разговаривал по

телефону с Харикой, где находился Командный пункт штаба авиации под Теруэлем.

Положив трубку, полковник подошел к столу:

— Мой генерал, не очень приятные вести. Птухин, отодвинув чашку, вопросительно вскинув брови.

— Два эшелона противника вчера к исходу дня выгрузились на Кауде — станции в восьми километрах от Теруэля. Сведения из-за плохой погоды авиацией не проверены. Имеются также данные о скоплении железнодорожных эшелонов в Калатаюде, Кариньене и Каламоче. Генерал Рохо требует просмотреть с воздуха участок железной дороги между Теруэлем и Санта-Эулалия. Но разве можно в такую погоду летать? — огорченно закончил Луна.

Птухин, которому последнее время нездоровилось, устало откинулся на спинку стула. Простуженным голосом он ответил:

— Все говорит за то, что у Теруэля продолжается сосредоточение войск противника. Рохо прав: нужно посылать воздушного разведчика…

Сидевший рядом Моркиляс резко поднялся:

— Ждать нельзя, нужно штурмовать фашистов!

— Сначала необходимо точно установить, где противник, — остановил его Агальцов.

— Значит, надо лететь в разведку, — откликнулся Степанов.

— Полагаешь, это возможно? — живо повернулся к нему Птухин.

— Под Ленинградом приходилось летать и не в таких условиях.

Генерал задумался, потом проговорил медленно:

— Ну что ж, лети! Но если будет трудно, немедленно возвращайся.

К самолету Степанова пошли провожать все.

— Через пятьдесят минут встречаю тебя здесь же, — сказал ему на прощание Птухин.

Железная дорога — единственный ориентир — крутыми изгибами петляла среди угрюмых, засыпанных снегом скал. Сильный ветер бросал истребитель из стороны в сторону, и Евгений с трудом удерживал машину на курсе. В белой пороше сливались земля и небо, но, несмотря на предупреждение Птухина, Степанов продолжал полет…

Он вернулся через час, как и обещал. Доложил: на станции Кауде видел платформы с танками и автомашинами; по сходням из вагонов выводили лошадей. В Санта-Эулалия обнаружил два состава крытых вагонов, а севернее — еще один эшелон. Было ясно: к Теруэлю непрерывно подходили резервы противника.

Полковник Луна немедленно позвонил начальнику генерального штаба Висенте Рохо.

— Генерал Рохо благодарит вас за смелый полет, — сказал он Евгению.

— Ты как полагаешь, можно сейчас эскадрильей на штурмовку слетать? — спросил Птухин.

— Если взять наиболее подготовленных летчиков, то, по-моему, можно.

— Разрешим? — обратился Птухин к Луне.

— Я затрудняюсь давать вам советы, мой генерал! В Испании в такую погоду не летают, — кивнул он на окно, за которым падали крупные хлопья снега.

— Думаю, что летчиков первой эскадрильи выпустить можно, — решил Птухин. — Собирайся, Виктор, — обратился он к Кустову. — Сначала вдвоем полетите. Но, прежде чем улетать, попрощайтесь с Аделиной. Она через полчаса уезжает в Валенсию, а оттуда на Родину.

Маленькая переводчица едва не расплакалась, прощаясь с летчиками.

— Что передать в Москве? — спросила она Евгения.

— Жив, здоров. Летаю, — улыбнулся он и ласково погладил ее по кудрявой голове. — А Антонио напомни, чтобы ждал нас на свадьбу.

Через десять минут, подняв над полосой снежный вихрь, два истребителя ушли в воздух…

Птухин встретил летчиков вопросом:

— Ну как фашисты? Не ожидали?

— Все горит. Нужно немедленно повторить вылет. Евгений был возбужден только что проведенной штурмовкой, в глазах стояли пылающие цистерны, марокканцы, в панике выскакивающие из горящих вагонов.

Генерал обвел взглядом обступивших его летчиков.

— Что ж, командир группы, давай приказ. Только осторожнее, ребята, в этой метели…

Истребители парами уходили в воздух. Когда взлетелипоследние — Кустов и Короуз, Птухин стал прощаться.

— До утра я буду на Харике. У вас пока остается комиссар. Завтра готовность в пять тридцать. Желаю успеха.

Степанов, проводив Птухина, подошел к Попову:

— Ну-ка, Гриша, своди меня к Санта-Эулалия. Пока Сюсюкалов с ребятами будет в Кауде добивать марокканцев, мы посмотрим, что у мятежников в тылу творится. Не возражаешь?

— Есть, командир!

В ночь на 15 декабря над окружавшими Теруэль горами

свирепствовала снежная вьюга. Но к рассвету ветер разогнал тучи, в морозном небе холодным светом засверкали звезды. Перед утром застывшую тревожную тишину разорвали артиллерийские залпы — это открыли огонь республиканские батареи. Правительственные войска нанесли по Теруэльскому выступу внезапный удар по сходящимся направлениям. На земле и в воздухе разгорелись ожесточенные бои.

На Баракас с Харики позвонил Птухин:

— Видишь на карте высоту Санта-Барбара? — спросил он сидевшего в кабине истребителя Степанова. — Из Конкуда к высоте выдвигается батальон мятежников. Это донесение воздушного разведчика. Батальон надо остановить. Сейчас туда вылетают Р-зеты, их прикрывают эскадрильи Сарауза и Плещенко во главе с Еременко. Твоим ребятам взлет через двадцать минут, докончите работу Р-зетов…

«Чатос» появились над северо-западным склоном Сан-та-Барбары в момент, когда Р-зеты капитана Алонсо ложились на обратный курс, а прикрывавшие их «москас» дрались с большой группой «фиатов», пытавшихся помешать республиканским бомбардировщикам. На неширокой горной дороге, где растянулось несколько колонн фашистов, происходило что-то невообразимое. Горящие повозки и автомашины… Трупы… Мечущиеся в панике мятежники…

Истребители, как вихрь, налетели на противника. Эскадрильи Сюсюкалова, Моркиляса, Дуарте и Комаса полосовали дорогу пулеметным огнем. Фашистам некуда было деться на белой целине. Они метались, пытались спрятаться за обледенелыми выступами горных склонов, скользили, срываясь в ущелье. А «чатос» делали заход за заходом.

Окончив штурмовку, «чатос» присоединились к И-16, атаковавшим подошедших к Санта-Барбаре «юнкерсов» и «фиатов». Воздушный бой оттянулся к Теруэлю. Степанова начало беспокоить, что его группа ведет бой на исходе горючего и боеприпасов, когда в воздухе произошли неожиданные события…

Из вращающейся над Теруэлем карусели внезапно вырвался «мессершмитт». Его гнал к скалам И-16, а за ним неслись еще два фашистских истребителя.

Степанов и шедший слева от него Рекалде бросились навстречу преследовавшим И-16 «мессерам». Но их опередили Моркиляс и Короуз, которые устремились в лобовую атаку, приняв на себя огонь истребителей противника. Между тем И-16 продолжал преследование фашистской машины. Перед самолетами возникла отвесная гранитная стена. Республиканский истребитель вертикально пошел вверх. В самой верхней точке

своего стремительного полета он выполнил полупетлю. Только тут по бортовому номеру Евгений узнал самолет Еременко. Пилот «мессера» не сумел выполнить маневр. Его самолет врезался в скалу. Громовой взрыв пронесся над долиной реки Альфамбра и горами.

Воодушевленные умелой атакой республиканского истребителя, наблюдавшие за воздушным боем бойцы 22-й бригады бросились на штурм перевала.

А на Моркиляса и Короуза в это время навалились еще четыре «фиата». Испанец резким пилотажем пытался уйти от противника, но фашисты не отставали. Вспыхнуло крыло И-15. Летчик скольжением сбил пламя. В момент, когда на его машину устремилось сразу несколько фашистских истребителей, Моркиляс резко убрал газ, и «мессеры» проскочили вперед. Пилоты «фиатов», атаковавшие испанца с разных сторон, не ожидали, что республиканская машина так быстро потеряет скорость. Один из них, не успев отвернуть, столкнулся с другим. В воздухе сверкнула ослепительная вспышка. На «чато» обрушились раскиданные взрывом обломки «фиатов».

Несколько сильных ударов потрясли самолет Моркиляса. Он никак не успел отреагировать на происшедшее — только машинально закрыл глаза и плотнее втиснулся в сиденье. Разжав веки, Леопольд не поверил увиденному. В левом нижнем крыле его истребителя, ближе к фюзеляжу, торчал обломок «фиата»!

Моркиляс осторожно развернулся к Баракасу. А фашисты после двух катастроф, разыгравшихся одна за другой, стали выходить из боя.

Когда «чатос» вернулись на свой аэродром, вслед за ними села тройка И-16 — вместе с Еременко прилетели Антонио Ариас и Лев Шестаков. Иван Трофимович крепко обнял Моркиляса и Короуза:

— Спасибо, хлопцы, спасибо за выручку!

Его обожженное холодным ветром лицо тронула добрая улыбка.

— А удачливый ты парень, Леопольд. Мгновение — и отправился бы ко всем святым.

Моркиляс весело улыбнулся:

— Да, мой командир! Но богу, в которого я не верю, было угодно, чтобы я назло фашистам продолжал летать.

Летчики между тем столпились у самолета Моркиляса, мешая механику приступить к ремонту. Они с изумлением рассматривали и ощупывали обломок «фиата», таким необычным способом доставленный на аэродром. Наконец Леопольд, которому порядком надоели «экскурсанты», сам выломал прочно

засевший в крыле «ча-то» обломок фашистского истребителя. Своему громко удивлявшемуся механику он пообещал все божьи кары, если тот через полчаса не подготовит истребитель к вылету.

Стоянка моментально опустела; механик Бартоломео, когда надо, мог быть таким же строгим, как его командир.

Под вечер Еременко попросил Степанова съездить в штаб армейского корпуса, которым командовал коммунист полковник Франсиско Галан. Ыадо было согласовать совместные действия с наземными войсками на следующий день.

Автомобиль быстро шел по горной дороге к высоте Санта-Барбара, когда впереди Евгений заметил направляющуюся тем же маршрутом «испано-сюизу». Машина скрылась за поворотом, а когда Евгений вновь увидел ее, мороз пробежал по его спине: невдалеке от синеголимузина взметнулся к небу столб опня и бурой каменистой пыли.

Открыв дверцу, Евгений посмотрел вверх: пятерка «юнкерсов» разворачивалась над долиной реки Альфам-бра. Фашисты сделали новый заход на дорогу, но «испа-но-сюиза» не остановилась. Меняя скорость, она ловко увертывалась от фашистских бомб.

Когда обе машины, взвизгнув тормозами, почти одновременно замерли у входа в тоннель, где размещался командный пункт корпуса, Евгений увидел наконец пассажиров синего лимузина. Это были Долорес Ибаррури, Федор Усатый, Франсиско Галан и два командира с отличительными знаками интернациональных бригад. Оживленно разговаривая, они наблюдали за кружившими в воздухе «юнкерсами».

— А, спустился с небес! — воскликнул, здороваясь с Евгением, Усатый. Не отпуская руку Евгения, комиссар сказал торжественно: — Поздравляю тебя с высокой наградой — орденом Красного Знамени! — Усатый вздохнул. — Жаль, не дожил Илья Финн: в постановлении ЦИК ваши фамилии рядом стоят.

Он представил летчика Долорес Ибаррури и окружившим их офицерам. Впервые видевший легендарную Пасионарию Степанов смутился, позабыв приветствовать ее традиционным «салют».

— Помню, помню, как ты сбил бомбардировщик над Барселоной. Молодец! — сказала Долорес и начала расспрашивать о воздушных боях, о настроении летчиков, спросила, в чем они нуждаются.

Евгений, который к этому времени неплохо освоил испанский язык, почти не пользовался помощью переводчика. Он ответил Долорес, что нуждаются летчики только в патронах и горючем, остальное все в порядке.

Тем временем на площадке и уступах скалы у тоннеля собралась большая группа бойцов и офицеров.

Пасионария обратилась к ним.

— Ни мороз, ни гололед, ни заснеженные дороги, ни недостаток оружия и боеприпасов — ничто не должно остановить наступающие на Теруэль республиканские войска, — говорила Долорес.

Затаив дыхание, люди слушали женщину с красивым, одухотворенным лицом, на котором ярко сверкали большие темные глаза. Долорес была точно такой, какойее видел Степанов на десятках фотографий. Скромно одетая, в темном пальто, с гладко зачесанными назад блестящими черными волосами.

На склонах Санта-Барбары рвались снаряды, доносилась частая дробь ружейно-пулеметной стрельбы: передовая была рядом. Но никто не обращал внимания на взрывы, все смотрели на Пасионарию.

Ее речь то и дело прерывалась громкими возгласами и аплодисментами собравшихся. Евгений был захвачен атмосферой энтузиазма и восторга, которым встречали бойцы и офицеры страстное выступление Долорес Ибаррури. Вместе со всеми он горячо аплодировал ей, вместе со всеми кричал: «Вива республика!»

— Мы не должны позволить Франко и его итало-германским пособникам использовать Теруэльский выступ как плацдарм для удара по Валенсии или другому пункту на побережье Средиземного моря! — закончила Долорес.

Стоявший рядом с Евгением Усатый восхищенно сказал:

— Необыкновенная женщина. Когда приеду на Родину и буду говорить об Испании — это значит буду говорить о Долорес…

Полковник Галан с группой офицеров штаба и командирами частей направился на командный пункт 22-й бригады, которой на рассвете 16 декабря предстояло овладеть перевалом Санта-Барбара и совместно с 1-й бригадой дивизии Энрике Листера — Конку дом.

Небольшими группами они продвигались вверх по узкой тропе. С заунывным свистом пролетали снаряды. Горное эхо разносило частую дробь пулеметов. Простреливаемые противником участки преодолевали ползком и бегом. Вместе со всеми, как будто она всю жизнь занималась нелегким военным делом, спокойно шла Долорес. Когда совсем близко разорвался снаряд и в воздухе просвистели осколки, Евгений не выдержал:

— Столько мужчин — и не смогли уговорить одну женщину остаться внизу! — крикнул он Усатому.

Комиссар повернул к Степанову покрасневшее от на?

пряжения и мороза лицо:

— Хотел бы я посмотреть на тебя в роли уговаривающего!

Очередной взрыв заставил их сделать стремительный бросок вперед…

Степанову никогда еще не доводилось с земли видеть передний край противника.

Подступы к перевалу Санта-Барбара были опоясаны несколькими траншеями, отрытыми в полный рост человека. Крутые обледенелые скаты высоты и опорные пункты, промежутки между которыми простреливались многослойным огнем пулеметов и артиллерии, производили внушительное впечатление.

— Да, нелегкий орешек — эта Санта-Барбара, — протягивая Евгению бинокль, заметил Усатый.

В этот момент застрочили фашистские пулеметы, и Евгений, припав к заснеженному склону, ничего не ответил.

Полковник Галан подозвал к себе Степанова:

— Завтра с восходом солнца наши пехота и танки пойдут на штурм перевала. Мы планируем перед атакой наземных войск нанести удар авиации по опорным пунктам противника. Но с утра здесь, как правило, стоит туман. На бомбардировщики надежды мало. Смогут ли «чатос» нам помочь?

— Если позволит погода, будем штурмовать, — отвесил Евгений, быстро рисуя на оборотной стороне папиросной коробки схему участка обороны противника.

— Сколько времени «чатос» смогут находиться над полем боя? — поинтересовалась Долорес.

— В зависимости от обстановки. В штурмовой налет пойдут три испанские и одна интернациональная эскадрильи. По опыту знаю: испанские пилоты не любят возвращаться с лентами, полными патронов. Если не ввяжемся в бой с фашистскими истребителями, постараемся продержаться над боевыми порядками корпуса как можно дольше.

— А разве русские пилоты любят возвращаться на аэродром с неизрасходованными боеприпасами? — улыбнулась Долорес.

— Вы правы, не любят, — ответил Евгений.

— Какой бортовой номер вашего истребителя? — спросил Галан.

— Белая шестерка.

Согласовав сигналы и время атаки, Степанов попросил разрешения вернуться на Баракас.

— Пройдем да передний край к бойцам, — предложилГалан. — Хочу, чтобы они увидели представителя «Ла глориоса»[32].

Их встретили приветственными возгласами и дружескими рукопожатиями. Узнав, что с Долорес и Галаном в траншею пришел командир «чатос», бойцы стали восторженно рассказывать, как сегодня на их глазах «мос-ка» вогнал в скалу «мессера» и как столкнулись два «фиата». Степанова одобрительно хлопали по спине и просили передать летчикам приветы. В траншее, которая находилась в каких-нибудь двухстах метрах от противника, их угостили холодными консервами, оливками и даже горячим ароматным кофе.

— Когда возьмем Санта-Барбару, приезжайте к нам в гости на перевал, — пригласил Евгения командир бригады.

Обратно возвращались в густых сумерках. На скатах высоты то и дело вспыхивали строчки пулеметных трасс.

— Быстрее, быстрее, — беспокойно повторял Галан, укоризненно поглядывая на Долорес Ибаррури и Усатого, замыкавших их группу и за разговором не замечавших носившейся рядом смерти.

На Баракасе Степанова ожидала телеграмма от начальника генерального штаба. В ней говорилось: «Благодарю летчиков за отличные действия над Теруэльским выступом. Командный пункт. 15 декабря 1937 года. В. Рохо».

И еще одно радостное сообщение передал с Харики Федор Аржанухин: 9-я бригада из дивизии Энрике Листера овладела Сан-Бласом. В то же время 100-я бригада этой дивизии перерезала дорогу Теруэль — Санта-Эулалия и вышла на рубеж окружения. В распоряжении полуокруженных фашистов оставалась только узкая горловина между Сан-Бласом и Кампильо, которую завтра должны были закрыть наступающие на Теруэль с юго-запада соединения 18-го армейского корпуса.

С рассвета 16 декабря над Баракасом и Эльторо повис непроницаемый морозный туман. Температура воздуха упала до 20 градусов ниже нуля. Находившиеся у истребителей летчики тревожно прислушивались к доносившейся глухой артиллерийской канонаде. «Неужели неудастся уйти в воздух? Ведь на нас надеются!» — волновался Степанов. Он помнил восторг пехотинцев, когда вчера Галан объявил бойцам, что их будут поддерживать «чатос».

Евгений давно заметил, что и сами летчики всегда с нетерпением ожидали вылетов на штурмовку противника. Маневренный истребитель И-15 в условиях горного рельефа Испании оказался незаменимой машиной для нанесения штурмовых ударов с небольших высот. Летчиков увлекали опасные, напряженные полеты в зоне плотного ружейно-пулеметного огня, требующие отличной техники пилотирования.

Наконец усилившийся северный ветер и поднявшееся над горами солнце разогнали туман. Над аэродромами появились просветы, в которые проглядывало синее морозное небо.

Молча стоявшие рядом со Степановым Сюсюкалов и Моркиляс нетерпеливо в один голос спросили:

— Взлет?

— К запуску! — крикнул Евгений, набрасывая на плечи лямки парашюта.

Через пять минут эскадрильи Сюсюкалова, Моркиляса, Дуарте и Комаса ушли в воздух, взяв курс к Санта-Барбаре. Ведомыми у шедшего впереди группы Степанова летели пилоты эскадрильи Дуарте — Мануэль Орос-ко и Ромуло Негрин.

Впереди показалась рябая от снарядных и бомбовых воронок высота Санта-Барбара. За ней виднелся горящий Конкуд, в центре которого шел наземный бой.

Подходя к траверзу реки Альфамбры, Степанов резко снизился. И тут же над линией атакующих республиканских войск взметнулись сигнальные ракеты.

Пройдя над наблюдательным пунктом полковника Галана, «чатос» перестроились в правый пеленг и тремя эскадрильями устремились на опорный пункт фашистов, прикрывавший подступы к перевалу. Замыкающая эскадрилья Леопольда Моркиляса атаковала позиции вражеской артиллерии на северных склонах Санта-Барбары.

После первой атаки Степанов и его ведомые, уйдя на высоту, прикрывали товарищей, штурмовавших передний край фашистов. Залегшая перед опорными пунктами противника республиканская пехота, к боевым порядкам которой в это время подошли танки, поднялась в атаку. При поддержке огня корпусной артиллериибойцы 22-й бригады ворвались в первую траншею. Завязалась рукопашная схватка. А «чатос», расчищая пехоте путь к перевалу, уже поливали пулеметным огнем вторую линию обороны фашистов…

На сороковой минуте, когда республиканские танки достигли плато у перевала, израсходовавшие боеприпасы «чатос» ушли на свои аэродромы. Через полтора часа штурмовой налет на Санта-Барбару был повторен.

В полдень стало известно, что взяты высота Санта-Барбара и Конкуд. Из Харики приехал порученец начальника генерального штаба: Степанова срочно вызывал к себе генерал Рохо.

На командном пункте авиации кроме Рохо находились Штерн, Луна, Птухин, Агальцов, Усатый, несколько офицеров и переводчиц.

Невысокий плотный Рохо, одетый поверх форменной шинели

в подбитое мехом кожаное пальто, внимательно разглядывал Степанова сквозь толстые стекла круглых очков, пока тот докладывал о вылетах группы к Санта-Барбаре и Теруэлю.

Дверь отворилась, и в комнату вошел подтянутый смуглолицый летчик.

— Вы знакомы? — кивнул на вошедшего Рохо.

— Да, мой генерал, — ответил Степанов, узнавший Хесуса Родригеса, пилота из эскадрильи капитана Алонсо.

— Вам обоим предстоит нелегкий разведывательный полет, — проговорил Рохо, склоняясь над картой, густо испещренной тактическими знаками.

Летчики переглянулись: Р-зетам и И-15 еще не доводилось вместе летать в разведку.

Генерал постучал по карте карандашом.

— Окружить противника мало — его нужно еще и уничтожить. А для этого необходимо знать, что ожидает наши войска на внешнем кольце окружения. Нас интересует сосредоточение резервов противника в этом районе, — синим карандашом генерал нарисовал на карте эллипс. — С этой целью принято решение: послать в тыл противника фоторазведчик, в состав экипажа которого будет включен один из офицеров штаба армии. Прикрытие разведчика — пять истребителей из группы «чатос».

Рохо повернулся к Евгению:

— Командиром патруля назначаетесь вы. Вам предоставляется право по своему усмотрению взять с собойлюбого летчика группы. Донесение воздушного разведчика мы будем ожидать на командном пункте 18-го корпуса в районе Кампильо.

Во второй половине дня 16 декабря в зоне Конкуда, Сан-Бласа и Кампильо разгорелись упорные воздушные бои, в которых участвовало до двухсот самолетов с обеих сторон. А на земле республиканские войска, вгрызаясь в оборону фашистов, шаг за шагом неотвратимо продвигались навстречу друг другу. Вот-вот должно было замкнуться кольцо окружения. Теруэльский выступ, на который Франко возлагал большие надежды, оказался ловушкой для сосредоточенной здесь восемнадцатитысячной группировки мятежников…

Второй час пятерка И-15 ожидала условленного сигнала. Вместе с Евгением Степановым в разведывательный полет должны были отправиться Григорий Попов, Анатолий Сидоренко, Санбудио — заместитель Комаса — и Семен Евтихов. Время шло, но ни телефонного звонка с Харики, ни Р-зета Хесуса Родригеса, который должен был пройти низко над Баракасом…

Солнце клонилось к западу. Когда Евгений уже думал, что вылет отменят, раздался настойчивый звонок телефона, стоявшего на крыле самолета. Схватив аппарат, Энрике передал его в кабину.

Звонил Птухин. Он сообщил о вылете разведчика, который через семь минут должен появиться над рубежом встречи. Генерал предупредил Степанова, что до линии фронта решено дополнительно прикрыть их группу эскадрильей Мануэля Сарауза, которая встретит Р-зет и «чатос» на траверзе Сариона.

— Еще раз желаю успеха, — закончил разговор Евгений Саввич.

С последними словами генерала Хозе Степанов, подняв над головой руку, сделал ею несколько вращательных движений. И сразу, сливаясь в серебристые диски, закрутились винты истребителей.

Несколько минут спустя над раздвоенной вершиной горы, которую кто-то из летчиков окрестил верблюдом, показался Р-зет. Снизившись, он прошел над Баракасом. В задней кабине стрелка-бомбардира виднелись две головы в кожаных шлемах.

Истребители с ревом оторвались от земли…

Уклоняясь от обычных маршрутов, по которым летали к Теруэльскому выступу фашистские эскадры, республиканские самолеты все дальше и дальше уходили в глубь занятой мятежниками территории Они летели над пустынными горными районами. Внизу — белое безмолвие, обледенелые, заснеженные скалы. Наконец на этом унылом фоне возникло темное пятно — Каламоча. По шоссейной дороге непрерывным потоком шли войска. Сразу открыли огонь фашистские зенитки. По мере приближения к железнодорожной станции огонь становился все плотнее. Выполнив противозенитный маневр, фоторазведчик, над которым «змейкой» ходили «чатос», словно застыл в прямолинейном полете. «Фотографирует», — подумал Евгений. Пройдя над станцией, Р-зет лег на обратный курс, очевидно для верности намереваясь сфотографировать еще раз.

В момент разворота Степанов заметил взметнувшийся в воздух пушистый шлейф снега. Он еще не успел понять, что взлетает самолет, как над вершинами деревьев вынырнул «фиат». «Аэродром?..»

Резкий разворот вправо со снижением. Санбудио с ходу вгоняет пулеметные очереди в набирающую высоту фашистскую машину. Перевернувшись через крыло, вражеский истребитель врезался в железнодорожную насыпь. Степанов устремился навстречу разбегавшемуся по взлетной полосе второму «фиату» и увидел вытянутые в линию не менее полусотни фашистских

истребителей и бомбардировщиков.

Летчик «фиата», заметив пикирующий на него «ча-то», прекратил взлет Машина бежала по посадочной полосе. «Не уйдешь!» Над самой землей послушный «чато» выполнил быстрый разворот. Оказавшись сзади фашиста, Степанов нажал гашетки нижних пулеметов. Словно споткнувшись, «фиат» соскочил с утрамбованной полосы и, ломая крылья, уткнулся в снег. Евгений осмотрелся. Над стоянкой фашистских машин, отгоняя людей от самолетов, носился «чато» Санбудио. К аэродрому уже подходил Р-зет Хесуса Родригеса, над которым кружились Сидоренко, Попов и Евтихов.

Сделав два захода и сфотографировав аэродром, фоторазведчик развернулся к Монреаль-дель-Кампо. За ним ушли и три «чато». А Степанов и Санбудио продолжали носиться над стоянками, не допуская экипажи к самолетам. И только когда разведчики прикрывавшиеего «чатос» превратились в едва видимые на горизонте точки, они пошли вдогонку. Своих они настигли уже на траверзе Санта-Эулалии.

Смеркалось, когда подошли к Теруэлю. Между Сан-Бласом и Кампильо кипел ожесточенный наземный бой. От гари и копоти стал черным снег. С высоты летчикам было видно окаймленное дымами разрывов неправильной формы кольцо, в северо-восточной части которого находился горящий Теруэль. «Значит, соединились республиканские войска!» — подумал Евгений.

Светящиеся трассы от турельного пулемета Р-зета заставили Степанова обернуться. Наперерез республиканским самолетам мчались «фиаты». «Только бы спасти разведчика!» Степанов, Санбудио и Евтихов пошли навстречу фашистам. А Р-зет и два «чато», увеличив на снижении скорость, растворились в плывущей над землей пороховой дымке.

Но беда не приходит одна. Идя навстречу «фиатам», Евгений увидел подходящие к Сан-Бласу фашистские бомбардировщики. Отряды «юнкерсов» и «савой» накатывались один за другим. Небольшая группа «чатос» против десятков фашистских машин! Положение создавалось нелегкое, но тут неожиданно пришла помощь. Сверху на истребительное прикрытие бомбовозов устремились И-16. Это были эскадрильи Григория Плещенко, Ивана Девотченко и Мануэля Сарауза во главе с Еременко, заканчивавшие патрульный полет над Теруэлем.

В предвечернем небе разгорелся жестокий бой.

И тут от замыкающей группы бомбовозов отделилась девятка одномоторных машин какой-то незнакомой конструкции. Войдя в пике, они устремились к земле. Степанов мельком увидел похожие на лапти шасси, изогнутые в центре крылья и горбатый

плексигласовый фонарь, закрывавший пилотскую кабину.

Все случилось так неожиданно, что «чатос» не успели что-либо предпринять. В дыму разорвавшихся бомб слились небо и земля. Выйдя из пике, фашисты вновь устремились вниз. К земле протянулись их пулеметные трассы.

«Что за самолет? Истребитель? Бомбардировщик?» — недоумевал Степанов. Фашисты с бреющего полета полосовали огнем пространство между Сан-Бласом и Кампильо, куда от Теруэля выдвигались две колонны войскмятежников. Видно, они хотели разорвать кольцо окружения.

«Чато» Евгения Степанова сближался на встречно-пересекающемся курсе с незнакомой машиной. В прицел вписалась горбатая пилотская кабина. Евгений, надавив гашетки пулемета, рванул ручку управления на себя и проскочил над фашистом. В то же мгновение пущенная вдогонку ему пулеметная очередь разнесла доску приборов истребителя. Одна из пуль разорвала рукав летной куртки. «Чудом жив остался, — мелькнуло в голове. — Значит, там кроме пилота еще и стрелок…»

Только на следующий день летчики узнали, что фашисты применили в этом бою впервые новые немецкие пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87»…

Быстро темнело. Сбросив бомбовый груз, «савойи» и «юнкерсы» стали уходить из района боя. «Пора и нам», — направляя истребитель на юго-восток, решил Евгений.

Возвращение на Баракас было не из легких. Едва «чатос» прошли траверз Сариона, как у летевшего слева от Степанова Семена Евтихова кончилось горючее. Круто снижаясь, он направил истребитель к узкой впадине между гор.

Дав сигнал Санбудио продолжать полет одному, Евгений развернул свою машину вслед за идущим на вынужденную посадку самолетом. Подняв тучу снега, «ча-то» после короткой пробежки остановился. Кажется, все обошлось благополучно. Евгений пронесся еще раз над Евтиховым, запоминая место, и направился к Баракасу.

Показалась гора с раздвоенной вершиной, за которой находились Баракас и Эльторо. Совсем близко родной аэродром. Но тут впереди и ниже себя Евгений увидел планирующий с остановившимся мотором самолет Санбудио. «Скоро и моя очередь, не дотяну до Барака-са». Но мотор продолжал работать, и вскоре в сумеречной дымке он увидел посадочную полосу, на которой горели смоченные бензином куски пакли. Их ждали.

И тут мотор остановился. Кончилось горючее. Хотя Степанов внутренне давно был готов к этому, наступившая тишина

давящей тяжестью навалилась на плечи. Угрожающе быстро таяла высота. Откатились в сторону манящие посадочные огни. Евгений понял, что до аэродрома ему не дотянуть…

Кругом в сгустившемся сумраке торчали зубчатыепики скал. Он знал — в воздухе нельзя остановиться и подумать. В такие моменты летчик обязан предельно собраться и уловить то мгновение, которое может спасти его самого и машину. Нужно было немногое: найти небольшую заснеженную площадку. А внизу уже ничего не было видно…

Взяв на себя ручку управления, он с напряжением ожидал момента встречи с землей. Терявший скорость «чато», всегда такой послушный, а теперь вдруг ставший тяжелым и неуклюжим, все хуже реагировал на действия рулей.

Толчок. Словно налетев на какое-то невидимое препятствие, истребитель резко замедлил бег, уткнулс-я в землю мотором и опрокинулся на спину. Слух Евгения больно резанул треск сломавшихся от удара о землю — киля и руля поворота.

Повиснув на ремнях вниз головой, Степанов на время потерял ощущение пространства. Прежде всего надо было освободиться от ремней. Левой рукой он откинул замыкающую скобу, но попытка выбраться из притиснутой к снегу кабины не удалась. Евгений вдруг почувствовал, что силы оставляют его.

Несколько минут он не двигался, затем сквозь плотный снег услышал голоса. Фюзеляж лежащего на спине истребителя неожиданно приподнялся, и Евгений, не успев ухватиться за борта кабины, упал на снег. Кто-то наклонился над ним. Вокруг самолета стояли люди с зажженными фонарями. Евгений узнал Энрике, Сюсю-калова и Горохова, дальше толпились жители Баракаса, сбежавшиеся к месту аварии.

Евгений молча посмотрел на опрокинутый вверх колесами самолет, и, словно прочитав его мысли, Энрике поспешил заверить командира:

— К утру подлечим «чато».

— Родригес сел? — это было первое, что спросил Евгений.

— Все муй бьен! — ответил Никита Сюсюкалов. — Родригес с экипажем, Сидоренко и Попов находятся у Рохо.

— Евтихов и Санбудио пошли на вынужденную посадку. Надо послать к ним людей и горючее.

— Ты видел, как они сели?

— Да, по-моему, благополучно. А вообще, ребята, все хорошо, что хорошо кончается. Пошли на КП.

Как только они вошли, требовательно загудел зуммер телефона. Звонил с Харики Птухин. Он обрадовался, услышав голос Евгения.

— Передай ребятам — час назад кольцо окружения вокруг Теруэля замкнулось. И еще — экипаж Р-зета доставил очень ценные данные. Генерал Рохо благодарит всех вас за прикрытие разведчика. Он видел, как «ча-тос» над Кампильо и Сан-Бласом дрались с фашистами.

— Понял.

— Санбудио и Евтихова уже подобрали танкисты. Они целы и невредимы, — продолжал Птухин, — с минуты на минуту должны быть на Баракасе. А с ними… впрочем, сам увидишь!

— Что на завтра?

— Как всегда — готовность номер один! — засмеялся генерал.

Едва Степанов положил телефонную трубку, как дверь отворилась. На пороге возникла какая-то фигура, укутанная в зеленое армейское одеяло Евгений еще не успел сообразить, кто же это, как за спиной вошедшего показались Евтихов и Санбудио.

— Карамба, мой капитан! Неужели я так изменился в этом чертовом госпитале, что меня уже и узнать нельзя? Может быть, и моя Виолетта откажется от меня? — закричал майор Альфонсо, сбрасывая одеяло.

— Альфонсо! Ребята! — только и выговорил Степанов.

Он почувствовал, как все трудное и страшное, что он пережил в этот день, постепенно уходит в сторону…

Под нами снега и горы

24 декабря, на восьмой день ожесточенных боев, республиканские войска начали штурм Теруэля.

Сидя в кабине истребителя, Евгений Степанов старался ни о чем не думать и насладиться короткими мгновениями отдыха Через несколько минут «чатос» пойдут на сопровождение бомбардировщиков. Курс — Теруэль Объект удара — монастырь Санта-Клара, в котором укрылось несколько тысяч мятежников.

Взлетела ракета, и почти тут же над аэродромом показались Р-зеты. Одна за другой ушли в воздух эскадрильи Сюсюкалова и Дуарте Когда на землю опал поднятыйвинтами истребителей снежный вихрь, взлетели Евгений Степанов, Роман Льоренте и Муньос.

Показался горящий Теруэль. Ведущий бомбардировщиков капитан Алонсо качнул крыльями: «Внимание!» Впереди нарастали массивные строения монастыря.

На земле кипел не прекращавшийся ни днем, ни ночью бой. По узким улицам города ползли квадратные коробки танков. На крышах прилегавших к монастырю Изданий Евгений заметил республиканских солдат. В воздух взметнулись сигнальные ракеты, обозначавшие линию боевого соприкосновения с противником…

Под огнем зениток, прорываясь сквозь стену дыма и пламени, Р-зеты делали заход за заходом на цель. Когда были сброшены последние бомбы, ярко вспыхнула машина с бортовым номером «тринадцать». На развороте в мотор самолета попал снаряд, и он остановился. Видимо, у Р-зета заклинило рули, и горящая машина планировала к скату высоты за городом, на которой находились фашисты. Ударившись о землю, Р-зет подпрыгнул, пробежал не больше полусотни метров и, завязнув колесами в снегу, остановился. Тотчас же к нему из окопов кинулись фашисты.

Видевший все это Степанов бросил свой истребитель вниз. Вместе с ним на помощь экипажу Р-зета устремились Льоренте и Муньос. Они пронеслись над траншеями противника, и огонь их пулеметов прижал мятежников к земле. Одновременно из задней кабины бомбардировщика брызнул огонь турельного пулемета: как видно, экипаж Р-зета не собирался дешево отдавать свою жизнь.

Потом Степанов увидел, как от горящего самолета

отделились две темные фигурки. Проваливаясь в глубоком снегу, они под пулями побежали к республиканским позициям. Пока экипаж сбитого Р-зета не добрался к своим, Степанов, Льоренте и Муньос огнем пулеметов удерживали фашистов.

Тем временем Р-зеты легли на курс отхода и скрылись за вершинами гор.

…Через тридцать лет в Москве, на праздновании 50-летия Советских Вооруженных Сил, к Евгению Степанову подошел невысокий черноволосый испанец.

— Вы Евгений Степанов? Я Мануэль Хисберт. Вы помните Теруэль, коронель?

— Не только Теруэль — вся Испания у меня здесь, — Степанов притронулся рукой к сердцу.

— Я вам жизнью обязан, камарада, — тихо произнес Хисберт. — Помните монастырь Санта-Клара, горящий Р-зет номер тринадцать? Мне Роман Льоренте рассказывал, что это вы нас прикрыли.

— Вот так встреча! — Степанов крепко стиснул в объятиях маленького Хисберта. — Все помню. Геройский стрелок у вас был.

— Жалею, что не удалось вас тогда поблагодарить!

— До этого ли было?

И долго еще вспоминали летчики бои над Теруэлем и тех, кто защищал от фашистов небо Испании…

К ночи 24 декабря республиканские войска взяли Теруэль.

Несколько дней противник не проявлял активности. В эти дни часть действовавшей под Теруэлем республиканской авиации по решению военного министра Прието была отведена на аэродромы Центрального и Арагонского фронтов. Но 29 декабря, когда над северной частью Арагона вновь закрутились снежные метели, семнадцать фашистских дивизий нанесли контрудар по республиканским войскам. Поддержанные крупными силами авиации, артиллерии и танков, франкисты рвались к Теруэлю.

31 декабря из Харики пришла тревожная весть: фашисты овладели Конкудом. В этот день в воздушном бою был ранен Александр Гусев, возглавлявший оставшиеся под Теруэлем истребительные эскадрильи.

С начала контрудара противника истребительная авиагруппа Евгения Степанова, эскадрильи Сарауза и Алонсо, находившиеся под Барселоной, несмотря на нелетную погоду, неоднократно пытались прорва!ься через долину Эбро и горные перевалы на помощь наземным войскам Но снегопады, низкая облачность и туманы всякий раз преграждали им путь А противник с каждым часом все усиливал давление на земле и в воздухе.

В этой критической обстановке командование

республиканской авиации было вынуждено пойти на крайнюю меру: разрешить истребителям над морем прорваться к Валенсии, а оттуда перелететь под Теруэль.

Это было смелое и рискованное предложение, но иного илхода в сложившейся обстановке никго не видел.

Тревожной была встреча нового, 1938 года.

Только утром 2 января, когда в районе Валенсии становилась относительно хорошая погода, полковник Пуна разрешил этот необычный перелет.

В полдень сорок истребителей И-15, ведомые Евгени-м Степановым, взлетев с расположенных под Барсело-юй аэродромов, ушли от окутанного туманом берега в яоре и взяли курс на юг. Час тридцать минут республиканские истребители летели вне видимости берега над штормившим Средиземным морем. К исходу дня эскадрильи уже были на Баракасе и Эльторо. Но еще четверо суток непогода продержала их на земле.

7 января армейскими разведчиками был установлен одход марокканской конницы и двух пехотных бригад ротивника. Генерал Рохо, несмотря на плохие погодные условия, приказал поднять в воздух группу Евгения Степанова.

Знакомой дорогой Евгений вывел четыре эскадрильи к лежавшему в дымящихся развалинах Конкуду. Мор-киляс и Дуарте со своими летчиками с бреющего полета ударили по растянувшимся на горном шоссе марокканцам и пехотным колоннам фашистов. А Степанов с эскадрильями Сюсюкалова и Комаса отбивались от налетевших «фиатов».

Бой уже шел к концу, когда самолет Комаса атаковали сразу шесть «фиатов». К нему на помощь поспешили Яков Ярошенко и его ведомый Добре Петрович. Они заставили фашистов разомкнуть огненный круг. Но два «фиата» бросились на Ярошенко. Петрович дал заградительную очередь, и один из фашистов метнулся в сторону. Однако югослав заметил, что «чато» Ярошенко как-то неестественно вяло выполнил разворот. «Что с ним? Ведь он попадет под пулеметы!» В тот же миг «фиат» зашел в хвост самолету Ярошенко, но тот продолжал лететь по прямой, постепенно заваливаясь вправо. Петрович понял: случилась беда. С яростью бросился он на фашиста, в упор расстреливавшего командира звена.

Отогнав «фиата», Петрович совсем близко подлетел к истребителю товарища. Голова Якова безжизненно склонилась к приборной доске. Крупнокалиберные пулеметы во многих местах прошили его самолет. Фюзеляж, в особенности в задней части, зиял рваными дырами. «Дойдет ли до аэродрома?» — с болью подумал югослав, тревожно оглядывая небо. Ярошенко с усилием

поднял голову, повернул залитое кровью лицо к Петровичу. Слабо махнул рукой в сторону — «отойди!» Чувствовалось, что летчик держится из последних сил.

Они уже подходили к Баракасу. Ярошенко убрал газ и направил самолет к земле. Над западной границей аэродрома «чато» круто взмыл вверх, затем, как бы нехотя накренившись, скользнул вниз и левым крылом врезался в землю.

Петрович сел рядом. Выскочив из самолета, он бросился к лежавшей на боку машине товарища. Вытащив летчика из кабины, Добре положил его на снег. Ломая ногти, расстегнул карабины парашюта и «молнию» летной куртки. В груди Якова что-то клокотало.

— Яша! Друже! — вне себя от горя закричал Петрович. — Яша!

Ярошенко с усилием открыл глаза и отсутствующим взглядом осмотрел на Добре.

— Не надо, Добре! Умираю я, — он шумно вздохнул и затих.

Подняв на руки тело товарища, Петрович зашагал к зданию командного пункта…

Мрачнее тучи был в этот день обыкновенно веселый и разговорчивый югослав. В последующих вылетах он так яростно бросался на фашистов, что Степанов счел нужным его предупредить:

— Будь осторожен, Добре, не теряй головы.

Петрович словно не слышал его.

К вечеру погода улучшилась. В двенадцати километрах от Кауде «чатос» обнаружили еще одну колонну конницы.

Атаковав марокканцев с бреющего полета, истребители за двадцать минут разметали их по поросшему лесом плоскогорью. На дороге остались только перевернутые повозки да опрокинутые орудия. Очумело носились по горным склонам лошади.

«Чатос» уже отходили от цели, когда на самолете Петровича внезапно остановился двигатель. Несмотря на малую высоту, Добре удалось развернуться и направить самолет на густой лес. Ломая деревья, истребитель рухнул на землю. Летчики видели, как к месту его падения бросились марокканцы.

Став в круг, «чатос» открыли огонь, не допускаяфашистов к упавшему самолету. Только когда вспыхнула лежавшая среди поваленных деревьев машина Петровича и над лесом прогремел взрыв, истребители легли на курс к Баракасу…

Через некоторое время от перешедших линию фронта местных жителей стали доходить вести, которые взволновали летчиков.

Говорили, что в партизанском отряде, действовавшем в

районе Калатаюд — Кариньена, появился новый боец, не то югослав, не то болгарин. Партизан обладал богатырской силой и отменной храбростью. Однажды, находясь в разведке, он и его товарищ были окружены отрядом «рекете». На предложение сдаться разведчики ответили огнем. Фашисты тщетно пытались захватить двух смельчаков, засевших на неприступной скале. Они вызвали авиацию, и «фиаты» яростно обстреляли заснеженный горный склон. Но когда самолеты улетели и «рекете» попытались продвинуться вперед, из-за камней вновь раздались выстрелы.

У двух смельчаков иссякли боеприпасы. Они стреляли все реже и реже. Фашисты, осмелев, подползли к позиции партизан и забросали их гранатами. Когда рассеялся сизый дым разрывов, из-за камней поднялся огромного роста партизан, одетый в рваную кожаную куртку и летный шлем. Он легко схватил руками гранитную глыбу и швырнул ее в фашистов. За ней — другую, третью Камни загрохотали по откосу, а партизаны бросились вперед. На их пути оказалась бурная, не замерзающая даже в такие морозы река Хилопа. Разведчики бросились в ледяную воду и под огнем фашистов переправились на другой берег. Наступившая темнота скрыла их от преследователей…

— Может, о Петровиче нашем молва идет? — обрадовались летчики, часто вспоминавшие бесстрашного югослава. — Похоже, что он.

— Кто знает? Мало ли среди нас, добровольцев, рослых ребят? — возражали другие.

— Нет, все-таки похоже, что это Петрович. Его почерк, — убежденно продолжали говорить многие, особенно Комас, который никак не мог забыть, как Петрович и Ярошенко спасли его в бою над Конкудом.

В 1957 году Герой Советского Союза полковник Евгений Степанов побывал в Югославии. Он попытался разыскать след Добре Петровича или хотя бы узнать оего судьбе. Но откуда родом был Добре, Степанов не знал, а в учреждениях, куда ему пришлось обращаться, отвечали:

— Петровичей у нас в Югославии, что в России Ивановых. Несколько Петровичей не вернулись из Испании. Потом была вторая мировая война… Но будем искать — пообещали Евгению…

Уже месяц прошел с начала боев на Теруэльском выступе, но Теруэль по-прежнему приковывал внимание противоборствующих сторон.

16 января генерал Рохо вызвал на свой КП командиров 20-го и 22-го армейских корпусов, соединениям которых на следующий день предстояло ударом вдоль железной дороги Теруэль —

Каламоча вновь овладеть Конкудом. Здесь же находились и представители воздушных сил.

Когда были решены вопросы организации боя, Рохо, встав из-за стола, подошел к Еременко и поблагодарил сеньора Арагона от себя и бойцов республиканской армии за его вклад в борьбу испанского народа с фашизмом.

— Вы уезжаете от нас Героем Советского Союза, а мы считаем вас и ваших товарищей героями неба Испании, — пожимая руку Еременко, сказал генерал.

Так неожиданно Степанов узнал об отъезде Ивана Трофимовича на Родину и о назначении вместо него приехавшего из Советского Союза Василия Катрова…

После совещания испанские офицеры окружили «камарада Арагона». Крепкие рукопожатия, добрые пожелания… А Евгению Иван Трофимович сказал по-испански:

— Адьо, керидо амиго! Прощай, дорогой друг!

— Фелис бьяхэ! Счастливого пути!

— Завтра последний раз иду в бой, — вздохнул Еременко.

Подошли Птухин, Агальцов и Усатый.

— Оба комиссара едут к тебе в группу, Евгений. А Иван Трофимович, наверное, о завтрашнем вылете толкует? Ох и дался ему этот вылет, — улыбнулся Птухин.

— Да разреши ты человеку в последний раз в бой слетать, — вступился за Еременко Агальцов. Его поддержал Усатый.

— Ладно, ладно! Сдаюсь, — поднял руки генерал. — Но пока забираю сеньора Арагона на Харику. Ведь меня там Аржанухин и Александровская живьем съедят, если он с ними не попрощается.

Рассвет 17 января выдался на редкость тихим. Холодное солнце медленно поднималось над горами До аэродромов глухо доносилась не смолкавшая в районе Теруэля артиллерийская канонада.

Более часа назад Дуарте, Ороско и Рекалде ушли в разведывательный полет. С минуты на минуту патруль должен был вернуться на Эльторо. В тревожном ожидании Евгений Степанов, Никита Сюсюкалов и Леопольд Моркиляс стояли у самолета Хуана Комаса, прилетевшего на Баракас для получения задачи. С соседних аэродромов к Теруэлю уже ушли истребительные эскадрильи «москас» во главе с Еременко. Но «чатос», находившиеся в готовности номер один, по-прежнему ожидали сигнала. Затянувшееся отсутствие патруля настораживало.

Никто на Эльторо и Баракасе еще не знал, что Дуарте, Ороско и Рекалде, возвращавшиеся после выполнения задания, недалеко от линии фронта столкнулись с «мессершмиттами».

Силы были неравные, и республиканским истребителям пришлось нелегко. Лобовой атакой «чатос» все-таки пробили себе путь, но Мануэль Ороско был отсечен от товарищей. Семерка фашистов зажала его в огненные тиски, остальные бросились вдогонку за двумя другими республиканскими истребителями. Молодой пилот не растерялся. Чувствуя, что ему на своей подбитой машине против «мессеров» долго не продержаться, он решил дорого отдать свою жизнь. Бросившись на один из фашистских истребителей, он нижним крылом своего «чато» рубанул врага. «Мессершмитт» упал на скалы, но и самолет Мануэля был поврежден. Правое нижнее крыло, словно отрезанное в полуметре от фюзеляжа, держалось чудом Внизу были фашисты, и Ороско не стал прыгать. Да и оставить деформировавшуюся от удара кабину не представляло возможности Теряя высоту, «чато» все-таки летел. Самолет низко прошел над линией боевого соприкосновения. Ороско видел, как республиканские бойцы машут ему руками, оружием, головными уборами, но в ответ он не мог качнуть им крыльями своего истреби геля: машина еле-еле держалась в воздухе. Испанец упорно шел к своему аэродрому. И долетел. Как сквозь туман, увидел он мчавшуюся к месту посадки его самолета машину, бегущих по летному полю людей.

Возвращение Ороско видели с Баракаса все летчики. В тот же момент три эскадрильи группы Евгения Степанова были подняты в воздух.

На высоте четыре тысячи метров «чатос» подошли к Теруэлю, где уже кипел воздушный бой. Более ста республиканских и фашистских самолетов участвовали в нем.

Степанов качнул крыльями истребителя: «Иду в атаку!» Прорвавшись сквозь зенитный огонь, «чатос» ударили по фашистам..

В разгаре боя Евгений Степанов увидел, что один «чато» отбивается сразу от трех «фиатов», а сверху на него несутся «мессер» и еще один «фиат». Степанов ввел свой истребитель в пике. Догнав «фиата», он всадил в него короткую очередь. «Мессер» на миг отскочил в сторону. Но только на миг. Потянув за собой тонкую струйку дыма, «фиат» тоже бросился к окруженному фашистами республиканскому истребителю.

Подойдя ближе, Евгений увидел, что в беде находится Том Добиаш. Лобовой атакой Степанов сбил с курса подкравшийся к австрийцу фашистский истребитель. А Добиаш успел всадить в ринувшегося на него «мессера» пулеметную очередь. Но вспыхнул и его «чато», и Добиаш стал выходить из боя. На помощь ему подошли Короуз и Горохов. А Евгений Степанов устремился за

«фиатом», который пытался добить авсгрийца.

«Фиат» повернул к Кауде, и сразу, отсекая Степанова от преследуемого им фашиста, остервенело забили зенитки. На огромной скорости «чато» несся сквозь грозящее смертью небо. В прицеле — самолет врага. Фашист, видимо, почувствовал это. Он метнулся в сторону. Но очереди пулемета все же досгали его. «Готов», — успел подумать Евгений, намереваясь тут же уйти на высоту…

Ослепительно яркая вспышка преградила ему дорогу. Тугая волна горячего воздуха ударила в лицо. Евгений почувствовал ноющую боль во всем теле и невольно закрыл глаза. Словно обручем, сдавило виски. Ему показалось, что он проваливаегся в темную пустоту.

Когда вернулось сознание, Степанов в первое мгновениеничего не мог понять. В глазах мелькали разноцветные пятна. Он почувствовал, что «чато» беспорядочно кувыркается в воздухе. «Сбит. Сбит зениткой», — стучало в голове.

Пытаясь вывести истребитель в горизонтальный полет, летчик потянул на себя ручку управления. Но она свободно поддалась. Значит, перебиты тросы.

С каждым витком терялась спасительная высота. А Степанов, уже поняв, что нужно покинуть ставший неуправляемым самолет, медлил. Расстегнув замок привязаных ремней, он лег на борт кабины. Внизу белым кругом вертелась земля. С большим усилием Евгений оторвался от самолета.

Мелькнул борт истребителя с белой шестеркой. Степанова закрутило, и он с трудом поймал вытяжное кольцо. Рывок. Резко затормозилось падение, и летчик повис под куполом парашюта.

Оглушительно рвались зенитные снаряды, свистели осколки. Евгений ощутил резкие толчки. Поднял голову: сверху бессильно свисали несколько строп, разрезанных осколками. Купол принял неправильную форму, но все-таки держал пилота.

И вдруг стих огонь зениток. Невдалеке пронесся «мессер». Круто развернувшись, он бросился к спускавшемуся на парашюте летчику. Но тут же сверху к фашисту устремились яркие пулеметные строчки: это в лоб на «мессера» ринулся «чато» Никиты Сюсюкалова, а вслед за ним с высоты спикировали Иван Еременко и Антонио Ариас.

Начал рваться простреленный купол. С увеличивающейся скоростью Евгения потянуло вниз. Он уже не видел, как «фиаты», вытянувшись в цепочку, пикировали вслед за ним. Не видел, как к месту боя подошла эскадрилья Дуарте. Как Ромуло Негрин, спасая командира группы, нанес таранный удар по ведущему «фиату». Фашистская машина разлетелась на куски, а Ромуло с

рассеченным лицом и вывихнутой ногой над самой землей выбросился с парашютом из горящей кабины.

Не знал Степанов, что в эту минуту спасенный им Том Добиаш сумел посадить в горной расселине свой подбитый «чато». И что Тома, обмороженного, истекающего кровью, только на вторые сутки найдут республиканские бойцы…

Приближалась земля. На всякий случай Степановвытащил из кобуры пистолет и сунул его за отворот летной куртки. Поток воздуха сносил его к позициям противника. Схватив рукой часть строп, он с силой потянул их вниз, увеличивая и без того высокую скорость снижения.

От сильного удара о каменистый грунт у него подвернулась нога. Порыв ветра вздул купол парашюта, и Степанова поволокло по усыпанной обледенелыми камнями площадке. Он с трудом освободился от лямок и медленно пополз к возвышавшемуся в центре площадки темному валуну. Вздрогнула земля. Летчика швырнуло в сторону и чем-то тупым ударило по голове. Придя в себя, он увидел, что лежит на краю пропасти. А по склону, горы, совсем недалеко, ползут марокканцы. Евгений вытащил пистолет и, взведя курок, привалился к гранитной глыбе.

Сзади раздались выстрелы. Навстречу фашистам бежали республиканские солдаты. На бреющем полете над цепью марокканцев пронеслись «чатос».

Бой на земле и в воздухе продолжался…

За горизонтом времени… (Вместо послесловия)

Дорогой читатель! Ты прочитал последние страницы книги «Чатос» идут в атаку». Но повесть на этом не закончена. Ее логическим продолжением стала выпущенная в середине 1979 года издательством «Московский рабочий» книга «Под нами Халхин-Гол» На ее страницах мы вновь встречаемся с героями неба Испании Но теперь местом их боевых действий стал находящийся в десятках тысяч километров от Пиренейского полуострова район реки Халхин-Гол в Монгольской Народной Республике.

Верные пролетарскому интернациональному долгу, советские летчики, среди которых был и Евгений Степанов, летом 1939 года защищали от посягательств японской военщины дружественный нам народ Монголии. Там, над Халхин-Голом, в разорванном пулеметно-пушеч-ным огнем небе, капитан Виктор Кустов, товарищ Евгения Степанова по эскадрилье «Чатос», совершит выдающийся подвиг, нанеся своим истребителем таранный удар по флагману японских бомбардировщиков, пытавшихся прорваться к горе Хамар-Даба, где находился КП командовавшего советско-монгольскими войсками комкора Г. К Жукова. Но все это будет потом, после Испании.

В ту теперь далекую пору военная судьба распорядилась так, что тем, кто сражался с фашизмом и империализмом в небе Испании, Китая и Монголии, времени на передышку отпущено не было. И едва окончились бои у Халхин-Гола, последовал освободительный поход Красной Армии в западные области Украины и Белоруссии. А над Европой уже полыхал пожар развязанной фашистской Германией второй мировой войны… Потом были упорные бои в стылом небе над Карельским перешейком и четыре долгих года сражений в огненном небе Великой Отечественной.

В этой тяжелейшей в истории народов войне против гитлеровской Германии и ее союзников вместе с советскими летчиками, крыло к крылу, сражались многие испанские пилоты, о которых рассказано в повести «Чатос» идут в атаку». Но возвратимся к событиям в Испании.

Советские летчики-добровольцы, их товарищи по оружию, пилоты-антифашисты других стран, сражаясь за свободу и

независимость народа Испании, не требовали для себя никаких привилегий, наград и почестей. Честные, бесстрашные, они хорошо знали цену боевой интернациональной дружбы и ненависти к коварному и вероломному врагу. Высшей для них наградой было и остается тепло сердец простых испанцев. Они безмерно дорожат памятью людей, не забывающих то тревожное время борьбы с фашизмом. Все честные люди мира помнят, что Советский Союз, тогда единственное социалистическое государство, оказал народу Испании колоссальную материальную, политическую и военную помощь. В республиканскую Испанию из нашей страны было отправлено:

548 современных по тому времени самолетов, 347 новейших танков, 60 бронеавтомобилей, 1186 артиллерийских орудий, 20486 пулеметов, 497813 винтовок.

Страна Советов щедро делилась с испанским народом продовольствием, медикаментами, одеждой. Тысячи испанских детей приехали в Советский Союз из охваченной пожаром войны страны. Здесь им были созданы все условия для жизни, учебы, дальнейшего продолжения образования и работы. В наших летных школах прошли обучение сотни испанских пилотов, показавших в небе своей родины воинское умение, отвагу и геройство.

Вместе с антифашистами 54 стран мира на стороне республиканцев сражалось более 3 тысяч советских добровольцев: военные советники, летчики, танкисты, артиллеристы, военные моряки, саперы, врачи, связисты, инженеры, техники, переводчики и др. Тысячи советских добровольцев и моряков торгового флота награждены боевыми орденами и медалями 59 посланцам Страны Советов было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. 200 наших добровольцев погибли и остались навеки лежать в каменистой земле Испании.

Жестока и сурова была национально-революционная война испанцев против фашизма. Когда Франко спросили: «Если бы потребовалось, смогли бы вы перебить половину Испании?» — каудильо не задумываясь ответил:

«Я добьюсь победы, чего бы это ни стоило!» О том, что Франко, его германо-итальянские пособники вели тотальную войну против испанского народа, свидетельствует факт, приведенный специальным корреспондентом «Правды» Михаилом Кольцовым. «Только за пятнадцать дней Мадрид пострадал больше, чем все европейские столицы во время первой мировой войны» — писал он осенью 1936 года. То же подтверждает трагическая судьба городов Герники, Дуранго, Альмерии…

О большинстве советских летчиков и антифашистах других

стран в книге написано впервые, в том числе и о ее главном герое — москвиче Евгении Степанове. О каждом из них можно написать значительно больше и подробнее. Но строгие рамки объема повествования ограничивают желание автора. Остается надежда, что о них расскажут другие.

Повесть-хроника «Чатос» идут в атаку» писалась нелегко. Почти полувековой пласт времени наложил на работу автора свой отпечаток. К сожалению, не все добровольцы дожили до наших дней. Многим из них после Испании довелось воевать в небе Китая и Монголии, над Карельским перешейком, участвовать в Великой Отечественной войне. А у войны свои законы.

Несколько слов о главном герое повести, отдавшем авиации более полувека жизни, Герое Советского Союза Евгении Степанове, на долю которого выпало четыре войны.

Начав со строительства и парения на простейшей конструкции планера, талантливый летчик впоследствии освоил все типы советских истребителей тридцатых и сороковых годов Работал летчиком-испытателем. Он внес большой вклад в послевоенное развитие нашей спортивной авиации, планеризма, парашютизма. Долгое время Е. Н Степанов был вице-президентом Международной федерации авиаспорта (ФАИ), достойно представляя в ней нашу страну. Ему, первому в истории мировой авиации летчику-истребителю, совершившему ночной воздушный таран, выпала высокая честь подписать акт о полете в космос гражданина Советского Союза, первого космонавта мира Юрия Гагарина.

Книгу эту помогли писать люди, сражавшиеся с фашизмом в Испании, работники архивов, музеев, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, бывшие летчики республиканской Испании.

В наши дни, когда на всех континентах планеты сплачиваются силы мира, демократии и социализма против империализма и агрессии, мы не должны забывать о суровых уроках национально-революционной войны в Испании, об интернациональном подвиге советских людей и антифашистов других стран, пришедших на помощь испанскому народу в трудную годину борьбы с фашизмом…

notes

Примечания

1

Иностранный легион — наемное соединение из деклассированных элементов иностранного происхождения. Использовался для подавления национально-освободительного движения в испанских колониях и борьбы с революционными массами внутри страны.

Наемные марокканские войска — части, созданные из местного населения испанского Марокко. Неоднократно применялись для борьбы с революционным движением в Испании.

2

Чатос — курносые (чато — курносый).

3

Советский истребитель И-15 конструкции Н. Поликарпова в то время не имел себе равных в мире по маневренности. Скорость — до 368 километров в час.

4

Советский истребитель И-16 конструкции Н. Поликарпова имел скорость до 464 километров в час.

5

Немецкий истребитель «Мессершмитт-109» впервые был применен в Испании на Северном фронте в мае 1937 года.

6

Подполковник Мартин Луна, командующий военно-воздушными силами Северного фронта.

7

Под таким именем находился в Испании Федор Аржанухин, советский летчик-доброволец, советник командующего ВВС Северного фронта.

8

Так называли испанцы советский скоростной бомбардировщик СБ, сконструированный бригадой А. Архангельского под руководством А. Туполева.

9

На рассвете 17 июня 1937 года, взлетев с аэродрома Алькала-де-Энарес под Мадридом, эскадрилья истребителей И-16, пилотируемых советскими летчиками-добровольцами В. Уховым, И. Евсевьевым, Н. Демидовым, А. Зайцевым, Н. Козыревым, В. Жундой, С. Кузнецовым, В. Николаевым, прошла в высотном полете над территорией, занятой мятежниками, и совершила посадку на аэродроме Альберисия, вблизи Сантандера, в Северной Испании. Лидировали истребители на СБ летчик А. Сенаторов и штурман И. Душкин.

10

Р-зет — двухместный самолет конструкции Н. Поликарпова. В республиканской Испании применялся как легкий бомбардировщик, разведчик и штурмовик.

11

Под этим именем в Испании сражался венгерский писатель Коммунист Мате Залка.

12

Полковник

13

Белый. Так называли в Испании светловолосого Леонида Рыбкина.

14

Майор.

15

Под таким именем находился в Испании комиссар советских летчиков-добровольцев полковой комиссар Ф. А. Агальцов.

16

Скорость СБ на высоте 4000 метров достигала 424 километров в час, что в то время значительно превышало скорость не только бомбардировщиков Англии, Германии, Франции, Италии, США, но даже истребителей.

17

Сосуд с длинным носиком.

18

Лейтенант.

19

Советский доброволец Кондратьева Аделина Вениаминовна.

Под такими именами находились в Испании советские летчики-добровольцы Михаил Якушин и Анатолий Серов.

21

Так буржуазная пресса называла мятежников.

22

В ночь на 28 июля 1937 года Анатолий Серов в зоне Мадрида перехватил и сбил ночной Ю-52.

23

Советский доброволец Софья Михайловна Александровская.

24

Под такой фамилией находился в Испании советский летчик-доброволец Евгений Степанов.

25

Командир.

26

Так называли В Испании советского летчика-добровольца Ивана Евсевьева.

27

Накануне Евгений Степанов был назначен командиром звена, в которое вошли Том Добиаш и Вальтер Короуз.

28

Под таким именем находился в Испании советский летчик-доброволец Иван Еременко.

29

Ф. И. Усатый находился в Испании на должности главного политического советника республиканской армии.

30

Командующий истребительной авиацией республиканской Испании.

31

В Испании Г. М. Штерн находился под именем Григоровича.

32

Славная — так называли испанцы республиканскую авиацию.